

**ВИКТОР
ГРОМОВ**

**ПУНКТ
НАЗНАЧЕНИЯ
1978**

После смерти сестры моя жизнь пошла наперекосяк. Но высшие силы дали мне шанс все исправить. Вернули в лето 1978. Теперь мне снова шестнадцать. Осталось понять, кто мой враг, спасти сестру и начать жизнь с чистого листа. Словом, сделать все то, с чем я не справился с первой попытки.

Глава 1. Август 2019

Лелька поднялась и игриво потянулась, слегка отклячив аппетитную попку. Я в который раз ею залюбовался. Не смотря на далеко не юные сорок три, фигура у Лельки была стройная, подтянутая. И сейчас в полумраке задернутых гардин, когда не было заметно неизбежного целлюлита и слегка подвисшей кожи, бабенка казалась натуральной нимфой.

Четко понимая, о чем сейчас думает ее мужчина, Лелька слегка покачала бедрами. Похоже, сегодня мне просто так уйти не дадут. Да я, собственно говоря, и не против. Полдень, воскресенье, спешить некуда. Дома все равно никто не ждет.

В голове мелькнула мыслишка: «Кошку что ли купить?» Мелькнула и исчезла. Поза Лельки стала совсем недвусмысленной. Эта зараза точно знала, что нужно делать, чтобы завести мужика.

Внизу живота разлилась тяжесть. Оружие пришло в движение и заняло боевую позицию. Как-то слишком легко и неожиданно. Однако... И я не стал сопротивляться.

— Иди сюда.

Прихлопнул ладонью по простыне, словно подзывал кошку. Лелька тут же приняла правила игры и «вползла» на постель. Только что мурлыкать не стала.

По телу разливалась блаженная нега. В постельных делах Лелька была настоящим асом. Где только поднаторела? Хотя, лучше не вдаваться в подробности. Зачем? Мне уже давно не двадцать и даже не тридцать, да чего уж там, даже не...

Я исподтишка бросил на нее взгляд, точно боялся, что может подслушать. Кто их, этих баб, разберет? Ведьмы через одну.

Вид у Лельки был самый что ни на есть серьезный и вдумчивый. Пальцами она перебирала завитки на моей груди, а мыслями была где-то далеко. Я уже хотел предложить ей остаться. Не навсегда, на сегодня...

Но она испортила все сама. Вдруг спросила:

— Олежек, может нам пожениться?

Мозг от неожиданности включил автопилот и выдал:

— Зачем? Нам и так хорошо...

Божественная нимфа моментально превратилась разъяренную фурию.

— Зачем?!

Лелька подскочила, сдернула с меня одеяло и наглухо прикрыла все, чем только что так щедро светила направо-налево.

— Зачем?! — Снова прокричала она и уперла в меня указующий перст. — Я с тобой уже два года! А ты за все это время даже...

Дальше я уже не слушал. И так было ясно, что совершил ни больше, ни меньше, как жуткий грех, лишь по недосмотру самого Господа, не поименованный в списке смертных грехов.

Совершил и совершил. Первый раз что ли? Куда больше, чем Лелькины крики, меня волновала мысль, что не мешало бы отлить. Я слез с кровати и принялся одеваться. Спокойно, без нервов. Не в том я уже возрасте, чтобы волноваться из-за женских истерик.

Лелька так увлеклась своим монологом, что сборы мои заметила не сразу. А как заметила, взъярилась еще сильнее.

— Ну и катись! Заорала она. Катись! Не больно-то и надо. У меня таких как ты... Только позову, десяток явится!

Я подошел к окну, отдернул штору и глянул вниз. Толпы поклонников под окнами не наблюдалось. Лелька от возмущения пошла алыми пятнами. От этого как-то разом постарела и подурнела.

— Не позорься, — сказал я спокойно. — Соседи слышат.

Зря сказал. Лучше бы и дальше молчал. Она взвизгнула:

— Пусть слышат! Пусть знают, какой ты подонок!

Это уже был перебор. Но озвучивать свои мысли вслух я не стал. Сама успокоится. Просто вышел в прихожую, вдел ноги в кроссовки, прихватил с вешалки ветровку.

Лелька стояла в дверном проеме, на пороге спальни, руки у нее были сложены на груди. Одеяло давно потерялось в пылу жарких дебатов. Мой взгляд невольно притянулся к стратегическим местам. Я вздохнул. И все-таки, хороша, зараза. Этого у нее не отнимешь.

— Ну? — Прорычала она. — Чего встал? Катись, скатертью дорога!

Хороша-то, хороша, но стерва тоже знатная. Я щелкнул замком и вышел в подъезд.

— Остынешь, позвони.

В дверь, подобно гранате, вылетел Лелькин зонт в чехле. Снаряд явно целил в самое дорогое, но промазал и попал в бедро.

— Ну и дура. — Сказал я уже совсем без эмоций. — Потом реветь будешь.

И захлопнул дверь.

Лифт, как на зло, не работал. А этаж у Лельки ни много, ни мало, — шестнадцатый. Черт ее дернул забраться так высоко! А мне давно уже давно не сорок. Это лет десять назад я с легкостью скакал по ступенькам, а сейчас... Я перегнулся через перила и глянул вниз, словно это хоть как-то могло убыстрить процесс. Вздохнул и поплелся по лестнице, похрустывая коленями.

Телефон зазвонил на втором. На экране высветилось: «Батя». Значит, ничего хорошего ждать не приходилось — с хорошими известиями отец мне не звонил уже давно. Я ткнул пальцем в зеленую трубку и сказал, стараясь, чтоб голос звучал, как можно спокойнее:

— Привет, пап.

— Ты где? — Раздалось вместо ответного приветствия.

— В подъезде. Сейчас выйду на улицу и поеду домой...

Отец чуть помолчал.

— С Ольгой опять поругались?

Я аж прицокнул от восхищения. Вот как ему так удастся? Все время в яблочко. Может, он у меня ясновидящий? Отвечать не хотелось. Но, как говаривал наш прапор, — надо, Вася, надо.

И я ответил уклончиво:

— Есть немного.

Отец на том конце провода завздохал.

— Женился бы ты на ней, Олежек. Хорошая же баба. Что тебе не так? Не забыл, что пенсия не за горами? Один останешься. Мы с матерью не вечные.

Ох, батя, данные у тебя основательно устарели. Да пенсии мне теперь, как до Китая раком. Но вслух пришлось сказать примирительно.

— Я подумаю, батя. А ты чего звонишь?

Отец замялся. Я не торопил.

— Приезжай, Олег, — сказал он, когда я уже вышел из подъезда. — Мать совсем плоха.

Горло перехватило. Вот не хотел же курить, но рука сама потянулась к карману. Сигарета, зажигалка, теплое облачко из ноздрей. Так гораздо легче. Так спокойнее. В горле больше не стоит тяжелый ком. Можно и сказать.

— Бать, я не приеду. Ты прекрасно знаешь, чем это обычно заканчивается.

— Знаю, — не стал спорить он. — И тебя знаю. Ты потом будешь себя корить, если сейчас не простишься.

Я с сожалением посмотрел на тлеющую сигарету. Толку от нее больше не было. Бесплезное «лекарство» отправилось в ближайшую урну.

Отец молчал. Отец ждал. Отец точно знал, о чем я сейчас думаю, как и знал, что отвечу. Родители всегда знают такие вещи. И я его не разочаровал:

— Хорошо, сейчас приеду. Жди.

Отчий дом. Старая кирпичная башня начала семидесятых. Два корпуса. Лифтовая шахта, огороженная сеткой. Таких сейчас уже не делают. Настоящий раритет. Дом словно так и остался в тех далеких временах. Законсервировался, окуклился — никаких изменений, разве что домофон на дверь поставили.

Лифт привез меня на пятый этаж, лязгнул решеткой, выпустил на волю. И я оказался на крошечном пятаке — полтора на полтора. Темном и замызганном. Отсюда вправо и влево вело две двери. Мне нужна была правая. И я позвонил.

Отец открыл сразу. Словно ждал, стоя в коридоре. Даже замок не щелкнул.

— Входи.

Он распахнул передо мной дверь и посторонился пропуская. Мерзко пахло болезнью и умиранием. Удивительно, но у старости и смерти есть четкий узнаваемый запах. Иногда кажется, что его узнавание заложено в нас на уровне генов. Здесь этот запах был концентрирован до предела.

Отец протянул мне старенькие тапочки. Я послушно переобулся, повесил на крючок ветровку и спросил:

— Мать в спальне?

Он кивнул, потом суетливо отвел взгляд и проговорил:

— Погоди, я первым зайду.

Первым так первым. И отец проскользнул внутрь. До меня донеслось:

— Наденька, ты только посмотри, кто к нам пришел!

Тон был излишне ласковый, лебезящий.

— Кто?

Голос матери безжизненно шелестел. От обычной энергии и силы не осталось и следа.

У меня сжалось сердце. Как давно я видел ее последний раз? Пятнадцать лет назад? Нет... семнадцать. Точнее, это она отказалась видеть меня. А я не посмел нарушить ее волю. Отец выглянул в дверной проем и махнул рукой, мол, заходи.

Мать лежала на кровати, куда больше похожая на страшную копию самой себя, на восковую куклу, чем на живого человека. Жиденькие седые волосы были аккуратно зачесаны назад и заколоты дешевым пластиковым гребнем. Поверх одеяла лежали сухие руки.

Мне она не обрадовалась.

— Здравствуй, мама.

Равнодушный взгляд мимо. Голос стал резким, каркающим.

— Саша, ты зачем его привел?

Отец заюлил:

— Ну, как же, Наденька, он должен был прийти, все же он наш сын.

— У меня нет сына. У меня никогда не было сына. Я не знаю этого, — она брезгливо поморщилась, — и знать не хочу. У меня была дочь. А он...

Она замолчала, не договорив, и отвернулась. Куда уж яснее — здесь я был лишним.

— До свидания, мама.

Я вышел, свернул в кухню и уселся на табурет возле приоткрытого окна. Обычно здесь курил отец. Так не будем нарушать традицию. Сигарета сама прыгнула в пальцы.

Пока отец успокаивал мать, я успел выкурить две штуки, но легче не стало. Он пришел какой-то осунувшийся, усталый, погасший. Чиркнул спичкой, поставил на газ чайник.

— Чай будешь?

Я покачал головой, раздумывая, не закурить ли третью.

— А кофе?

И тут я не сдержался:

— Папа, ну ты-то хоть понимаешь, что я здесь не при чем?

Он стыдливо опустил глаза и пробубнил уклончиво:

— Как тебе сказать...

Не раскуренная сигарета переломилась в пальцах, сердце сковал лед.

Отец договорил:

— Только в тот день с Ирочкой был ты...

— Папа!

Я не мог поверить своим ушам. Ладно мать. Женские поступки часто лишены логики. Но отец! Если даже он...

— Извини. Мне все понятно. Больше не буду вам мешать. Ты тоже можешь считать, что у тебя никогда не было сына.

Наверное, это прозвучало жестоко, только отец даже не стал меня останавливать. Он стоял и дрожащей рукой пытался надеть на чайник свисток. Я метнулся в коридор, скинул тапки, подхватил подмышку куртку и... не смог сразу попасть ногой в кроссовок. Глаза застилала слезы. В голове стучало.

Надо же, а я считал, что никогда больше не смогу заплакать. Слишком много слез было пролито тогда — в августе далекого семьдесят восьмого. Слишком много боли тогда пришлось пережить. Все эти годы я думал, что тот кошмарный август выжиг во мне жалость. Навсегда. Ан, нет! Жаль было мать. Жаль отца. Жаль себя. Себя, пожалуй, жальче всех.

Тот август унес не только мои слезы, он украл у меня счастье, разрушил всю мою жизнь. Забрал то, что всех нас объединяло, делало из нас семью. Дружную, счастливую. Как жаль...

только ничего нельзя вернуть.

Лифт остановился на первом. Кабина напоследок слегка подпрыгнула, и я рванул к выходу. Здесь, в подъезде, было слишком душно. Эти стены давили на меня. Хотелось глотнуть воздуха, избавиться от страшных воспоминаний. Забыть. Обо всем забыть...

Я толкнул дверь и вырвался на волю. В лицо ударил прохладный ветер. Уйти, убраться отсюда, как можно быстрее! Ноги сами понесли вперед.

Я поднял лицо к небу и мысленно прокричал:

— Господи, я готов отдать свою жизнь, лишь бы вернуться туда, назад и все исправить.

Небеса ответили безмолвным равнодушием. Господь очень редко снисходит до разговоров по душам. И ж точно не со мной. Я сделал шаг. Услышал визг тормозов, чей-то крик. Удар, мгновенная боль. И свет погас. Сознание еще успело уловить взволнованное:

— Кто-нибудь, вызовите скорую!

Все. Я отдал жизнь, как и обещал. Правда, Ирку это не вернуло.

Глава 2. Копейка, блатняк и заяц

Надоело нам на дело свои перышки таскать!

Мамы, папы, прячьте девок, мы идем любовь искать!

Надоело нам волыны маслом мазать день-деньской,

Отпусти маманя сына, сын сегодня холостой!*

Разбудила меня песня. Какое-то время я ее еще слушал, поражаясь, где только умудрились раскопать такой раритет. Потом вдруг сообразил, то сплю отчего-то сидя, ужасно неудобно, что меня качает и потряхивает. Изумился еще сильнее и открыл глаза.

Глубокий с хрипотцой голос выводил:

Настали дни балдежные для граждан,

Тузов вальяжных и касс багажных.

Пусть станет хорошо орлам отважным,

Пускай на пляже ребята лягут.

Над головой у меня был низкий потолок из кожи молодого дерматина. Светлый, в темную крапинку. Под задницей довольно жесткое сидение. К спинке этого сидения я благополучно прилип щекой. Перед глазами в окне мелькали виды — большей частью желтые поля, разделенные купами высокого кустарника.

По всему выходило, что нахожусь я сейчас в автомобиле. Только вот совершенно не могу вспомнить, как в него попал и куда еду.

Налетчики устали от налетов,

Всю ночь работать кому охота!

Все ночи напролет одна забота:

Искать кого-то под коверкотом.

Песня эта показалась мне знакомой. Вопрос вылетел сам собой:

— А что такое коверкот? — Голос у меня был чужой, какой-то детский, ломающийся. Ладонь сама собой от испуга прихлопнула губы.

— Пальто такое мужское, — ответил отец, — проснулся Олежка? Что-то ты разоспался.

Пальто? Машина? Да здесь такое происходит? Каким ветром меня сюда занесло? Все вдруг показалось неправильным.

Мой взгляд пробежался по салону. Рядом со мной, на другом конце сидения притулилась, поджав под себя ноги, Ирка. Меня она старательно не замечала. Читала книгу. Я усмехнулся. Ирка так делала всегда, когда изволила дуться. А дулась она с завидной регулярностью.

Из зеркала заднего вида на меня смотрел молодой отец. Кто сидел передо мной, отсюда видно не было. Вероятно...

Стоп! Ирка? Отец? Неужели получилось? Я все еще боялся поверить своим глазам. Видимо, у меня изменилось лицо, потому что отец вдруг спросил:

— Олег у тебя все в порядке?

Я ответил поспешно:

— Да, пап, укачало только немного.

Мать не глядя протянула леденец, завернутый в синий фантик.

— Возьми, станет полегче.

И я, как послушный сын, зашелестел бумажкой.

В детстве мне очень нравился этот вкус. Хотя, почему в детстве? Все, Олег, все, пора отвыкать от стариковских замашек. Теперь не придется вставлять к месту и нет: «А вот в наше время!» Я едва не рассмеялся вслух. Теперь в этом «детстве» придется жить. И не кому-нибудь, а мне. Мне! МНЕ!!! Я развернул сине-розовый фантик, разгладил его на ладони, полюбовался на лайнер и прочитал: «Карамель взлетная!»

Почему-то все считали, что леденцы помогают от тошноты. Кому-то они, и правда, помогали. Народ еще не успел узнать отрезвляющее слово «Плацебо» и свято верил в чудодейственные свойства разной ерунды.

Внутренний циник тут же взял слово и напомнил мне, что в двадцать первом веке мало что изменилось. Люди любят, когда их дурят. И охотно ведутся на обман.

— А мне? — Немедленно возмутилась Ирка.

Мать тут же выдала конфету и ей. А во мне всколыхнулась давняя неприязнь. Всколыхнулась и пропала. Теперь, своим взрослым умом я прекрасно понимал, что это — обычная детская ревность. Но раньше она основательно отравляла мне жизнь.

Леденец за щекой растекался приятной кислинкой. Я неспешно перекидывал его со стороны в сторону. Отчего-то вспомнилось, как отец купил копейку, как захлеб рассказывал, какая у него чудесная ласточка, какой ему достался замечательный цвет. Практичный. Немаркий. Сплошные плюсы.

Потом мы все, гуськом, бежали по лестнице во двор, чтобы лицезреть это чудо воочию. У подъезда стоял новенький жигуль. И я прекрасно помню лицо матери.

— Это и есть твой красивый цвет? — спросила она изумленно.

Отец слегка попритух.

Копейка потом служила родителям верой и правдой лет пятнадцать. Пока ее не сменила пятерка. А цвет именовался оливковым. Сам отец им очень гордился. Мать же непременно морщила нос и обзывала его по-простому — болотным. Споры по этому поводу возникали с

завидной регулярностью. На лицо напознала усмешка. Удивительно, что только не хранится в глубинах нашей памяти?

Я покрутил ручку стеклоподъемника, высунул голову наружу и глянул на бок железного коня. Ну, точно! Болотный! И преисполнился гордости. Ха! Значит далеко еще до склероза! Значит, есть еще порох в пороховницах!

— Олег! — Раздалось возмущенное. — Это что еще за дела? Кто разрешил тебе высовываться на ходу?

Мама негодовала. Я поспешно нырнул обратно.

— Прости, ма, больше не буду.

Вырвалось это само собой. И стало отчего-то приятно. Сорок лет мама не беспокоилась обо мне. Сорок лет назад она просто вычеркнула меня из своей жизни. А тут...

Я закрыл глаза и горячо подумал:

— Спасибо, тебе, Господи. Спасибо, что принял мою никчемную жизнь в дар. Спасибо, что дал шанс все исправить. Я постараюсь тебя не подвести.

Господь, как всегда, промолчал. Зато кто-то ткнул в бок. И Иркин голос зашептал:

— Олечка, а что ты там увидел? Скажи! Ну, скажи! Мне тоже интересно.

— Зайца, — ответил я, как можно серьезнее. А потом развел руки, на манер заправского рыбака и добавил: — воот такенного.

Ирка тут же надулась.

— Олег! — Снова окликнула меня мать. — Прекрати ее дразнить.

Я откинулся на спинку сидения и мечтательно улыбнулся. Эта поездка нравилась мне все больше и больше.

По моим прикидкам прошло не меньше двух часов. В машине все время переговаривались. Я же большей частью молчал, стараясь вспомнить, как должен вести себя обычный советский пацан в возрасте шестнадцати лет. В голове было потрясающе пусто. Память отказывалась подкидывать нужную информацию. В голову лезла исключительно Вика. И я с ужасом и нетерпением думал о том, что снова встречу с ней.

Вика стала для меня недостижимым идеалом на долгие годы. Я представил себе нашу первую встречу и громко, совсем по-стариковски вздохнул.

Мать поняла это по-своему.

— Саш, — попросила она, касаясь отцовского плеча, — давай остановимся. Всем пора размяться. Да и перекусить не мешало бы.

Отец наклонил голову и поцеловал ее пальцы.

— Сейчас, где-нибудь встанем.

А потом, глядя на нас в зеркало добавил:

— Кустики всем нужны?

— Мне! — Ирка с готовностью вытянула руку, совсем как на уроке.

Я поймал в зеркале отцовский взгляд и кивнул.

— Вот и хорошо. — Улыбнулся он.

Подходящее место нашлось почти сразу. В десятке метров от шоссе начинался молодой лесок. На опушке его рос густой кустарник. С дороги к лесу вела основательно утоптанная тропа. Этой остановки я не помнил. И вообще не помнил многого.

— Ира, — мать протянула руку, — пойдём.

И дамы удалились.

Батя любовно посмотрел им вслед, пробормотал:

— Девочки направо, мальчики налево...

И направился в другую сторону, бросив на ходу:

— Олег, ты идёшь?

Я поспешил следом. На ногах у меня были кеды. Самое то для походов по лесу. На отце — смешные сандалии, надетые прямо на носок. Тоже неплохо.

Этот лесок оказался довольно популярным местом. Повсюду валялись размоченные и подпорченные временем клочки газетки. У меня не возникало никаких сомнений, что употребили их исключительно по назначению. Зато нигде не видно вездесущих пакетов и одноразовой посуды.

В лесу было чудесно. Тихо, свежо. Сквозь редкую листву пробивалось солнце. Мы прошли чуть глубже и неожиданно наткнулись на старый куст лещины, сплошь усыпанные орехами.

— Ого, — сказал отец, — вот это мы удачно зашли.

Он сорвал четверную гроздочку и протянул мне.

— Давай, Олежка, пробуй.

Ясное дело, что я бы прекрасно управился и сам. Но искренняя отцовская забота была приятна. Орех без усилия лопнул. Внутри оказалось ядрышко, ещё молочной спелости, но уже довольно крупное.

Отец разгрыз свой орех и довольно причмокнул:

— Чистый мед! Давай наберем, порадуем женщин.

Я с сомнением поглядел на пустые руки.

— Куда?

Батя задумался.

— Сейчас, — вытащил из-за пояса рубашку и оттянул перед собой гамачком, — давай сюда.

Рубашка была голубой, совсем светлой. Зелень орехов — сочной. Меня одолели сомнения. Умом я понимал, что таких мыслей у пацана быть не должно, но привычки так просто не вытравить. Поэтому сказал:

— Не думаю, что мать нас за это погладит по головке.

Отец поглядел на себя, на орешник, на меня и беззаботно выдал:

— Ерунда, рви. Вот увидишь, как она обрадуется. — И, словно сам себя уговаривая, добавил. — Знаешь, как Иринка любит орехи?

Уже на обратном пути, в кювете, я заметил побитую ржой банку из-под кильки в томате и подумал, что во все времена люди одинаковы. Всегда найдут способ загадить мир вокруг себя.

Мама с Ирккой успели вернуться и хлопотали возле машины. На багажнике расстелили

кусочек белой в голубой цветочек клеенки. У колеса стоял большой разноцветный термос с помпой. Забавно, но термос этот до сих пор пылился у родителей на антресолях. Ни отец, ни мать отчего-то не рискнули его выкинуть. Там же, сложенные аккуратными стопками, нашли последнее пристанище Иркины книги. Только моих вещей в этом доме не было. Ничего, теперь мы это исправим.

Мать увидела нас первой. Она держала в руках нож и на весу нарезала хлеб. Сказать, что она не обрадовалась — не сказать ничего.

— Саша, — раздался возмущенный окрик, — что это? Ты чем думал?

Нож указал на злополучные орехи. Отец конфузливо пожал плечами.

— Вот, орешков принесли, — пролепетал он.

Хлеб полетел на клеенку, рядом осторожно лег нож. Даже в гневе матери хватило ума не портить машину. Зато отцу откровенно угрожал разнос. Мать бушевала:

— Орехи? Я бы поняла, если бы так сделал Олег! Но ты... Ты же рубашку испортил!

Батя бросил взгляд на «ценный груз» и промолчал. Я тихо стоял рядом и старался прикинуться ветошью. Сейчас лучше было не отвечивать. Иначе прилетело бы и мне. А я совсем не был уверен, что смогу отреагировать правильно. Всех спасла Ирка. Она поднырнула матери под руку, обняла ее за талию, заглянула в глаза и сказала примирительно:

— Мам, папа хороший, он мне орешков принес. Не ругай его.

Мать фыркнула, покосилась на отца и как-то сразу сдулась. Отстранила Ирку, залезла по пояс в машину, вынула откуда-то коричневую матерчатую сумку и кинула нам.

— Сюда пересыпайте свое сокровище. — Она опять взялась за нож. И указала им на отца. — Рубашку сам будешь стирать.

Батя вздохнул с облегчением. Ирка подхватила с земли сумку и радостно запрыгала.

— Папочка, — ее голос звенел от восторга, — ты самый лучший.

— Лучший, — съязвила мать, — только хорошие вещи портит.

Рубашка действительно была от души изгваздана зеленым соком. Отец кривясь заправил ее в брюки, потер ладонью пузо и бросил на меня странный взгляд. В нем так и читалось: «Откуда ты только это знал?» Откуда... Я опустил глаза. Такое не объяснишь.

Нет, надо быть осторожнее. Надо держать язык за зубами.

Мать больше не сказала ни слова. Отец, чтоб лишний раз не маячить у нее перед глазами, полез под капот своего железного коня. Мама тут же проворчала что-то про кота, который, когда ему нечем заняться, сами знаете, что делает. Но тихо, так, чтобы не услышала Ирка.

А я неожиданно поймал себя на мысли, что мне ужасно не хватает телефона. Жуткий яд, именуемый интернетом, основательно успел отравить мой мозг. Рука постоянно тянулась к карману, желая пополнить багаж бесполезных знаний. Тогда, чтобы хоть чем-то себя занять, я присел на корточки, подвинул к себе сумку и стал чистить орехи от зелени.

Ирка тут же пристроилась рядом. Принялась помогать. Дело шло медленно. Орехи были неспелые.

— А ты точно видел зайца? — Вдруг спросила сестра.

Было видно, что она очень-очень хочет мне поверить.

— Извини, Ир, — признался я, — я просто неудачно пошутил.

*«Песня налетчиков» Александр Розенбаум

*Коверкот — есть два значения:

1. Плотная шерстяная ткань саржевого переплетения, сотканная из крученых нитей разного цвета.

2. Однобортное мужское пальто, сшитое из вышеупомянутой ткани и оснащённое скрытыми застёжками.

Чтобы избежать вопросов. Кто не верит, может посмотреть в сети. Кассетные автомагнитолы в СССР выпускались с 1974 года Загорским ПО «Звезда» и были рассчитаны на установку в автомобиль Жигули «ВАЗ-2103». Но умельцы приспособились устанавливать их и на другие модели Жигулей. В частности, в копейку.

Глава 3. Как пройти в библиотеку?

На место мы приехали уже ближе к вечеру. В первый раз мне здесь невероятно понравилось. Сейчас же городок поразил своей экзотической неказистостью.

Был он совсем небольшой. Старые кирпичные дома — самый высокий в четыре этажа. Сплошь извилистые улицы — не одной прямой, одни изгибы и повороты. Кое-где асфальт плавно перетекал в допотопную мостовую. И в мостовой этой была натыкана туева хуча люков.

Копейка на них подпрыгивала и звенела. Отец сквозь зубы тихонько ругался, стараясь употреблять исключительно цензурные слова. Найти по карте нужный адрес у нас не получилось. Квартал мы объехали трижды, пока не надумали спросить направление у аборигенов.

После этого дом наш нашёлся легко. Батя загнал машину во двор. Я вылез из салона, пробежался вдоль подъездов, отыскивая нужный номер. Слету определить это не удалось.

Дом, по уверению местных, был постройки времен Петра Первого. Темно-красный, кирпичный, в два этажа. Состоял он из двух корпусов, соединённых в торце низенькой неказистой пристройкой с четырьмя дверьми. Семейство мое ещё ожидал большой сюрприз, я же помнил, что все удобства, положенные этому дому, располагались именно там — в пристройке.

Наш подъезд нашёлся справа.

Сюрприз удался на славу.

— Ир, — приказала мать, стягивая с ног босоножки, — бегом в туалет. А то здесь уже очередь.

— Ага!

Ирка быстро сориентировалась в пространстве и ускакала в сторону кухни. Оттуда донеслось удивленное:

— А где здесь туалет?

Мать проворчала беззлобно:

— Детский сад, ничего без меня не можете!

Отец улыбнулся и подмигнул мне — на этот раз досталось не ему. Я сидел у дверей на корточках, делая вид, что вдумчиво расшнуровываю кеды. В отличие от них от всех, я еще с прошлого раза помнил — в квартире лишь кран с холодной водой да раковина на кухне.

— Саш, иди сюда! А туалет-то где?

Отец аж сменился в лице. Он нехотя поплелся на зов. Мне ничего не осталось, как отправиться следом. На кухне разыгрывалась трагедия. Мать с Ирккой с паникой в глазах оглядывались вокруг. Ни здесь, ни в коридоре, дверей, ведущих в санузел, видно не было.

— погоди, Надюш, — попытался успокоить отец. — Давай, поищем. Кто их знает, какая тут планировка?

Они все дружно высыпали в прихожую. Осматривать там было особо нечего. Две распахнутые двери: одна в гостиную с диваном, другая в маленькую спальню с двумя кроватями.

Мать попутно распределяла, кто где ночует.

— Мы с отцом здесь, — сказала она, обзрев диван. — А вам с Иринкой тут будет удобно.

Я мельком глянул на древние кровати с никелированными шарами на спинках и панцирной сеткой и тут же вспомнил, как отчаянно они скрипят в ночи. Сразу подумалось: «Я бы предпочел диван!» Но мнения моего никто не спрашивал.

Отец тем временем дошел до конца коридора и уперся в закрытую дверь. На двери был намертво приклеен пожелтевший от времени альбомный лист. На нем кто-то чернильным карандашом написал: "не входить". В конце, чтобы не осталось никаких сомнений, было поставлено три восклицательных знака.

— Странные люди, — сказала мать, — зачем писать? И так никто не пойдет. Только дверь хорошую испортили.

Двери этой я тоже не помнил. Батя подергал за ручку и пожал плечами.

— Заперто. Действительно, странные.

Он отколупнул уголок листка и изумился еще сильнее.

— Надо же, не поленились, приклеили на бустилат.

Мать совсем расстроилась.

— Ну вот, теперь это ничем не отодрать.

— А зачем тебе это отдирать? — Хохотнул отец. — Это же не твоя дверь.

Вопрос был резонный, но мама привыкла быть права. Она возмущенно сверкнула глазами и поджала губы.

Я смотрел на эту дверь — простую, гладкую, деревянную. Выкрашенную добрым пятком слоев белой краски. И удивлялся. Нашли из-за чего страдать. Выкинуть и всех делов. Этому дерьму давно место на свалке. Сейчас...

И тут же одернул сам себя — нет больше никакого сейчас. Точнее есть. Но это — не двадцать первый век — время изобилия и мусорных гор. А старый добрый совок, где проще перекрасить дверь по десятому разу, чем купить новую.

И я примирительно сказал:

— Мам, пап, нашли из-за чего спорить! Возьмут у кого-нибудь строительный фен и снимут краску. Делов-то...

И понял, что сморозил глупость.

Родители забыли о ссоре и воззрились на меня с изумлением. Еще бы! Откуда обычному мальчишке знать о таких чудесах техники.

— Сын! — Восхищенно произнес отец. — Ты удивляешь меня своими познаниями. Где ты такое видел?

Я был готов прикусить себе язык. Пришлось суматошно перебирать в голове всех приятелей далекой юности. Кто из них мог быть гипотетическим обладателем такого сокровища?

— Я у Жеки видел, — врать пришлось в наглую.

Родителей эта ложь устроила. У Женьки могло быть и не такое.

— Олег, — попросил отец, — сбегай во двор, узнай, где тут туалет.

Я согласно кивнул, выскочил в подъезд, постоял на первом этаже, неспешно досчитав до трехсот, и вернулся обратно. Зачем спрашивать о том, что я и так прекрасно знаю?

Чуть позже, когда все наше семейство посетило с инспекцией пристройку, когда улеглось мамино недовольство по поводу элегантной дыры в полу вместо нормального унитаза, когда все были накормлены и напоены чаем, когда отцу от душевных щедрот налили столичной, мать вдруг вспомнила недавний разговор. Ирка уже упрыгала в комнату, а мы все еще сидели на кухне.

— Саш, — спросила она, — может, и нам, когда вернемся, тоже двери перекрасить?

Тот пожал плечами. Тогда мать взялась за меня:

— Сынок, а твой Женя не мог бы попросить родителей, что бы они...

Спасла меня Ирка.

— Мам! — Раздалось из комнаты. — Сейчас начнется «В гостях у сказки». Можно я телик включу?

— А на море ты не пойдешь?

Ирка появилась в дверях. Губы у нее были надуты.

— Ну, мам...

— Не тронь ты ее, — встал на защиту дочери отец, — пусть смотрит. Еще успеет накупаться.

Сестра тут же перестала дуться.

— Ура! — Прокричала она и ринулась в комнату.

— погоди! — Обеспокоенно прокричала мать, бросаясь следом. — Лучше я сама.

За чужой телевизор она переживала. Не дай боже Ирка чего испортит?

Я, старательно отворачиваясь на отца, чтобы не нарваться ненароком на неудобные вопросы, тоже заглянул в комнату. Там стоял старый добрый Горизонт на тонких высоких ножках. Точно такой же, как был когда-то и у нас. Помню, я очень завидовал Пашке, когда у него появился первый в нашей компании цветной рубин. Как бегал к нему смотреть клуб путешественников. В цвете эта передача была куда интереснее.

Впрочем, потом у него у первого появился и видак с загадочным названием «Funai». А потом и импортный телек с пультом и тем же названием. Но это случилось значительно позже, лет через десять. А пока...

Мама включала Горизонт, а Ирка нетерпеливо ерзала на диване.

— Иди и ты, сынок, посмотри.

Отец положил мне на плечо руку.

— Не, я попозже, пап. Пока пойду, погуляю.

Мама высунулась из комнаты.

— Долго не задерживайся. Здесь рано темнеет. А вечером должна быть кинопанорама.

Приходи, посмотрим.

Я вышел в подъезд и тихонько прикрыл дверь. Спускаясь по стертым от времени ступеням все думал о том, что кинопанорамы не видел давненько. Когда ее перестали выпускать в эфир? В девяностом? В девяносто пятом? Будь под рукой интернет, все было бы куда проще.

А сейчас... Я твердо решил вернуться и глянуть телевизор с родителями. «С предками!» — услужливо поправила память. С предками, так с предками. Впрочем, я уже не был уверен, что ТАК родителей называли именно сейчас. Сколько их сменилось за это время, сленговых словечек.

Откуда-то со стороны лимана самозабвенно пел петух. В ветвях чирикали воробьи. В квартире первого этажа, возле распахнутого окна стоял новенький блестящий радиоприемник. Оттуда лилось задушевное:

Под музыку Вивальди,
Вивальди, Вивальди,
Под музыку Вивальди,
Под славный клавесин,
Под скрипок переливы,
Под завыванье вьюги
Условимся друг друга
Любить что было сил.

Голос Татьяны Никитиной был чертовски хорош. Нежный. Мягкий. Обволакивающий. И мне невольно подумалось, что именно этого всегда так не хватало Лельке.

Во дворе мужики лихо резались в домино. Задорно звенел обитый жестью стол. С краю стояла бутылочка мутного самогона. Горлышко ее было заткнуто свернутой газетой. Рядом синий эмалированный бидон с разливной кислятиной, гордо именуемой пивом, и граненые стаканы. На сложенной комсомолке лежали два плавленых сырка, покромсанный толстыми кусками ситный, распотрошенная вобла и одинокая карамелька.

Мужики гуляли от души, на широкую ногу. И я почувствовал непреодолимое желание присоединиться к празднику жизни. Ноги сами понесли вперед, и я завел на ходу, не сводя глаз с целебного эликсира:

— Мужики, можно мне...

Стук домино затих.

— Пацан, тебе чего?

Я отдернул руку. Твою ж мать, так оскандалился! Я мысленно выругался, горячо помянув и «на», и «в», и «с вами». Первое напрямую относилось к самогону, второе характеризовало мое отношение к жизни в детском теле, третье объясняло, с чем останутся

обладатели недоступных мне сокровищ после моего ухода.

Любопытный мужик не унимался:

— Так чего тебе?

И я, вдруг вспомнив Вицина, сделал честные-пречестные глаза и спросил:

— Как пройти в библиотеку?

За столом заржали. Дружно. Заливисто. От души.

— Иди, пацан, иди...

Мне махнули рукой, отправляя на все четыре стороны. И я пошел. Уши горели от стыда.

В спину донеслось:

— В библиотеку? Ну, парень, ну ты и клоун! — Потом тон резко сменился: — Еще раз увижу, что тянешь руки к выпивке — оборву их по самые уши!

И хохот грохнул с новой силой. Я юркнул за угол дома, в кусты и там остановился, прижавшись спиной к красной кирпичной стене. Лицо полыхало. Сердце билось. От обиды дрожали губы. Хотя, на что тут обижаться? Сам облажался. И с библиотекой действительно сморозил глупость. Какая библиотека вечером в воскресенье?

Скоро стук костяшек по жести возобновился. Мужикам стало не до доморощенного остряка. Были у них дела куда важнее. Я вынырнул из кустов и быстро пошел к лиману, почти побегал. Удивительно. Но я прекрасно помнил туда дорогу. Словно и не было этих чертовых сорока лет.

Интересно, кому пришло в голову протоптать тропу к воде таким бешеным зигзагом? Еще интереснее, почему столько лет народ послушно ходил этим зигзагом и не пытался ничего изменить?

Я шел проторенным путем, как и тысячи прошедших здесь до меня, вел ладонью по серебристым метелкам ковыля и думал о том, что совершил огромную глупость — не подумал прихватить с собой плавки. И хрен с ними, если что, искупаюсь так. Здесь народ закаленный, галимыми семейниками их не напугать. А мои, как помнилось по лесу, вроде, вполне приличные — синие однотонные, не в цветочек.

Ковыль закончился. Я точно помнил, что дальше будет только песок с редкими клочками какой-то особо живучей травы. А сейчас, если подняться вон на тот пригорок, появится море.

Море появилось, не обмануло. Я тут же забыл и про плавки, и про купание, потому что увидел ее.

Вика стояла на камне. Невозможно длинноногая, загорелая, ослепительно прекрасная в своем модном раздельном желтом купальнике. Стояла она, раскинув руки, словно пыталась приманить ветер и взлететь. Только это у нее никак не получалось. Тогда Вика перекинула через плечо длинные черные волосы и принялась их отжимать.

А я вдруг вспомнил, что, стоит только подойти ближе, как увижу темный треугольник внизу ее плоского живота под мокрыми и от того ставшими полупрозрачными трусиками.

Это было воспоминание из настоящей юности. Из настоящих моих шестнадцати лет. А потом Вика заметила меня и приветливо помахала рукой.

Напустив на себя показное безразличие, я спустился вниз и остановился почти у самого подножия ее пьедестала. Память не подвела. Труссы на ней были мокрыми. Сквозь них просвечивали темные волосики. От этого девчонка казалась голой. Только если раньше я молча восхищался ее красотой, то сейчас во мне включился старый зануда. И я вдруг подумал: «Куда только смотрит ее мать? Неужели она не знает об этом?»

Но потом мальчишечье тело взяло свое, и у меня вспотели ладони. А сердце забилося часто-часто.

— Привет, — сказала Вика, — ты отдыхающий?

Мой голос дрогнул, и я дал петуха.

— Да.

На лице у Вики появилась снисходительная улыбка. Как настоящая хищница, она прекрасно чувствовала мое состояние.

Я мысленно себя отругал: "Черт тебя подери, Олег, с каких это пор тебя волнуют какие-то нахальные пигалицы?"

Шестнадцатилетний организм был со мной категорически не согласен. Вика его волновала. Еще как! В крови бурлил дикий гормональный коктейль, только что не выплескивался из ушей.

Девчонка грациозно потянулась, совсем, как это делала Лелька. Призывно. Чарующе. Наверное, все стервы с рождения знают, как это делать правильно. Так, чтобы ни один мужик, сколько бы ему ни было лет, не смог пройти мимо. И телу моему окончательно поплохело.

Поняв, что добилась нужного эффекта, Вика забросила волосы за спину и протянула мне руку.

— Помоги слезть.

Не подумайте, что она просила, нет, просто предъявляла права, словно знала, что отказать ей не смогут.

Я тоже не смог.

— Как тебя зовут? — спросила она с любопытством.

— Олег.

Вика многозначительно улыбнулась и изрекла с непередаваемым ехидством:

— Вещий?

Девочкой она была начитанной. Я прекрасно помнил, что будет дальше. Когда-то, тот, прежний Олег, ужасно смутился и не нашелся с ответом. Нет, потом, дома, кусая от досады губы, он мысленно дал несносной девчонке тысячу разных ответов. И все они были один остроумнее другого. Только она об этом так никогда и не узнала. Олег теперешний ответил нарочито удивленно:

— Ты где-то здесь видишь коня?

И да! Ответ это достиг цели. Взгляд у Вики стал заинтересованным. Она благосклонно улыбнулась и бросила:

— погоди.

Моя мечта вдела ступни в старенькие сандалии, обмотала вокруг талии полосатое полотенце и спросила:

— Ну что, Олег без коня, а ты совсем не хочешь узнать, как зовут меня?

Взгляд ее стал ироничным.

— Да я и так... — Вырвалось у меня. Ия прикусил язык. Сложно прожить жизнь заново, когда заранее знаешь, что будет дальше. Все равно, что смотреть второй раз подряд кино.

— Что, и так?

Вика подбоченилась. Выкручиваться пришлось на ходу.

— И так собрался спросить, только ты меня опередила.

Я сделал одухотворенное лицо и произнес совсем как в рыцарских романах:

— О, прекрасная незнакомка, позволь мне узнать твое имя!

Чушь получилась несусветная. Но Вике понравилось. Она тут же поддержала игру.

— Имя мое столь же прекрасно, сколь учтивы ваши речи. Вы, любезный рыцарь, можете называть меня леди Виктория.

Я откровенно опешил. Что за черт? Такого в прошлый раз точно не было. Ладно, я несу ахинею. Но Вике-то откуда это знать? Как можно подобрать такие слова? Вот так, запросто, без подготовки?

Мои сомнения не остались незамеченными.

— Не обращай внимания, — сказала девчонка беспечно, — мы весной в школьном драмкружке ставили Айвенго.

У меня откровенно отвисла челюсть. Возникло стойкое ощущение, что сейчас меня пытаются надурить. В школе? Айвенго? Хотя... Кто их тут знает. Я очень плохо помнил, что и в какие годы было запрещено. Но эта книга в нашем доме была совершенно точно.

Вика мое смятение приняла за восхищение и поспешила похвалиться:

— Знаешь, кого я там играла?

Я помотал головой. Следующую фразу она произнесла с невероятной гордостью:

— Леди Ровену.

Мне осталось только восхищенно присвистнуть.

Мы шли по берегу. Я — в брюках и рубашке. Вика в своем полотенце. Красивая, загорелая, с голым пузом, дерзкая и уверенная в себе.

Она почти без остановки рассказывала о школьном спектакле. О том, как было весело. О том, как мальчики из выпускного класса построили им декорации. О том, как на трудах всей школой шили костюмы.

Жалела о том, что директор не разрешил привести на сцену живую лошадь. Я фыркнул, пытаюсь представить себе в школе коня. Не сдержался и заржал в голос. Вика тоже разразилась задорным хохотом.

Когда мы выдохлись, она вдруг спросила:

— Почему ты не хочешь искупаться?

Признаться, что под брюками у меня отнюдь не плавки, а вполне себе вульгарные семейники, было неловко. Я уже плохо помнил, что сейчас прилично, а что нет. Шокировать девчонку совсем не входило в мои планы. Мне здесь еще неделю предстояло жить.

— Я сегодня уже купался, — соврал я.

— А хочешь, — она вдруг остановилась и схватила меня за руку, — я покажу тебе, как настоящие леди приветствовали настоящих лордов?

— Давай, — я уставился на нее с любопытством. Этого в прошлый раз тоже не было.

Вика отошла в сторону и, усмехаясь во весь рот, присела в элегантно поклоне. Она развела руки, склонила голову, сверкая лукавыми глазищами, и... потеряла полотенце.

— Ой!

От неожиданности она потеряла равновесие, плюхнулась на попку и выдала сквозь смех:

— Ну вот, все испортила.

Я подал ей руку, а, когда девчонка поднялась, притянул к себе и обнял, совершенно не понимая, как поступить дальше. В прошлый раз я ее поцеловал. Глупо, неуверенно. Это был первый в моей жизни поцелуй. В прошлый раз мне прилетела оплеуха. В этот раз Вика отстранилась и серьезно попросила:

— Сэр Олег, если не хотите, чтобы я на вас обиделась, больше никогда так не делайте.

Глава 4. Хомо собакус Юлька

Дома, на кухне приглушенно, но вполне себе азартно переругивались отец с матерью. Я прислушался и усмехнулся. Мать отчитывала отца за скудоумие и желание испортить ей отдых. Отец, как мог, оправдывался. Оба они знали, что буря скоро уляжется, и мать поведет его мириться в спальню.

Так было всегда, сколько себя помню. И, если в детстве у меня нет-нет, да и возникали сомнения, для чего именно они там запираются, то сейчас я знал это точно. Так же было и в тот страшный день, правда, я не понял из-за чего.

Чтобы не нарваться, я тихонько юркнул в нашу с Ирккой комнату, улегся на скрипящую кровать, уставившись в беленный потолок. В гостиной орал телек. Сестра снова что-то смотрела. Мне же хотелось побыть одному. Не получилось. Мать почти сразу погнала Ирку спать. А мне пришлось перебазироваться на кухню. Оно и к лучшему.

Все-таки отец большой молодец, что умудрился найти квартиру с двумя спальнями. Сестра уснула сразу, слишком умаялась во время пути. В соседней комнате еще довольно долго возились родители — шушукались, смеялись. Я сидел на кухне и пытался читать книгу. Получалось плохо. Мысли постоянно уносились куда-то в даль. Все хотелось представить, как мы теперь заживем вместе, кем вырастет Ирка, как сложится моя судьба.

В какой-то момент я почувствовал на себе чей-то взгляд. Тяжелый. Оценивающий. Недобрый. Ощущение было таким реальным и жутким, что по коже пробежал мороз, а сердце испуганно сжалось.

Я резко захлопнул книгу и обернулся. Никого. Пусто. Стояла звенящая тишина. Может..? Я обернулся к окну. Нет, и там непроницаемая тьма, такая густая хоть режь ножом. Хотел было встать и выглянуть наружу, но я вдруг устыдился этого порыва. Какого черта? Второй этаж, дом старинный, потолки высоченные, откуда здесь кому взяться?

Ты же взрослый мужик, Олег, не какой-то там сопляк! Я усмехнулся своим глупым страхам и снова взялся за книгу. Ощущение постороннего взгляда не проходило. Казалось, кто-то изучает меня, как забавного жучка, и цели у него недобрые.

Я сидел, уставившись в страницы и ждал, что будет дальше. Поэтому, когда в окно что-то стукнуло, вздрогнул и уронил книгу на пол. Потом последовал еще удар и еще. Совсем негромко. Но в этой звенящей тишине... И меня взяла злость.

— Да что здесь, бляха-муха, происходит?

Я вскочил и ринулся к окну. Все! Хватит! Хватит бояться, хватит ждать неприятностей. Надо жить. Жить и ничего больше! Третьего шанса не будет! Все это я от переполнявших

меня эмоций проговорил вслух.

Звук затих.

Какое-то время я еще постоял, опершись руками о подоконник и уткнувшись лбом в прохладное стекло. После сплюнул и вернулся на место. Книгу поднял и положил на стол, открывать не стал. Что толку? Все равно не вижу ни слов, ни букв. Все равно только и жду, что будет дальше.

Стук повторился. На этот раз дробный частый. Я подхватился, уставился в окно и... в сердцах сплюнул. В стекло бился бражник. Огромный, с половину моей ладони. Красивый. Как любой приличный мотылек, он просто рвался на свет. И меня отпустило. Исчезло предчувствие неминуемой беды, ушло ощущение взгляда. Все стало просто и легко. Надо было подождать еще пять дней. На шестой не выпускать из вида Ирку, не дать...

Я страдальчески поморщился и постарался найти для себя обтекаемое определение. Определений таких была целая куча — одно другого краше. Только они совсем не отражали сути. Тогда я психанул и назвал все своими словами.

Не дать ей умереть, не дать, чтобы ее убили... Все! И ты должен, нет, просто обязан с этим справиться. Должен, должен, должен... Я твердил это слово, как мантру, пока не выдохся.

Потом я встал, поймал себя на мысли, что жутко не хочу идти вниз. Воровато огляделся и, пока никто не видит, использовал раковину по прямому назначению, сверху пролил водой и пошел спать, прихватив с собой коробок спичек. Вдруг придется подсветить?

В коридоре злобный взгляд появился вновь. И мне стало по-настоящему страшно. До жути. До дрожи в коленях. Пальцы вцепились в коробок, как в спасительную соломинку.

Спичка никак не хотела зажигаться. Пальцы у меня дрожали, коробок ходил ходуном. Когда огонек вспыхнул, я поднял его над головой, освещая все вокруг. Пусто, черти бы вас побрали, пусто! Хотя, чего я еще ожидал? «Приедем домой, нервишки подлечим», — пообещал я сам себе. А пока надо успокоиться и ждать.

Успокоиться не вышло. Пока дошел до дверей, зажег еще две спички. В комнате прямо на пол скинул одежду, воткнув третью в коробок, затушил огонек, юркнул под простыню и укрылся с головой. Как будто тонкая ткань могла защитить от неизвестности. Смешно! Только мне было совсем не смеха.

Как ни странно, сон навалился на меня почти сразу — чуткий, тревожный, спасительный. И я отключился.

Рядом кто-то стонал. Тихонько. Жалобно. Сон мой разбился об этот звук, как корабль о рифы.

На улице уже начало светать. И взгляд мой легко различил Ирку. Она лежала на спине, вцепившись пальцами в одеяло. Окаменелая, напряженная. Губы ее были сжаты. Ресницы дрожали. На щеке виднелась влажная дорожка. Девочка спала, стонала и плакала.

Я поднялся и присел рядом. Машинально вытер влажную щеку и позвал:

— Ир, а Ир, не плачь. Что случилось?

Мне думалось, что она просто успокоится, повернется на бок и снова уснет, но она вдруг ответила:

— Он на меня смотрит...

И снова мороз по коже. И снова сумасшедший стук сердца. Смотрит? Господи, что же здесь происходит?

Я взял Ирку за ладошку и поежился — ледяная! Какая же ледяная...

Она тут же перехватила мою руку, подтянула к себе и повернулась на бок, уместив поверх моей ладони свою щеку.

— Ир, — прошептал я ласково, — не бойся, спи.

Она снова застонала. И пальцы мои стали влажными. По щеке ее опять текла слеза.

— Не хочу, — попросила она, — пусть он уйдет.

— Я его прогоню, — легко пообещал я, совершенно не понимая, кого надо прогнать.

Но Ирке этого хватило. Она успокоилась и уснула.

Я же просидел у ее постели еще добрый час и только потом вернулся к себе.

Перед самой побудкой мне приснилась Вика. Она стояла на камне, демонстрируя всему миру свои потрясающе длинные загорелые ноги и призывно махала мне рукой. А я все смотрел и смотрел на темное пятнышко в самом низу ее влажных ярко-желтых трусиков и думал, что в отличие от того Олега сорокалетней давности прекрасно знаю, что эти трусики и это пятнышко скрывают.

Естественно, случился конфуз. Проснулся я с теплой, липкой субстанцией, старательно размазанной по бедрам и трусам. Ровно так же, как в первый раз. Поэтому пришлось спешно бежать на улицу, в душ. И там уже отстирывать семейники, дотошно отжимая их в полотенце.

Вода в душе была шикарнейшей, и я потом долго стоял под теплыми струями, смывая с себя пот, усталость, страх и чувство вины — весь груз прожитых лет. Там, в душе я твердо решил начать жизнь с чистого листа.

Потом мне на чистое тело пришлось натянуть влажные трусы. На них уже брюки — темно-серые, почти черные. Благо, мокрых пятен на таких видно не было.

Во дворе две девчонки играли в классики. Одна из них — моя Ирка. Вторую я почему-то помнил очень плохо. Почему-то... Губы скривились в усмешке. В тот раз меня вообще ничего не волновало, кроме Вики. Сейчас надо, ох как надо, постараться и этой ошибки не допустить. Эта зараза хуже мышьяка. Нет от нее спасения. Так и лезет в мысли.

Возле подъезда стоял смутно знакомый мужчина и курил. Память услужливо подсказала — сосед. Только имени его она не сохранила. Я подошел, встал рядом, дождался пока меня заметят и по-взрослому протянул руку.

— Олег.

— Дядя Толя.

Рукопожатие получилось приятно крепким, уверенным. Сосед хотел что-то спросить, но тут со стороны пристройки появился большой черный пес. Вид у него был деловой, сосредоточенный. В зубах он тащил что-то длинное, прозрачное.

Дядя Толя всплеснул руками и закричал:

— Юлька, паразит эдакий, а ну брось! Где ты только эту гадость находишь?

Я невольно хихикнул. Юлька? Нет, вы серьезно? Юлька? По псу невооруженным взглядом было видно, что это — кобель. Матерущий такой кобелина. Немецкая овчарка.

Но дядя Толя и не думал шутить. Он пригрозил зверюге пальцем и вновь заругался. Юлька оказался послушным псом. Свою находку он бросил. Правда, сначала донес до хозяина, а там уже положил ему прямехонько на ботинки. Сразу стало понятно, что добыл пес ни много ни мало длинную целофановую шкурку от сосисок.

Дядя Толя восхитился:

— Ну, Юлька, ну паразит!

Пес уловил перемену в голосе и довольно гавкнул. Весь его вид словно говорил: «Правда, я молодец? Правда, меня надо похвалить?»

— Засранец, — ласково произнес мужчина и потрепал добытчика по холке. — Опять из помойки достал?

— Гав! — счастливо подтвердил кобель.

— А почему Юлька, — спросил я.

Сосед рассмеялся.

— Потому! — Он обернулся к псу. — Позвольте представить — Гай Юлий Цезарь. Хомо собакус — существо редчайшего интеллекта.

Юлька снова гавкнул, соглашаясь, и уставился на меня склонив голову на бок. Словно спрашивал: «А ты кто? Как тебя зовут?»

— Олег Ковалев, — совершенно серьезно ответил я.

— А мы уже знаем! — Раздалось совсем рядом. — Нам Ира рассказала.

Я обернулся и увидел новую подружку сестры. И память моя проснулась. Ее тоже звали Ирка. Все дни, пока мы жили в этом доме, их так и называли — две Ирки. Обеим им было по девять. Но были они совсем разные. Наша — длинная, тощая, несуразная. С ногами, похожими на бамбуковые удочки. Большеротая, голубоглазая, отчаянно белобрысая и жутко серьезная.

Дочка дяди Толи была полной противоположностью — низенькая и сбитая, как кубышечка. Волосы ее сияли яркой медью. По носу и щекам рассыпались мириады мелких веснушек. Зеленущие глаза смотрели с неизменной смешинкой. А когда она улыбалась, на щеках появлялись милые ямочки.

Моя Ирка смотрела виновато, словно ненароком разболтала военную тайну. Я подошел и потрепал ее по макушке.

— Олег, — спросил меня дядя Толя, — какие у тебя планы на это утро?

— Никаких, — честно признался я.

— Пойдешь с нами на море?

Ирка тут же сунула мне свою ладошку и посмотрела с надеждой, просительно. Я подумал, что второй раз попаду на море, и снова без плавок. Хотел отказаться, но вдруг решил, какого черта?

— Надо бы родителей предупредить. А то они Иринку будут искать.

— Не надо, — успокоил сосед, — мы с Иришкой уже ее отпросили.

Моя Ирка кивнула, подтверждая его слова. И я согласился.

— Тогда и я с вами пойду, с удовольствием.

— Ура! — закричала Ирка рыжая, дернула пса за ошейник и понеслась вперед, крича на ходу: — Юлька, догоняй.

Пес глянул на Дядю Толю.

— Беги, — сказал тот, — играй, можно.

Пес звонко гавкнул и сорвался с места. Поиграть он всегда был не против. Моя Ирка рванула следом. Всю дорогу нас сопровождал звонкий хохот и залиvistый лай. Было ясно, что эти трое нашли друг в друге родственные души.

До моря дошли как-то незаметно. Дядя Толя вел нас к лиману другой тропой. Петляла она ничуть не хуже первой. Мне было жутко интересно почему так получилось. Но спросить я не рискнул. Казалось, что ответ будет простым и очевидным, а я только выставлю себя дураком.

Потом подумалось, что раньше чужое мнение меня волновало слабо. С чего бы это вдруг сейчас такие метаморфозы? Поразмыслив, списал это на подростковые заморочки. И, думается, был недалек от истины.

Когда впереди показался не дикий пляж, а вполне себе цивилизный порт, я жутко изумился. Совсем не ожидал, что в таком заштатном городишке могло существовать нечто подобное. Вдалеке виднелись краны. На приколе стояла баржа. Суетились люди, кипела работа.

— Как ты относишься к рыбалке? — вдруг спросил дядя Толя.

Я пожал плечами. Рыбаки в нашей семье не водились. Не удалось мне заразиться этим увлечением и позже, в самостоятельной жизни. Поэтому сказал честно:

— Не знаю. Никогда не пробовал. Было бы интересно.

— Поговори с родителями, — предложил он, — у меня здесь моторка. Я иногда балуюсь. Могу тебя взять с собой завтра.

Наверное, он ждал от меня восторга, бурного проявления эмоций. Я же по привычке ответил:

— Поговорю, как вернемся. Думаю, они не будут против.

Сосед склонил голову на бок и уставился на меня как на меня в глубокой задумчивости. Какое-то время он колебался, задать вопрос или нет, и все-таки спросил:

— Олег, тебе не приходилось слышать, что ты весьма необычный субъект?

Я усмехнулся. Не в бровь, а в глаз. И с этим надо что-то делать. Срочно.

— Пока нет. — В моем ответе не было ни капли лжи.

Мысленно же добавил: «Но, вероятно, придется и не раз».

К счастью, мысли дядя Толя читать не умел.

Ирки с восторженным визгом дружно бросились к воде, на ходу скинули платья и полезли в море. Юлька, вздымая брызги выше головы, ринулся следом. Не спасать, нет. Играться.

Я, ругая себя за глупость и внезапную стеснительность, снял рубашку, сложил ее аккуратно и уселся на камень в брюках. Пусть хоть спина загорит.

Дядя Толя удивился:

— Ты чего? Пойдем купаться. Сегодня водичка — цимус! И солнце пока не сильно кусает. Пойдем.

Я слегка замялся.

— Я лучше вечером, не сейчас.

— Почему?

Стало совсем неловко.

— Если честно, я плавки забыл.

Сосед рассмеялся:

— Нашел о чем переживать, здесь все так купаются. Сюда только местные ходят. Отдыхающие сейчас там, — он махнул рукой в ту сторону, где я вчера столкнулся с Викой, — на пляже. Раздевайся. Никто ничего не скажет.

Уговаривать дважды меня не пришлось. Кеды, брюки, носки — все было скинуто в один миг. Дядя Толя тоже разделся. И на нем тоже были семейники — расписные, синие в белый горох. Стало понятно, что он не врет.

Я вошел в воду. Было совсем мелко, едва доходило даже до колена. Ирки плескались чуть дальше, метрах в десяти. Моей было по пояс. Поплавал, блин. Разочарование скрыть не удалось.

Сосед рассмеялся.

— Пойдем туда. Там в прошлом году работала черпалка работала — дно углубляла, там нормально.

Я нерешительно оглянулся на девчонок. Что в прошлый раз случилось с Ирккой, никто не смог объяснить. Даже причину смерти не нашли. Я прекрасно помнил, как судмедэксперт, которого отец поймал на выходе из здания, разводил руками. Вид у него при этом был отнюдь не виноватый — недоумевающий, растерянный. Он правда не знал, что случилось возле тех развалин. Списали на несчастный случай.

Если в этот раз она утонет... Я украдкой трижды сплюнул через плечо. Все повторится, разве что причина смерти станет очевидной. А я профукаю свой шанс, и сам себя простить не смогу. Нет. Этого нельзя допустить.

Дядя Толя все понял.

— Не волнуйся, за ними Юлька присмотрит. Он обучен.

И приказал строго:

— Цезарь паси!

Пес тут же прекратил возню, словно по мановению волшебной палочки из бесшабашного Юльки превратился в настоящего серьезного Цезаря.

Соседская Ирка возмутилась:

— Ну пап! За что? Мы никуда не полезем. Честно-пречестно!

И сделала непередаваемо честные глаза. Моя встала рядом. Глаза у нее были такие же. Верить им сразу расхотелось.

— Знаю я вас. — Рассмеялся сосед. — И ваше честно-пречестно тоже знаю, хитрюги. — Потом добавил: — Иришки, нос не вешать. Мы с Олежеком быстренько сплаваем до буйков и вернемся.

Девчонки сдались, выбрались ближе к берегу, уселись на теплый песок и принялись лепить замок. От сердца сразу отлегло. Цезарь вокруг нарезал круги. Вид у него был весьма серьезный.

Глубина появилась очень быстро. Вот только было по колена, и вдруг по пояс.

Дядя Толя крикнул:

— Поплыли! Кто быстрее!

Он плюхнулся в воду и поплыл мастерски — кролем. Я аж прицокнул от зависти. Всю жизнь хотел заняться плаванием, да никак не хватало времени. Плавал исключительно саженками, как научил в далеком детстве дед.

Я бросился следом. Догнать не надеялся, думал лишь о том, чтобы не отстать слишком позорно. У буйков сосед меня подождал, так что полосатого бока мы коснулись практически одновременно.

— Молодец, — сказал он искренне, — умеешь.

От такой похвалы я неожиданно растаял. Давно мне никто не говорил вот так, запросто, молодец. Было приятно.

Обратно плыли не спеша, отдыхая. Хотя было видно, что соседу еще десяток таких дистанций вполне себе по зубам. До берега оставалась совсем чуть-чуть, когда я заметил Вику. Она стояла на песке, красивая, нарядная, в красном платье по колена. Ее длинные волосы были забраны в два хвоста и перекинута через плечи на грудь. В руках она держала вчерашнее полотенце.

Глава 5. Табор

Вика смотрела на меня. Серьезно, изучающе, деловито, без намека на симпатию. Как смотрят в лаборатории на подопытных мышей, выбирая, которую из множества взять для вивисекции. И я под ее взглядом почувствовал себя почти так же, как вчера ночью на кухне, мягко выражаясь, весьма неуютно.

Наконец она приняла решение, подняла руку и небрежно, унизительно поманила меня пальцем. Как лакея, как собачонку. Как же эта маленькая дрянь была уверена, что я сейчас обо всем забуду и прибегу на зов. На душе стало мерзко. Еще хуже было от осознания, что в прошлый раз я бы непременно пошел.

Дядя Толя встал рядом.

— Тяжелый случай, — усмехнулся он. — Пойдешь?

Я покачал головой и, словно отделяя себя от прошлого, ответил:

— Нет.

— Это правильно.

Вика еще ничего не успела понять. Ее нахальной уверенности в собственной неотразимости можно было лишь позавидовать. Объяснять ей что-то было совершенно бесполезно. Не поймет. Такие понимают и любят только себя.

Я развернулся и поплыл обратно. Сосед все понял, не стал меня догонять. А я плыл и думал, что первая любовь — страшная вещь. Эдакое оружие массового поражения. Сколько жизней она сломала за долгую историю человечества? Не перечсть.

Еще я поражался самому себе. Неужели вот это создание могло казаться мне прекрасным? Как я тогда мог всего этого не видеть?

До буйков долетел на адреналине. Там долго висел, обнимая шершавые бока поплавок. К берегу повернулся спиной. Это было глупо. Это было совсем не по-мужски. Я все прекрасно понимал. Но мне нужно было прийти в себя. Внутри клокотала злость — на себя, на свою дурость, на то, что тогда, в первый раз, из-за какой-то малолетней дряни так запросто сломал себе жизнь.

Сколько прошло времени, не знаю. Наконец, с берега донеслось Иркино встревоженное:

— Олег, возвращайся уже, домой пора.

Я словно очнулся.

Вики не было. Обе Иришки, полностью одетые, в платьях, стояли на берегу. Дядя Толя рядом, сидя на корточках, о чем-то беседовал с Юлькой. Я оттолкнулся от буйка, поплыл обратно и тут же понял, что совсем не могу грести, так сильно затекли у меня руки.

Паники не было. Только какое-то тупое равнодушие. Опустошение. Я перевернулся на спину вытянул руки и стал плыть, толкая себя одними ногами. Однажды прошлой жизни это спасло меня. Помогло и сейчас.

Доплыл на честном слове. На пляж выходил, опустив глаза. Почему-то было ужасно стыдно. В первую очередь перед собой. Ирки играли с псом. Дядя Толя старательно делал вид, что ничего не произошло. И я почувствовал к нему благодарность.

Уже во дворе дома он напомнил:

— Отпрашивайся у своих. Завтра утром выходим в море. Не забудь. Здесь, у подъезда, в шесть. Вернемся к обеду. Если будет нужно, скажи отцу, что мы живем тут.

Он указал на окно первого этажа. И я понял, что именно здесь стоял вчера приемник, из которого Татьяна Никитина пела своим нежным голосом.

— Хорошо, — пообещал я, — отпрошусь.

Я протянул Ирке руку, а сосед вдруг сказал:

— Олег, мой тебе совет, выкинь ты ее из головы. Не страдай. Дрянная она девчонка. Не стоит она того.

И с этим сложно было спорить. Я просто кивнул.

Дома мать хлопотала на кухне — готовила обед.

— Ира, Олег, — сказала она, едва мы пришли, — идите в душ. Соль надо смыть. Только чистую одежду возьмите, я вам в комнате приготовила. После душа нигде не задерживайтесь, приходите есть.

— Хорошо, мам, — ответил я.

Ирка просунулась вперед и цапнула со стола пряник.

— Положи! — прикрикнула мать. — Appetit перебеешь.

Она снова была моей матерью. Моей и Иры. Заботливой мамой, а не злобной тенью, не желающей смириться с неизбежным.

В комнате я вдруг вспомнил, что не узнал одну важную вещь. Обернулся к сестре и спросил:

— Ир, а что тебе снилось? Ты плакала сегодня во сне.

— Я? — Она смешно наморщила нос. — Ничего. Я не помню.

Не помнит... Ну и ладно. Это всего лишь сон. Только на душе вновь стало беспокойно. Я мог обманывать кого угодно, но себя обмануть мне не удалось. С этими снами было связано что-то важное, что-то страшное. Непонятное для меня.

Все что я видел, рождало во мне чувство трогательной, щемящей ностальгии. Вот и сейчас, на столе лежали удивительно родные вилки с толстенькими ручками из белой кости. Я почти успел о таких забыть. Моментально захотелось взять одну в руки, вспомнить невероятно удобное, уютное ощущение. И я не стал отказывать себе в таком удовольствии.

Такие вилки были у моего деда. У единственного человека, который никогда не пытался меня обвинять. Который принял меня без упреков после смерти... Я покосился на Ирку, на живую веселую Ирку, и вдруг сообразил, что здесь и сейчас мой обожаемый дед тоже жив.

Он ждет нас дома. Я скоро снова смогу его увидеть и рассказать ему о своей любви, о том теплом чувстве, что все эти годы живет в моем сердце. И настроение мое взлетело до небес.

На обед у нас был борщ. Потрясающе вкусный, фантастический мамин борщ. Отец раздобыл где-то маринованный чеснок и домашнее сало. Нарезали свежайший черный хлеб. Отец налил себе холодного разливного. Я же, взирая на это благолепие, едва не захлебнулся слюной. Но вместо пива получил чашку сливового компота.

Настроение сразу подугасло. Что за кайф, скажите на милость, закусывать сало компотом? Поэтому встал и просто налил себе воды.

Ирка кривила нос и украдкой поглядывала на пряники. Мать заметила это и от греха убрала сладости в буфет.

Отец мешал в борще сметану и рассказывал, как на пляже пытался выяснить, где достать раков. Но вместо этого нечаянно выведал, что можно купить свежую камбалу.

Мать известие о рыбе чрезвычайно заинтересовало. Она тут же начала пытаться батю — что, где и почему. Я решил воспользоваться случаем и вставил свои пять копеек:

— Мам, пап, можно мне завтра на рыбалку? На моторке, в море?

Мать машинально кивнула. Мысленно она уже жарила на ужин камбалу. А батя удивился:

— С кем это?

— Сосед с первого этажа зовет. Дядя Толя. Отец Иринкиной подружки.

Батя призадумался:

— Тот, у которого большой черный пес?

— Он.

Я знал, что сейчас в отце борются желание попроситься с нами и махровая лень. Лень победила. И отец сказал с сожалением:

— Я не против. Кого хоть ловить будете?

Этот вопрос поставил меня в тупик. Я понятия не имел, что здесь водится.

Вероятно, в какой-то момент я совершил нужный поступок, перенаправил вектор развития событий по другому пути. Почти все, что со мной происходило сейчас, по прошлому разу я не помнил. Не было такого. Не было, и все тут.

Тогда так и не состоялось близкое знакомство с Дядей Толей и его чудесным псом. Никто не звал меня на рыбалку. Никто не давал советов. Я хвостом таскался за Викторией и мечтал только об одном — чтобы она обратила на меня внимание. Тогда я словно сошел с ума. Тогда я даже не вспомнил об Ирке, не заметил, как она пропала.

Тогда, сорок лет назад, никто не посылал меня на рынок.

А тут после обеда мать вдруг сказала:

— Олежка, сходил бы ты на базар. Здесь совсем недалеко. Обогнешь дом, пройдешь вдоль гаражей, по пустырю, через мосток, а там уже увидишь.

Она протянула мне авоську с трехлитровой банкой, закупоренной крышкой из белого пластика. В нагрузку дала металлическую сетку для яиц, тряпичную сумку и пять рублей одной бумажкой.

— Купи молока, яиц, домашнего сыра.

Отец встрепенулся:

— Если будут, возьми дули. Килограммчик.

— Есть, товарищ командарм! — Дурашливо отрапортовал я.

Он наставил на меня вилку и выдал назидательно:

— К пустой голове...

Но я его дослушивать не стал и выскользнул за дверь. Деньги сунул в карман ко вчерашнему коробку. Сумку в другой. Сетку для яиц положил в авоську к банке.

Во дворе было пусто. На столе сидела откормленная ворона и без особого энтузиазма долбила клювом сухую корку. Клюв соскакивал и через раз выбивал по жести дробь. На меня она покосилась черным хитрым взглядом и придавила свою добычу лапой. На всякий случай. Вдруг я позарюсь на такое сокровище и отниму?

Меня это неожиданно развеселило.

— Приятного аппетита, — пожелал я нахальной птице.

Ворона успокоилась и шлепнула на стол жидкую кляксу. Отчего-то вспомнилось: «К деньгам». Птицу со стола сгонять я не стал.

Этот город весь состоял из контрастов. В самом его центре, за домом, за оживленной улицей, где прохаживались отдыхающие и проходил маршрут рейсового автобуса, начинались гаражи. Прямо за ними протянулся нехилый пустырь, поросший акацией, лопухами и чертополохом. Сквозь пустырь пролегла основательно утоптанная тропа.

Я шел, посасывая стебелек травинки, смотрел под ноги и думал, вот интересно бы побывать здесь спустя сорок лет. Вряд ли в двадцать первом веке столько свободного места простаивает без дела. Наверняка настроили торговых центров или возвели жилой квартал.

Отчего-то стало жалко. Вспомнилось как в детстве, дома на таком пустыре мы играли в прятки, казаков-разбойников. Как зимой гоняли с Пашкой на лыжах. Как летом мучали мой раздолбанный скрипучий Орленок. Как с азартом крутили педали... Пустырь в моей памяти занимал особое почетное место. Застроили его в девяностых...

В девяностых? Я едва не рассмеялся. До этого «веселого» времени оставалось еще больше десяти лет.

Этот пустырь закончился неожиданно — обрывом и фантастических размеров оврагом с оползшими берегами. На дне оврага зеленела трава, журчал то ли большой ручей, то ли основательно обмелевшая речушка. Над водой были брошены узкие самодельные мостки, сколоченные вкривь-вкось из двух бревен и потемневших от времени досок.

Внизу на ровной площадке, поросшей травой, шумно и весело обустроивался цыганский табор. Молодухи вовсю купали в ручье малышня. Дети визжали. Тявкали брехливые псы. Чуть ниже по течению паслись стреноженные лошади.

Табор жил своей жизнью — жизнью вольного народа. И мне с ним было не по пути. Цыган я не любил. Просто никогда не мог понять, что ждать от них в следующую минуту. Идти вниз, к ним совсем не хотелось. Но, как вы помните, надо, Вася, надо.

И я пошел.

Проскочить постарался как можно быстрее. Мимо. Делая вид, что никого не вижу вокруг. Не удалось. Нет, табор я преодолел легко. Даже взобрался по склону наверх, вздохнул, расслабился, уверился, что все позади. И рынок вот он, рукой подать... Тут меня и поймали.

Их было четверо: две молодые бабенки, пацанчик лет десяти и наглая объемистая тетка ближе к полтиннику. Тетка меня словно ждала. Увидела, оживилась, сделала трагическое лицо и двинулась на встречу. Остальные играли роль массовки. Грамотно окружили, не давая так просто уйти. Молчали.

Цыганка не стала заводить извечное: «Позолоти ручку, дорогой! Всю правду скажу!» Разве это нужно обычному пацану? Комсомольцу, отличнику, примерному сыну. Психологом она была отменным, поэтому начала с неожиданного:

— Мальчик, вижу у тебя доброе сердце. Комсомолец? Да? Комсомолец?

Я машинально кивнул. Черт его знает? Комсомолец или нет? Не помнил я уже этого. Но, должно быть, да. Баба ободрилась. У нее все шло по плану. Заломала руки, взвыла театрально, трагически:

— Верю я, не сможешь ты обидеть старую женщину... Ох, не сможешь. Знаю, не пройдешь мимо моей беды.

Про себя я усмехнулся. Старая женщина? Еще вчера утром я был куда старше. И мне стало интересно, чем таким ей нужно помочь? «Страдалица» же восприняла мое молчание, как хороший знак и попросила просто, без обиняков:

— Очень нужно позвонить, дай две копейки!

От такой резкого перехода, от наглости я слегка опешил, хотел просто развернуться и уйти, но кольцо вокруг меня тут же сжалось.

— Дай, скорей, не жалея... — Она придвинулась ко мне практически вплотную, схватила за плечо и принялась она бормотать, глядя прямо в глаза. Голос ее звучал монотонно, размеренно. — Помни, милый, помни — у меня прибудет, у тебя прибудет, Боженька там, — палец с обломанным грязным ногтем уткнулся вверх, а я машинально за ним проследил, — все видит, добро твое не забудет.

Ее слова убаюкивали, в какой-то миг, я понял, что смысл их от меня ускользает. Постарался стряхнуть наваждение и сказал совершенно честно:

— У меня нет двух копеек. У меня, правда, нет.

— Ой, врешь дорогой. — Оскорбилась цыганка, чуть отодвинулась и глянула укоризненно. — Кто вечно брешет, языком неправду чешет, тому Боженька не поможет, все, что дорого, в гроб положит...

Стало безумно страшно. Захотелось оправдаться, доказать, что не вру. Я, сам не понимая, что делаю сунул руку в карман и, в подтверждение своих слов, вынул все, что там лежало: полупустой коробок, оставшийся с ночи, и пятирублевую бумажку. Зачем я это сделал? Не знаю. Цыганский гипноз? Мозговое затмение? Какая другая напасть? Чуть позже, прокручивая в мозгу произошедшее, я сам удивлялся такому поступку, но тогда он показался мне самым правильным.

— Вот, это все...

Я не договорил.

Пальцы цыганки метнулись к моей ладони. Шустро, проворно, почти не заметно для глаза. Раз! И на ладони остался один коробок. Пятерка словно растворилась в воздухе.

Сквозь пелену дурмана сознание еще успело отметить, как сзади кто принялся шарить у меня по карманам. Но это уже не вызвало никаких эмоций. Шарят и шарят, что тут такого? Может, им надо? Обычное дело, сущая ерунда.

А цыганка затараторила снова:

— Вечером придешь на это место, получишь свое спасение. Денег не жалея. Воздадутся

сторлицей. Запомни — у меня прибудет, у тебя прибудет...

Пальцы мои сами собой разжались, сетка выпала из рук. Пустая банка жахнула вниз в полном согласии с законом земного притяжения и попала точнехонько в цель — на камень. Разбилась сразу. Вдребезги. С оглушающим звоном. Раздавшийся звук переплюнул все громы небесные.

Цыганка вздрогнула, подавилась словом и выпустила мое плечо. А я отмер, очнулся. Прибудет? У меня? Как бы не так. Эта сволочь сейчас сперла мои деньги! Меня, взрослого мужика, заморочила, обвела вокруг пальца, как сопливого пацана.

Я схватил ее за запястье. Крепко, со всей дури. Увидел, как исказилось наглое самоуверенное лицо и потребовал:

— Отдай деньги!

Вся ее благость, вся наигранная доброжелательность моментально испарились. Лицо стало хищным, злым.

— Не надо, миленький, — прошипела она, — ой, не надо! Пожалеешь! Сто раз пожалеешь. На сто первый с жизнью простишься. Сорок лет будешь помнить-вспоминать. Себя корить-ругать. Меня звать. Боженьку звать. Никто не придет, не спасет! Тень накроет-унесет! Страшная судьбинушка тебя ждет...

Она будто пересказывала мою прошлую жизнь. Мне бы испугаться, но нет, словно бес вселился. Я закричал неизвестно кому:

— Люди! Зовите милицию! Она у меня украла деньги!

Из-за поворота вышла дородная тетка. Увидела меня, цыган, застыла в нерешительности. И вроде, никого больше не было. И вроде, кого тут бояться? Только цыганская группа поддержки, еще миг назад окружавшая нас, словно растворилась. Мы остались вдвоем.

— Деньги отдай! — Вновь потребовал я.

Она замолкла, оглядела меня с ног до головы. Казалось, сейчас плюнет в лицо, но нет — просто положила пятерку в мою ладонь. Пальцы мои разжались, отпуская ее запястье. Я подхватил с земли авоську и отскочил в сторону, ближе к рынку.

— Пожалеешь.

Только и сказала цыганка.

— Не пожалею.

Хотя, это было ложью. Уже жалел. Вспоминал ее слова, знал, что это обман и все равно жалел. В душе трепыхалась надежда. А вдруг? Вдруг все можно решить так просто? Заплатить сейчас пять рублей этой бабе и ни о чем больше не беспокоиться? Наплевать на здравый смысл, на опыт, что твердил: «С цыганами иметь дел нельзя». Наплевать на скандал, который непременно случится вечером. Ведь Иркина жизнь важнее скандала? Да? Вернуться? Отдать?

Глава 6. Рынок

Плохо это или хорошо, не берусь судить. Только я не вернулся. Не смог себя уговорить. Не смог поверить. Не оглядываясь дошел до забора, за которым начинался рынок. В авоське в такт шагам звякали осколки. У самых ворот пришлось притормозить. Что делать с битым стеклом? Куда девать? Не таскаться же вот так между рядов, вызывая нездоровое любопытство.

Но решиться и высыпать прямо здесь, под забором, так и не смог. Не поднялась рука. В

голову за последние сорок лет накрепко были вбиты правила приличия. Будь я обычным пацаном, наверняка, бы не раздумывал. Но сейчас... В общем, я отправился внутрь, как последний идиот, с полной авоськой битого стекла. И принялся искать, куда все это сокровище пристроить.

На базаре было немногочленно. Помнится, самый наплыв народа тут начинался утром часов с восьми-девяти. Именно тогда привозили товар. Именно тогда приходили самые ушлые покупатели, чтобы добыть себе продукты посвежее и получше. Потом, ближе к обеду, и покупатели, и торговцы потихоньку рассасывались. Сейчас за прилавком остались лишь единицы из тех, кто еще не успел расторговаться. Выбора особого не было. Покупатели оказались на вес золота. Поэтому мое появление вызвало живой интерес.

Молочный лоток я нашел почти сразу. На прилавке сиротливо стояла одна трехлитровая банка молока. Рядом в большой эмалированной миске, накрытой марлей, угадывался творог. На разделочной доске лежали домашний сыр и сточенный в узкую полоску нож. Сыр был обернут в пергамент. Продавала все это богатство немолодая опрятная женщина. На асфальте у ее ног стоял до боли знакомый алюминиевый бидон. На нем висел внушительный черпак.

Увидев меня с полной сеткой стекла, тетка расстроилась и задала вопрос:

— За молоком послали?

Мне оставалось только кивнуть. Она расстроилась еще сильнее.

— А банку где разбил?

Я, не вдаваясь в подробности, махнул рукой на выход, приподнял сетку и спросил:

— Где можно выкинуть?

Она показала.

— Там контейнеры. Пройди чуть вперед. Увидишь.

— Спасибо. Вы только не уходите, я сейчас вернусь.

Помойка оказалась совсем рядом. Сразу за ней тянулись овощные ряды. Я снял с отбитого горлышка крышку, высыпал бранные останки неудачливой тары в бак и вернулся к молочнице, не очень понимая, что делать дальше. Меня уже ждали.

— Трехлитровую не отдам, — сразу сказала женщина. — Много вас таких желающих. Банок на всех не напасешься. Могу налить литр.

Спорить и уговаривать было глупо. Литр, так литр. Это куда лучше, чем ничего.

Банка нашлась прямо здесь, под прилавком. Влезло в нее ровно два черпака. Женщина закупорила ее моей крышкой, немного поколебалась и произнесла:

— Банку вернуть не забудь. Потом, в следующий раз.

Это вот «в следующий раз» прозвучало, как музыка небес. Здесь еще люди оставались людьми — добрыми, чуткими. Здесь они доверяли друг-другу.

Я приложил руки к груди и пообещал:

— Обязательно верну. Спасибо.

Женщина вздохнула.

— Что-то еще нужно? Или только молоко?

— Мама просила яиц.

Я честно попытался вспомнить сколько, пожалел, что дома не записал, и выдал от балды:

— Два десятка.

Моя благодетельница повеселела. Потом, глянув на меня недоверчиво, проворчала себе

под нос: «Ох уж эти мальчишки!» После чего сама осторожно сложила крупные белые яйца в металлическую сетку, отсчитывая их вслух. Потом уточнила:

— Все? Или мать еще чего просила?

Я подумал, докупил кусок сыра, словил вдохновение и добавил туда же полкило творога, вместо молока. Только потом сообразил, что совершенно не помню цен. И тут же испугался — хватит ли денег? А если нет? Спросить было неудобно.

Денег, к счастью, хватило. Даже осталось. Взяли с меня три рубля семьдесят копеек. Я искренне поблагодарил, и, как самый натуральный охотник, довольный своей добычей, отправился в овощные ряды, выполнять заказ отца. Покупать дули.

Дули. Их безумно любила бабуля — папина мама. Маленького меня часто отправляли к ней на каникулы. Бабуля была мудрой. Бабуля была доброй. Она бескорыстно обожала меня.

Утром варила вкуснейшую кашу, непременно с медом. Наливала мне чашку прохладного молока. Покупала для меня калорийные булочки по девять копеек. Дома мать баловала нас подобным крайне редко — всю жизнь пыталась блюсти фигуру.

А бабушка... Бабушка — совсем другое дело.

Дальше начиналось настоящее священнодействие. Калорийку следовало аккуратно разрезать, непременно вдоль, низ толстенько намазать деревенским маслом «со слезой», сверху положить варенье из черной смородины, а потом прикрыть это второй половинкой. Ни одно пирожное не могло сравниться по вкусу с этим чудом кулинарной мысли. Запивать все нужно было молоком.

Мда...

А по утрам мы ходили на рынок и покупали дули — большие желтые груши. Спелые, сочные, душистые. Такие мягкие, что их невозможно было нести. Только сразу есть.

Дули мылись там же, на рынке, под колонкой и съедались по пути домой. Бабули не стало, когда мне было четырнадцать. За два года до этих событий.

А дули я не ел уже лет тридцать. И вот судьба снова подарила мне эту возможность — это воспоминание из далекого детства.

В овощных рядах дули были. Сразу на трех лотках. Я выбрал самые симпатичные и попросил пять штук. Вышло немногим больше, чем на килограмм. Торговец — пожилой армянин — окинул меня оценивающим взглядом и объявил пятьдесят копеек. Отчего-то мелькнула мысль, что меня основательно надули. Но я был так счастлив, что не стал ничего перепроверять.

Мне выдали сдачу с рубля, пожелали приятного аппетита и предложили непременно возвращаться завтра за новой порцией. Пришлось уверить в ответ, что вернусь. Четыре груши я аккуратно уложил в сетку поверх яиц, а одну решил съесть немедленно. Прямо так, немытую. Удержаться от соблазна было невозможно.

От сладкого пряного аромата слюни бежали, как у бешеной собаки. Я откусил огромный кусок и едва не захлебнулся соком. Это было вкусно. Это было восхитительно. Это было божественно. С горечью подумалось, что в будущем груши совершенно разучились пахнуть. И не только груши.

Возвращаться через пустырь я не рискнул. И не прогадал.

Второй выход нашелся сразу за овощными рядами. Именно он и был главным. Возле ворот сидела неизменная бабка и продавала семки стаканами. Рядом с ней горочкой были сложены газетные кульки. Меня она заметила издали и несказанно обрадовалась:

— Внучок, возьми семечки. Вкусные, душистые... — Принялась она нахваливать свой товар.

У меня в кармане оставалось еще восемьдесят копеек. От семок я отказываться не собирался, но игру добросовестно поддержал:

— Сырые небось?

Бабка наигранно оскорбилась:

— Как можно, жаренные. Ты пробуй, пробуй!

Она сноровисто опрокинула граненый стакан в газетный фунтик и протянула мне. Я подхватил сверху аппетитное пузатое ядрышко и отправил в рот. Ну, что сказать? Семки были, как семки, но из газетного кулька они показались стократ вкуснее магазинных.

Бабуля это моментально просекла:

— Вкусные?

Я кивнул и подтвердил:

— Вкусные.

И тут же получил в ответ:

— Стакан — десять копеек.

Не по годам проворно бабка закрутила кулек сверху и пояснила для меня:

— Чтоб не просыпалось. — Потом подумала и расщедрилась. — Три отдам за двадцать пять.

Спорить не имело смысла. Я взял три. Расплатился с бабулей, отсыпал горстку в карман, остальное запихнул к молоку и вышел в город. На этой улице мне довелось побывать впервые. И она мне сразу понравилась. Была новее, комфортнее той, где мы жили.

Чуть поодаль стояли вполне приличные пятиэтажки. Напротив рынка, через дорогу сверкал стеклянной витриной новенький магазин. Над дверьми красовалась гордая надпись «Сельпо». В кармане все еще оставалась мелочь, и я отчетливо понял, что мне непременно надо попасть в этот магазинчик.

По раздолбанному асфальту с умопомрачительным дребезгом прошкандыбал автобус под номером два — старенький желтый ЛиАЗ. На заднем стекле его виднелась табличка: «Рынок — порт». Автобус был полон. В такую жару я бы ни в жизнь не рискнул в нем ехать. Но пассажиры, набившиеся внутрь, как селетки в бочку, были со мной не согласны.

Сразу за рынком ЛиАЗ свернул направо и исчез где-то между домами. Я закинул в рот новую семечку, сплюнул шелуху и направился в магазин.

Кто не бывал в советском заштатном магазинчике, тому не понять того чувства, что овладело мной. Здесь все было до боли знакомым. Прекрасным и абсурдным. Даже нет, если точнее, абсурдно-прекрасным.

Первое, что бросалось в глаза, широкая полка за прилавком, где аккуратной горкой лежали валенки. Громадные. Мужские. Без галош. Понять, кому в жарком приморском

городке понадобилась такая обувка было невозможно. Да я и не пытался.

В мозгу пронеслось: «Чудны дела твои, Господи!» Следом проскочила крамольное: «А почему не лыжи?» Хотя, что греха таить, в 1978-ом и лыжи могли оказаться где угодно. Даже в раскаленных песках Кара-Кума. В наши времена чего только не случалось. Я даже зажмурился от удовольствия, поняв, что полностью признал это время своим — родным, любимым. Я обожал в нем все: и эти валенки, и скрипучий автобус, и гипотетические лыжи, стоящие посреди пустыни, и черно-белый телевизор, и Ирку, и даже Вику.

Настроение сразу испортилось. Думать о Вике не хотелось вовсе, но она настойчиво пролезала в мое сознание. «Ничего, — решил я, — это ненадолго. Скоро мы уедем, и в моей жизни будет куча таких Вик». Уж я-то знал об этом доподлинно. А об этой забыть мне будет куда проще, чем в первый раз. Тогда я был ослеплен ею. Сейчас... Сейчас это просто ностальгия, гормоны и нереализованное желание. Ничего более.

Я повернулся к валенкам спиной и впал в нирвану. С другой стороны было все, о чем я с теплом вспоминал последние годы: сок, разлитый в стеклянные конусы, полная витрина конфет, по большей части карамели и ириса, большие бублики посыпанные маком и даже обожаемые мной калорийные булки.

Не хватало только тархуна, эклеров и того самого советского мороженого. Но мне было не до капризов. И всего, что предстало передо мной, оказалось вполне достаточно. Настроение незаметно перемахнуло через отметку «отлично» и зашкалило где-то в районе «превосходно».

Я сунул руку в карман и... вернулся с небес на землю. Там жалко бултыхались две последние монеты — полтинник и пятак. А с таким богатством, ясное дело, особо не разбежишься.

Пришлось подавить в себе все нескромные желания и идти выбирать что-то одно, на что денег точно хватит.

Сельпо я покинул умиротворенным. Жалких пятидесяти пяти копеек вполне хватило на две калорийки и триста грамм карамели «Снежок». В моем кармане одиноко болталась заветная двушка.

Меня так и подмывало вернуться обратно, пройти через рынок, найти эту чертову цыганку и вручить ей монетку со словами: «Вот, держите, специально для вас разменял!» Мне ярко представлялось ее вытянувшееся лицо. Ее поджатые губы...

Но это все были лишь глупые мечты. В жизни наверняка бы получилось иначе. Я поудобнее перекинул в руках свои покупки и отправился туда, куда чуть раньше прогремел автобус. Мне тоже надо было в сторону порта.

Этот путь оказался немногим длиннее первого, короткого. Зато куда спокойнее. Здесь ручей был вполне цивилизованно пропущен под дорогой сквозь метровую бетонную трубу. Здесь никому не было до меня дела. Здесь не надо было лезть в овраг.

Во дворе опять сидели мужики и на оттертом от следов вороньего пребывания столе рубились в домино. На этот раз просто с пивом и воблой, без самогона. Мне они обрадовались, как родному. Признали.

— Что, парень, — выдал главный балагур, — библиотеку нашел?

Остальные заржали.

— Так вы ж не показали! — бодро парировал я. — Пока ищу. Как найду, непременно расскажу.

Ответ мой понравился.

— Ну ты зубаст, — одобрительно крякнул шутник, — палец в рот не клади.

Я пожал плечами. Эх, мужики, знали бы вы, как мне сейчас хотелось посидеть здесь, рядом с вами. Хлебнуть пивка, закурить сигаретку, сыграть партейку-другую...

Но, чтоб его, этому телу всего несколько дней назад исполнилось шестнадцать. Вряд ли кто-то из вас оценит мой порыв. А вот неприятности мне точно будут гарантированы — скандал с матерью и недовольство отца. Вы же непременно настучите. А оно мне надо?

И я мысленно посетовал: «Ничего, Олег, придется учиться заново быть пацаном. Придется вести себя соответственно возрасту. И радуйся, что тебе не десять!» От последней мысли слегка поплохело. Шестнадцать было куда лучше. А если вспомнить про школу... Ёпть, только этого мне не хватало. Школа! Что я там буду делать? Я ж почти ничего не помню! Мать вашу за ногу, вот это я попал!

— Парень, ты чего! — Раздалось взволнованное.

Вопрос вернул меня в реальность. Оказалось, за размышлениями я дошел до подъезда и замер там прямо на пороге.

— Ничего.

— Ты это, — мужики поняли меня по-своему, — не стесняйся. Сумки можешь прямо тут бросить. Никто не тронет. Мы присмотрим. И дуй себе...

Мне указали в сторону сортира.

На этот раз я поблагодарил совершенно искренне. Отлить мне сейчас точно не помешало бы. А школа... Об этом можно подумать и позже. Сначала Ирка. Все остальное ждет.

Из-за двери доносилось нетленное:

Что за дети нынче, право,
Никакой на них управы,
Мы своё здоровье тратим,
Но на это наплевать им.
Такая-сякая сбежала из дворца,
Такая-сякая расстроила отца.

Ирка опять смотрела мультики и подпевала страдающему королю в голос. Значит, она дома, в безопасности. От сердца отлегло.

Дверь открыл отец. Перехватил у меня провизию и распорядился:

— Разувайся, переодевайся и дуй на кухню. Чай будем пить. Мать таких оладий напекла!

Он сделал жест, который во все времена означал одно — вах, восторг, супер! И я подумал, что зря напоследок накупил всякой фигни. Надо было на последний рубль взять сгущенки. В сельпо она, вроде, была. Но, после драки кулаками не машут. Что сделано, то сделано.

Я скинул кеды и пошел переодеваться.

В гостиной Ирки не было. Телевизор стоял отключенный, с темным экраном. Песня доносилась из нашей спальни. Интересно, откуда там взяться музыке? Я с любопытством заглянул.

Сестренка отплясывала посреди комнаты затейливый танец. То кружилась, то кланялась, то приседала, пытаясь изобразить книксен. Я невольно фыркнул. Делала Ирка все это довольно неуклюже, путаясь в тощих ногах и руках.

Если вырастет, она точно станет красавицей. Длинноногой, стройной. А пока это был гадкий утенок — долговязое, угловатое чучело. Я сам себя одернул: «Не если, а когда!» Для меня вопрос ее спасения был решенным. Я жизнь отдал ради этого.

Музыка лилась из старенькой советской радиолы, стоящей у окна. Хотя, почему старенькой? Сейчас для них самое время. На проигрывателе крутилась родная черная пластинка. Была она кем-то основательно заиграна. Игла то и дело проскакивала на царапинах и издавала знакомый кхекающий звук.

— Олег, — в дверь просунулась отцовская голова, — ты чего застрял? Пойдем пить чай.

— Сейчас!

Я прихватил домашнюю одежду и отправился переодеваться в гостиную. Когда принес обратно брюки с рубашкой, Ирка, вооружившись допотопной лупой, уже сидела с ногами на кровати. Теперь она была не принцессой, а сыщиком. Пластинка пела:

Я гениальный Сыщик,
Мне помощь не нужна,
Найду я даже прыщик
На теле у слона.

— Ир, — спросил я, — ты лупу где взяла?

Она махнула рукой.

— Отстань.

В который раз за этот день я пожал плечами и прикрыл дверь. Была ли у нас такая лупа, я не помнил. А даже если и не было. Что такого? Поиграет и вернет. Я ей сейчас отдал бы все что угодно.

— Ты только живи, сестренка.

Фраза эта прозвучала почти, как молитва. Да она и была молитвой, понятной в этом мире только мне.

Глава 7. Шторм

Мать стояла возле стола и слегка ошарашенно смотрела на мои покупки. Отец тихонько посмеивался, сидя на табурете. Я пристроился за стол, напротив него, старательно делая вид, что все идет по плану.

Творог, булки, семечки и карамель были восприняты стоически. С яйцами вышла заминка.

— А трех десятков не было? — поинтересовалась мать, перекладывая их из сетки в миску.

Я дожевал оладушек и заверил:

— Закончились, честное слово.

— И в магазине тоже? — Не поверила она.

Следующим оладушком я поспешил заткнуть рот и дальше уже мог только кивать, как заводной болванчик. По крайней мере, ближайшую пару минут. Кивать и надеяться, что ко мне перестанут приставать. Не сработало.

На стол выставили литровую банку.

— Усохла? — Последовал язвительный вопрос.

Отец поперхнулся и заржал.

— Разбилась. Так вышло, — пояснил я немного виновато, — на пустыре споткнулся неудачно.

Мать сразу встревожилась. Банки банками, а дети всегда важнее. Меня тут же засыпали вопросами:

— Упал? Разбился? Сильно? Где болит?

Подняли на ноги и принялись осматривать, как маленького. Я вяло отбивался:

— Ма, все нормально. Да не ушибся я. Удачно упал. Только банку разбил.

— Точно?

Мама все еще не верила. Мне ее беспокойство было приятно.

— Мам, честно. Совсем не ушибся. А банку надо вернуть. Мне ее в долг дали.

— Вернем. — Пообещал батя.

— Ладно. — Мама наконец сдалась. — Пейте чай, а вечером пойдем купаться.

Отец тут же приуныл. На вечер у него были другие планы. Но купаться мы все же пошли. Все. И Вику я в этот раз не видел.

Ирку погнали спать в одиннадцать. Она пыталась бурно возмущаться. Просила посидеть еще капельку. Ну хоть чуточку! Мать была неумолима. Отец в процесс укладывания обожаемой дочери предпочитал не вмешиваться.

К счастью, на меня диктат предков не распространялся. Меня спать не гнал никто. Ирку это бесило. Всегда. Этот вечер не стал исключением.

— Почему ему можно, а мне нет! — Канючила она.

— По кочану. — Отрезала мать. — Олег, забирай, что тебе надо и перебирайся на кухню.

— Щас, мам...

Я и сам не заметил, как быстро втянулся. Как легко восстановил прежние привычки. Это «Щас, мам» вырвалось из меня само по себе, на автопилоте. Словно и не было сорока лет, когда мне эту фразу говорить оказалось некому.

Я завел на пять тридцать будильник. Порылся в своей сумке, нашел фонарик-жучок и переложил в карман. Жечь среди ночи спички было не самой лучшей затеей. А оставаться темноте... Брррр... Не знаю, но эта мысль меня пугала. В памяти сразу возникало вчерашнее ощущение жуткого взгляда.

Мои манипуляции от материнского бдительного ока не укрылись.

— Зачем тебе фонарик? — удивилась она.

Я ответил, как можно небрежнее:

— Ну не включать же свет, когда спит Иринка. А в темноте ничего не видно.

Даже если ее и не убедил мой ответ, уточнять подробности она не стала. Я сцапал с

подоконника книгу и по-быстрому слинял.

На кухне отец старательно лил в раковину воду. Вид у него был виноватый. Мне вдруг пришло в голову, что бегать вниз не хочется не только мне. И батя тоже прочухал альтернативный вариант решения проблемы. Увидев меня, он поспешно закрутил кран и ни с того, ни с сего принялся суетливо пояснять:

— Вот, руки решил помыть перед сном...

Я понимающе хмыкнул и окончательно уверился, что угадал. Отец это как-то сразу понял, смутился, приблизился к моему уху и прошептал:

— Матери только не говори.

Для наглядности он приложил к губам палец.

Я кивнул. И мы, как два заправских заговорщика, расползлись по местам. Батя — в комнату на диван к телевизору и газете. А я за стол на табурет с книгой. Вскоре на кухню вернулась мать.

— Олег, — сказала она, распахивая холодильник, — я тебе тут с собой поесть собрала. — Палец ее указал на объемистый сверток. — Постарайся завтра не забыть.

— Хорошо, мам.

Я встал и чмокнул ее в щеку. Она улыбнулась.

— Не засиживайся. А то я тебя знаю — зачитаешься и не выспишься. Какой из тебя тогда рыбак будет?

Фонарик я, как натуральный параноик, положил на стол, рядом с книгой. Казалось, что только в квартире наступит тишина, как тут же погаснет свет, а изо всех щелей ползет нечисть. Было откровенно страшно. А еще странно. По прошлому разу я этой жути совсем не помнил. Подумалось, что переезд в прошлое что-то сдвинул в моем мозгу. Сделал его чувствительнее, восприимчивее к разным мелочам.

А слегка поколебался, налил себе чай, добыл из завтрашнего кулька бутерброд и потихоньку, пока не видит мать принялся жевать. Точно, как в детстве, между укусами, пряча руку под столом. Старые привычки возвращались легко, незаметно, сами собой.

Время шло. Свет не гас. Никакие взгляды меня пока не тревожили. Книга была раскрыта на второй странице. Читать я не мог. Просто не видел текст. Скорее сидел и ждал, повторится ли вчерашнее ощущение. Ничего. Пустота и покой. Стрелка на часах перевалила за двенадцать.

Я захлопнул бесполезную книгу и решил — хватит. Так и свихнуться не долго. Спать, спать, спать. По методу отца перед сном основательно «помыл руки». Потом словил приступ брезгливости, совсем не свойственный подросткам, и так же тщательно вымыл с хозяйственным мылом раковину. Сочтя на этом свою миссию завершенной полностью, отправился спать с фонариком на изготовку.

Жучок, как ему положено, жужжал. Мощи его хватало, чтобы осветить до конца весь коридор. Луч света у запертой двери выхватил темный силуэт. Тень с какого-то бодуна решившую встать вертикально, на ноги. Свет ее не напугал. Даже наоборот, словно придал сил. Она взмыла на добрые полметра на полум, стала еще темнее, гуще, обрела практически материальные контуры, ринулась на меня, раскрыла объятия и... Мир вокруг погас. Все затопила крошечная тьма.

Как не заорал, не знаю. Наверное, горло сковало ужасом, и я не смог выдавить из себя не звука. Сердце подпрыгнуло в район темечка и забилося там с бешеной силой. По спине тонкой струйкой побежал холодный пот. Ноги стали ватными. Меня повело. Я привалился к стене, зажмурился, как трус, как самый обычный пацан...

Сколько стоял, не знаю. Казалось, мгновение. Очнулся, когда жучок выпал из рук.

Из кухни в коридор пробивались неясные блики. На ватных ногах я добрался туда. За окном разгорался рассвет. Часы показывали начало третьего. Встреча с...

Я попытался подобрать определение тому, что только что со мной произошло. В голову лезло единственное слово «Фантом». Так ли это на самом деле? Кто знает. Я в этих вопросах не спец. Не верил я в чертовщину никогда. Даже сейчас сложно было себя убедить в том, что все свершившееся имеет место быть. Вот только это столкновение с ирреальным украло из моей жизни два часа.

Я включил воду и сунул голову под кран. Как говорила в свое время бабуля? Вода-вода, забери с собой все страхи, унеси беды-хворобы, смой без следа, матушка вода. Дальше, точно помню, лицо следовало утереть подолом платья или юбки. На крайняк, годился низ халата.

Ничего подобного у меня под рукой не было, и я утерся висевшим на гвоздике фартуком матери. Чем не подол? Отпустило сразу. Вот и не верь после этого в заговоры.

Я стянул с себя майку и замотал вокруг головы чалмой, как полотенце. За окном заливалась какая-то птаха. Уже почти рассвело. Я, крадучись, пробрался в нашу с Ирккой спальню, расстелил поверх подушки полотенце, майку развесил на спинке кровати и плюхнулся спать.

Отрубился сразу. Не помешали никакие страхи.

Три часа сна... Если добавить сюда лето и каникулы, то выходила натуральная пытка. Да еще этот будильник. Как заткнуть эту сволочь и после не заснуть?

Я пошарил рукой по полу, наткнулся на холодную металлическую тушку и от души жажнул сверху, прекращая этот звуковой апокалипсис. Наступившая тишина показалась мне божьей благодатью.

Из-за стены окликнула мать:

— Олег, ты не проспайшь?

Вот же пристали! Встаю, встаю...

Я спустил вниз ноги, наступил на жучок и все вспомнил. Ёпть! Волосы на голове стали дыбом. Такого ужаса я не испытывал ни разу за всю свою совсем небольшую жизнь. Никогда еще на меня не нападало черное нематериальное нечто. Я поразился сам себе — как только в голову пришло лечь и уснуть? Как?

Ночью я словно находился под наркозом. Все чувства притуплены. Даже ужас какой-то игрушечный, не настоящий. А сейчас... Страшно было даже выглянуть в коридор.

Я встал с постели, приоткрыл шторку и посмотрел во двор. Соседа внизу не было. Так, хоть не проспал, и то хлеб. Нет, Олег, хватит трусить. Надо одеваться. С этим кошмаром будешь разбираться чуть позже. Вон, можно у дяди Толи узнать, есть ли здесь поблизости

церковь? Помнится, бабуля говаривала, что снечистью надо бороться молитвой и святой водой. А бабуля была мудрой женщиной.

И плевать, Олежка, что здесь ты идейный комсомолец. А отец у тебя коммунист. Плевать! Главное сейчас дожить в этом чертовом доме неделю. Дожить, не свихнуться, Ирку, в конце концов, спасти. Ты за нее жизнь отдал. Не забыл еще? Хотя цена той жизни — пять копеек в базарный день. Но все же...

Я дрожащими руками натянул вчерашние носки, влез в брюки, надел подсохшую майку, нашарил в сумке мятую рубашку с длинным рукавом. Опыт твердил, что на воде с коротким долго нельзя, сгоришь к чертям собачьим.

Тихонько, шарахаясь собственной тени, выбрался в коридор.

Там было тихо. Там было пусто. Там было идиллически спокойно. Словно весь ночной кошмар мне приснился. И я с огромным удовольствием бы в это поверил. Только сознание мое было твердо знало, что произошедшее — никакой не сон, а самая что ни на есть реальность. Реальнее не бывает. Я подхватил с пола кеды и выскользнул в подъезд.

Обулся на коврик под дверью. Рванул вниз. Дойти успел до первого этажа, как сверху громким шепотом позвала мать:

— Олег, ты еду забыл!

Черт! Точно, забыл. Вот же склероз! Хотя, какой склероз в шестнадцать лет? Обратно я взлетел бегом, перепрыгивая разом по две ступени. Мать стояла у порога. Взъерошенная, заспанная, в длинной ночнушке.

— На, — протянула она мне сверток.

— Ма, спасибо! — Я невероятно растрогался.

— Что там у тебя ночью падало?

Спросила она сквозь зевок. Я виновато потупился.

— Фонарик, нечаянно...

Даже стоя на порожке, она едва доставала мне до подбородка. Поэтому, чтобы поцеловать, приподнялась на цыпочки, наклонила к себе мою голову, чмокнула в щеку и сказала:

— Олежка, ты там дядю Толю слушайся. Море все-таки...

— Хорошо, мам.

— Ладно, беги.

Я махнул ей рукой и понесся обратно вниз. Мама снова была моей. Она опять меня любила. Просто любила. И это было прекрасно. За это можно было заплатить и страхами, и встречей с...

Я передернул плечами и твердо решил узнать про церковь. Запастись там святой водичкой. Как говаривала бабуля? Береженного Бог бережет.

Первым делом я сгонял в пристройку. Сам себе посочувствовал. С туалетом в квартире куда удобнее. Как только здесь люди живут?

Когда вернулся, сосед уже ждал меня во дворе. Один. Без Юльки.

— Молодец, — сказал он, — почти не опоздал. Хвалю.

Я показал ему сверток и пояснил:

— Сначала забыл, пришлось возвращаться. Потом еще бегал по неотложным делам.

Он понимающе улыбнулся, скинул с плеча брезентовую сумку, распустил на горловине шнурок и кивнул, указывая внутрь.

— Клади, в руках таскать неудобно.

Мне было куда неудобнее его нагружать. Но спорить я не стал. В сумке уже лежали объемистый сверток, высокий термос и складной пластиковый стаканчик. Дядя Толя озаботился не только едой.

— Вот и славно, — сказал он, затягивая шнурок. — Пойдем.

Шел быстро. Я старался не отставать. Благо, дорогу эту видел не впервые. Вчера днем мы ходили по ней на пляж, к порту. На улице оказалось неожиданно свежо. Дул сильный порывистый ветер. Чем ближе подходили к морю, тем смурнее становился мой провожатый. Наконец, он не выдержал и произнес:

— Не нравится мне все это. Как бы наша с тобой рыбалка не накрылась медным тазом.

Ветер мне тоже не нравился.

— Шторм? — попытался я угадать. Хотя не имел ни малейшего понятия, бывает ли здесь шторм. Море казалось каким-то игрушечным, ненастоящим. Слишком мелким для обычного моря.

— Он, чтоб ему... — Дядя Толя бросил на меня быстрый взгляд и замолк, проглотил рвущееся с губ ругательство. — Ты не смотри, что тут куренку по колено. Чуть дальше от берега в шторм волна бывает и до восьми метров доходит.

Я невольно присвистнул. Ого! Вот тебе и игрушечное море.

— Никогда не видел настоящего шторма, — признался я.

Сосед усмехнулся.

— Какие твои годы, еще увидишь.

Я промолчал. Не объяснять же ему, что прожил я куда дольше, чем он. Правда, не в этой жизни, в другой. В такой давней, что сейчас она кажется уже нереальной.

К воде мы вышли в полном молчании. Сразу стало понятно, что о рыбалке можно забыть. Нет, у берега не было гигантских волн. Так, сущий пустяк, даже ниже человеческого роста. Но и их вполне хватило, чтобы напрочь отбить желание лезть в воду.

— Как думаете, это надолго? — Я откровенно расстроился. Черт с ней с рыбалкой. Но искупнуться хотелось.

Дядя Толя пожал плечами.

— Всяко бывает. Может, к вечеру и утихнет. — Впрочем, в голосе его особой уверенности не было. — Ты успел позавтракать?

Я помотал головой.

— Нет. Когда? Как поднялся и сразу к вам.

— Тогда самое время перекусить.

Сосед выбрал удобное место в стороне от моря — на небольшой возвышенности среди россыпи мелких камней. Там он снял сумку, уселся, достал еду и термос. Разлил горячий чай — себе в крышку, мне в раскладной стакан. Я сел рядом. Взял свой стаканчик, обхватил его двумя ладонями.

Наверное, это был один из самых счастливых моментов моей жизни за последние годы.

Никто ничего от меня не ждал. Мы просто сидели на берегу. Ели мои бутерброды, дяди Толину жареную рыбу и пироги с капустой, пили чай и молчали.

Волны с шумом набегали на песок, старательно вылизывали берег, смывали с него человеческие следы. И в шуме этом слышалась музыка жизни.

А потом я спросил, смущаясь своего вопроса и пряча глаза:

— Дядь Толя, а в вашем городе церковь есть?

Удивительно, но он не стал меня спрашивать, зачем мне церковь. Только сказал:

— Есть. Тебе надо?

Я посмотрел на него серьезно.

— Надо.

Он усмехнулся.

— Надо же, не ожидал. Только она не в самом городе. В соседнем поселке — в Калачовке. Тебе туда ехать придется от порта на автобусе.

Я даже расстроился.

— Не выйдет, я денег с собой не взял.

— Ерунда.

Дядя Толя полез в карман, позвенел мелочью и выудил два пятака.

— Держи. Потом вернешь. А не вернешь, тоже не страшно.

Я взял. Даже не стал для приличия спорить и отнекиваться. То, что дано от чистого сердца, надо брать. Всегда. Отказом легко обидеть.

Мужчина кивнул и посмотрел на часы.

— Если хочешь успеть на автобус, иди сейчас. Отходит раз в час. Ближайший в семь тридцать. Хотя, можешь и следующий подождать. Храм от тебя никуда не денется. Он там уже больше двух веков стоит. Простоит и еще столько же.

Я слегка поразмыслил. Уходить не хотелось. Вовсе не из-за лени. Скорее, из страха, что ничего не получится. Но! Поддаться страху легко. Малодушие вообще необременительная штука. Только и надо, что наступить на горло собственной совести. Чтобы замолчала. Чтобы не мешала жить. И я решился:

— Лучше сейчас.

Дядя Толя взял пирог и протянул мне.

— На, по пути доешь. А то я тебя совсем заболтал. Толком не дал перекусить. Если хочешь, могу дать и термос...

Это было щедро. Это было по-человечески. Почему в прошлый раз дядя Толя не попался на моем пути? Вопрос меня расстроил. Я и так знал почему — из-за Вики и моей собственной дурости.

Пирог я взял, от термоса отказался. Таскать его с собой без сумки — не самая лучшая идея.

Глава 8. Счастливый билет

Порт — вот он, рукой подать. Ага, как бы не так. Оказалось, по прямой в нужное мне место не добраться. А пытаться идти туда бережком — вообще тухлая затея. Тормознули меня очень быстро. На подходах.

— Эй, пацан, — окликнули работяги, колдовавшие над мешками, сложенными на большой деревянный поддон, — ты что здесь забыл?

Вопрос был задан не слишком дружелюбно. Я поспешил объясниться:

— Мне на автобус надо.

— А здесь чего шляешься?

Второй вопрос прозвучал еще резче. Благо, отвечать на него не пришлось. Рука в брезентовой рукавице указала направление.

— Тебе туда!

Это самое «Туда» было весьма странным местом. Совсем не так представлял я себе приличный торговый порт. Где цивильные строения? Где оборудованные места хранения? Где хорошие дороги? Где стоянки для техники? Ничего подобного не было и в помине.

Вдоль раздолбанной в пух и прах асфальтовой дороги, стояли разнокалиберные деревянные строения всех мастей и размеров: от небольших сараюшек, до более-менее приличных, добротных... Ээээ, я попытался для себя определить их назначение, не смог и дал им кодовое название — склады.

Наверное, это было близко к истине. К ним тои дело подъезжали ЗИЛки. Что-то разгружали, что-то загружали, работа кипела. Пару раз дорогу пересекали железнодорожные пути.

Меня еще пару раз окликали. Один раз отмахнулись, как от назойливой мухи. Другой — вызвались немного проводить.

Скоро дорога стала приличнее, сараюхи сменились обычными белеными зданиями. Кое-где у дверей появились таблички. И я, как сугубо сухопутный житель, решил, что склады закончились, пошли конторы. А, значит, и до цивилизации рукой подать.

Как ни странно, не ошибся. Очень скоро обогнул красивое здание с башенками. На фасаде было написано «Н-ский торговый порт». Пересек наискосок узкую площадь, вышел за ворота и оказался на нормальной городской улице. Осталось только найти остановку.

Остановка нашлась быстро. Одна, но длинная. Носила она гордое название «Автовокзал». Я смотрел на это чудо и не знал, то ли смеяться, то ли плакать. Память полностью стерла воспоминания о подобном казусе. Наверное, по меркам семидесятых это было вполне себе приличное место. Мне же оно казалось странным.

Автовокзалом обозвали небольшой пяточок с металлическим навесом, двумя лавками и одиноким фонарем. Под нижней кромкой крыши висели большие круглые часы. Показывали они семь двадцать четыре.

Возле навеса стояли два одинаковых ЛиАЗа. Один, с номером два на лобовом стекле, был закрыт наглухо. Пустой, без водителя. Второй, под номером три, гостеприимно распахнут. Возле него две старушки шумно, со вкусом, прощались. Их голоса разгоняли утреннюю тишину.

Маршрут я прочел издали: «Торговый порт — Калачовка». И сразу направился туда. Это было то, что нужно.

Войти спокойно мне не дали. Одна из бабок, завидя такой подходящий объект, тут же распростилась с товаркой и обернулась мне навстречу. Взгляд ее был цепким, как репей, требовательным, голос — жалобным, страдающим. Если верить голосу, бабка была не иначе,

как примерти. Взгляд убеждал в обратном. Бабуля даст фору кому угодно, даже мне.

В жизни мне встречался не один десяток подобных бабок. Спорить с ними было себе дороже. Такие всегда правы.

— Внучок, — почти прорыдала она, — помоги бабушке занести сумочки!

Так и знал, что этим все закончится. Я кивнул, подхватил два ее баула, хотел зайти внутрь, но был ловко отодвинут в сторону. Бабка прошмыгнула вперед и бодрым шагом потопала по салону.

За каким лядом ее понесло в самый конец автобуса, я не имел ни малейшего понятия. Спрашивать тоже не было никакого желания. Я покорно затащил в автобус торбы и понес их за хозяйкой. Почти уже дошел, как вдруг услышал:

— Олег! Иди сюда, я тебе место заняла.

Что? Опять? Вика. Снова Вика. Везде одна Вика. Вашу ж мать! Почему я не удивлен? Е той, моей прошлой жизни, сказали бы, что это — карма. Сейчас я дал этому совсем иное определение — кара Господня. Знать бы, за какие прегрешения?

Наверное, я застыл посреди автобуса, забыв, куда шел. Потому что бабка дернула меня за рукав и приказала:

— Ставь сюда.

Она ткнула пальцем в площадку у заднего сидения. А когда я склонился, опуская ее кладь, удержала меня за плечо и прошептала.

— Иди, внучок. Грех заставлять девку ждать.

Я только сейчас заметил, какие у нее живые озорные глаза. И тут же подумал, что в молодости бабка зажигала знатно.

— Иди, внучок, иди. Хороша девка-то.

И она неожиданно подняла вверх большой палец. Я усмехнулся. Если бы ты только знала, бабуля, сколько от этой красоты будет бед. Если бы только знала...

— Олег! — Вновь окрикнула Вика. В голосе ее появились капризные нотки. — Я жду!

Не отвяжется. Эта точно не отвяжется. И я пошел, думая только об одном, как от нее отделаться.

Вика сидела у окна, около кассы. На соседнее сидение она положила матерчатую сумку. Чтобы никто не покусился на место рядом. Чтобы все знали — занято. Напротив сидели две дамы чуть-чуть за сорок. Умудренные жизнью. Нарочито серьезные. На нас они старательно не смотрели.

— Олег! — Мое проклятие переставило сумку себе на колени. — Как я рада тебя видеть.

И все. Словно вчера ничего не случилось. Ни капли смущения. Ни капли сомнения. Я сел рядом и проговорил, пытаясь быть спокойным:

— Здравствуй, Вика.

Получилось глупо. Сухо. Казенно. Дамы напротив воззрились на меня с удивлением. Не так, ох не так, обычный молоденький паренек должен приветствовать равнодушно к нему девушку. Что поделаться? Пусть удивляются. Мне совсем не хотелось говорить.

Вика тоже изумилась, на миг задумалась и придвинулась ко мне вплотную. Теперь мое бедро, касалось ее бедра. Моя рука была совсем рядом с ее красивой круглой коленкой. Я

видел ее сочные полуоткрытые губы, а, мог опустить глаза чуть ниже, туда, где верхняя пуговка платья была словно нечаянно расстегнута. Туда, где открывалось куда больше, чем позволяли правила приличия. Черт, этого было вполне достаточно.

Я мысленно заплодировал ее таланту и уставился в окно. За что мне это наказание? Мой организм опять сходил с ума от желания. Жгучего. Неукротимого. Что с того, что разум мой помнил о всех тех бабах, которые прошли через нашу с ним постель... Для этого тела Вика была первой любовью. Дрянной, тяжелой, недостойной ни одного доброго слова. И все-таки первой.

Я прикрыл глаза и принялся считать до десяти. Не хватало еще расклеиться. «Олег, — убеждал я себя, — побереги силы. Они тебе пригодятся.» Кого я хотел обмануть? Себя? Ее? Судьбу?

Не обманул никого.

— Ты на рынок? — Вика положила руку мне на плечо.

Я невольно вздрогнул и открыл глаза. Она сделала вид, что не заметила.

— Нет.

— А куда?

«И что ты ко мне пристала? Что я должен сказать? В Калачовку? В храм за святой водой?» Я абсолютно не знал, как ей все объяснить. Да и не собирался ничего объяснять. Правду можно говорить кому угодно, только не Вике. Поэтому от ответа ушел:

— Дальше.

Невероятно, но выпытывать Вика не стала. Словно угадала своим, присущим всем женщинам, чутьем, что ответа не получит.

— Жаль, — сказала она. И всем стало понятно, что ей на самом деле жаль. — Я думала, мы вместе выходим. А потом вместе поедем домой.

Я пожал плечами.

— Прости, не получится.

Она заерзала, забираясь на сидение глубже, задела коленом кассу и спросила:

— Ты билет купил?

Я помотал головой. Глупый вопрос. Сама же видела, что нет. Вика оживилась, положила ладонь на ручку кассы.

— Кидай пятак. У меня легкая рука. Вот увидишь, будет счастливый билет!

Я украдкой бросил взгляд на аппарат. Что там гадать? Следующий билет торчал наружу почти на треть. И номер его был прекрасно виден:

685586

Мало того, что счастливый, так еще и зеркальный. Огромная редкость. Сразу вспомнилось, как бабушка мне маленькому говорила: «Если попадется счастливый билетик, надо загадать желание и съесть билет!» Вспомнил, что тогда в это верили все. Считали, что такое желание заранее обречено на исполнение. А у меня заветное желание было.

— Кидай! — Вика сгорала от нетерпения.

Я пошарил в кармане, выудил пятак и небрежно опустил в прорезь на крышке кассы. Вика повернула ручку. Билет вылез полностью. Я его оторвал.

Вика сделала изумленные глаза и восторженно заявила:

— Я же говорила, у меня легкая рука? Смотри, счастливый!

Тетки напротив понимающе захихикали. Я мысленно крикнул «Браво» этой маленькой артистке. Подумалось, не даром роль леди Ровены дали именно ей. Такие способности!

А потом переключился на желание. Дурь, конечно, но соблазн был силен. Хотелось загадать прямо сейчас, чтобы с Ирккой ничего не случилось, чтобы она осталась жива-здорова. Чтобы эти сорок лет просто вычеркнуло из книги судеб.

Глупо. По-детски. Я все прекрасно понимал. И все равно не мог об этом не думать. И бы съел этот чертов билет, ничуть не стесняясь заинтересованных взглядов... Только Вика протянула сложенную лодочкой ладошку и тихонько попросила:

— Олежек, а можно мне? Пожалуйста! Ну можно?

Все взгляды вокруг из любопытных превратились в ожидающие. Время для меня словно остановилось. В голове крутилось: «Ай да Вика! Ай да сука! Ничего не делает просто так Молодец девчонка! Далеко пойдет. Сама лишний билет открутить не могла, слишком много народа смотрит. Вот и нашла лоха».

Как бы не было противно, но этим самым лохом для нее стал я. И, казалось бы, мелочь. Подумаешь, счастливый билетик. А так по-скотски.

— Ну пожалуйста! — Голос Вики почти плакал.

Неужели, я сам справлюсь со своими проблемами? Теперь я о них хотя бы знаю. Это всего лишь обычный билет. Все эти желания — сплошные предрассудки. Чудес не бывает! На этой мысли я хмыкнул и сам себе ответил: «Ага, не бывает. А то, что происходит со мной третий день? Это как? Не считается?» И пусть...

И я положил билет в Викину ладошку.

Больше я ей был неинтересен. Это почувствовалось сразу. На ее лице появилось выражение неприкрытого торжества. Такое выражение мне было хорошо знакомо. Точно также смотрела Лелька, когда добивалась своего.

Вика вновь одержала победу. Не даром ей дали это имя. Ох, не даром. Виктория! Я усмехнулся и стал смотреть, что будет дальше. На этот раз отстраненно, совсем без эмоций.

Теплая ладошка скользнула с моего плеча. Вика как-то незаметно отодвинулась к окну. Между нами тут-же образовалась брешь в два кулака шириной. И она поставила в эту брешь свою сумку.

Восхищению моему не было предела. Такая сопля, а предусмотрела все, даже это.

Вика зажала билетик в кулаке и сказала вслух:

— Я хочу, чтобы...

Остальное она произнесла про себя, беззвучно шевеля губами. Я даже не пытался угадать, чего она желает. Какая разница. Лишь бы поскорее вышла. Рынок в окно уже был виден. Мы стояли на светофоре, совсем недалеко от него.

Вика показательно разжала кулак. Показала всем билет. Сполна насладились триумфом. Подцепила счастливую бумажку двумя пальцами и отправила в рот.

Я не сдержался и поддел:

— Вкусно?

Мог бы и не стараться. Вика кивнула, подтверждая, и выдала высокомудрое:

— Нектар! Амброзия!

Где только нахваталась. Я закинул еще одну шпильку:

— Мне бы тоже понравилось.

Вика лишь небрежно шевельнула плечиком. Ей мои желания были не интересны.

А я вдруг вспомнил фразу, которую слышал когда-то: «Ссы в глаза, все божья роса!» Тот, кто ее изрек первым, словно был знаком с этой дрянью. Все ей было ни по чем. Добилась своего и довольна. Остальное ее не волновало.

Автобус тронулся. Вика словно очнулась:

— Ой! Приехала!

Она схватила сумку и, грациозно переступая через чужие ноги, двинулась к выходу. Я смотрел на нее не отрываясь. Мне было интересно, неужели вот так и уйдет? Неужели даже не скажет ничего?

Нет. У дверей она остановилась, обернулась и бросила с милой улыбкой:

— Пока, Олег. Еще увидимся.

Я отвечать не стал.

Так она и вышла. С моим билетом в желудке, со своим в кармане. Чуть позже, когда Вика уже скрылась из вида, до меня дошло, что пятак у меня один, а билета ни одного. Всю оставшуюся дорогу я сидел тише мыши и думал, что делать? Но обошлось. Контролеры, если и водились на этом маршруте, то не в этот день.

Калачовка была самой натуральной дырой в два десятка домов. Но я ее заранее любил. Мне она дарила какую-никакую надежду.

Автобус остановился на асфальтированной площадке возле продмага. Внутри осталось всего трое пассажиров: я и две бабки. Одна из них та, что я собственноручно усаживал еще в порту. Похоже, опять придется носить сумки. И пусть, мне это было не в тягость.

Бабка тоже обрадовалась мне, как родному, и тут же принялась петь дифирамбы:

— Вот спасибо тебе, милый. Уж как у меня спина болит! — Она картинно схватилась за поясницу. — Не знаю, как бы я без тебя справилась? Слава Богу, что помог.

Последние ее слова показались мне манной небесной. А когда она размашисто перекрестилась, я уверовал, что бабку послало само провидение, и поспешил спросить:

— Вы далеко живете? Давайте, я вам помогу.

Бабуля уцепилась за мое предложение, как клещ цепляется за собаку, затараторила сразу:

— А и помоги, внучок, помоги. Здесь недалёко. Всего шесть дворов. Аккурат возле храма.

Она махнула рукой в нужном направлении. А я окончательно уверился в Божьем промысле. Там за домами виднелась синяя маковка церквушки. Помнится, где-то мне попадалось, что цвет куполам дается не просто так. Что-то он да означает. Для поддержания разговора я спросил:

— А почему купол не золотой?

Вопрос мой вызвал нешуточное оживление. Бабуля проследила, чтобы я взял ее поклажу в правую руку, поправила платочек, повисла на левой моей руке и, пытаясь приноровиться к моим шагам, начала ликбез:

— Все со смыслом, внучок, все благодаря Божьему повелению. Золотой купол — Слава Божественная, синий — небесная чистота Божьей матери нашей, заступницы...

Она говорила что-то еще, а я думал, как повернуть разговор, чтобы моя нечаянная спутница помогла мне раздобыть святой воды. И едва не пропустил, когда меня спросили:

— Внучок, а зовут-то тебя как?

— Олег.

— А меня можешь называть бабушка Дуся.

— Бабушка Дуся, — попросил я, — не могли бы вы мне помочь.

— Чем? — бабуля почти не удивилась.

Зато я замялся. Вроде бы и стесняться некого, старуха — человек верующий. Просьба моя должна прийти ей по душе. Но было как-то неловко. Я, взрослый мужик, и вдруг занимаюсь такими глупостями.

— Так чем помочь-то, Олежек?

— Мне нужна святая вода.

Мое желание восприняли, как должное. И бабушка Евдокия, довольная вниманием подрастающего поколения, ответила:

— Отчего не помочь? Помогу. Вот только вещички в дом занесем.

Она отцепилась от меня, подошла к забору и скинула петлю, которой крепила калитку к толстому дырну. Проворно распахнула передо мной дверку.

— Заходи, внучок, не стесняйся.

Я и не стал стесняться. Зашел внутрь.

Двор был совсем небольшой — аккуратный, ухоженный. Справа виднелся колодезный сруб с потемневшим воротом. Слева небольшой сарайчик. Из крыши торчала труба. Окна с зелеными ставенками. У крыльца цвели золотые шары. Мне здесь понравилось сразу.

Навстречу по ступеням спустился шикарный котик — черный с белой манишкой. Толстый. Залюбленный.

Баба Дуся, начисто забыв про больную поясницу, ринулась к нему, как молодая. Склонилась, принялась чесать за ушком, приговаривая:

— Соскучился, Васенька. Вот я тебя сейчас молочком угощу!

Васенька мурчал не хуже трактора и косил на меня хитрым зеленым глазом. Сразу стало понятно — хозяин в доме именно он. А бабка у него так, на подхвате.

— Ты сумки ставь на крыльцо, — скомандовала она не разгибаясь. — Щас, Васеньку накормлю и в церкву пойдем. У нас батюшка хороший, понимающий. Не бойся, не обидит.

Глава 9. Святая вода

Кот громко фыркнул и удалился в заросли золотого шара, сверкая на ходу белоснежными «носочками».

Бабка достала из-под крыльца блюдо с щербатым краем, поставила на ступеньку. Бодро прошкандыбала в сарай и вернулась оттуда с трехлитровой банкой молока. Ловко наполнила Васенькину посуду. Посмотрела, чутка долила, а банку протянула мне.

— Угощайся, свое молочко. Утренней дойки.

В животе у меня призывно заурчало. Но пить некипяченое молоко я не рискнул. В памяти накрепко засел печальный опыт прошлых лет. Когда полночи пришлось провести на толчке после кружки деревенского молока. А тут еще и туалет на улице. Пришлось извиниться:

— Не рискну. Я к такому не привычный.

Бабушка Дуся поняла и настаивать не стала. Молоко было возвращено на место.

Кот пристроился на ступеньке и величественно вкушал подношение.

— Можем идти, — сказала бабуля. И вдруг опомнилась. — Внучок, а воду-то ты во что

наливать собрался?

Я аж расстроился. Действительно, во что? Надо было у дяди Толи брать термос. Только я, дурак, не подумал. Получается, зря ехал? Обидно стало, хоть плачь.

Баба Дуся все поняла без слов. Ушла куда-то во двор и вскоре вернулась с чистой литровой банкой.

— Вот, — сказала она, — сюда нальешь. Держи.

— Спасибо.

Не бабуля, а дар небес. Я был невероятно счастлив. Был готов носить ее на руках. Баба Дуся задумалась и вернула меня с небес на землю.

— Банку потом привезешь.

Так я задолжал две банки. Стыдно признаться, но ни одну из них, в итоге, не вернул.

У входа в церквушку баба Дуся притормозила. Подтянула узел платка. Оправила подол. Словно шла не на встречу с батюшкой, а на свидание. Я постарался смотреть на все это с серьезным лицом, чтобы ненароком не обидеть старушку.

Войти не успели. Нас окликнули со двора:

— Утро доброе, Евдокия.

— И тебе доброго утра, батюшка.

— Здравствуйте, — сказал я.

Меня оглядели с добродушным любопытством. Батюшка был совсем еще не старым мужчиной, высоким, подтянутым. Совсем не таким, как в советское время любили изображать попов. Мне он понравился. Сразу. Я протянул руку для пожатия. Мне ответили. Ладонь у батюшки оказалась твердой, мозолистой.

— Отец Серафим, — представился он зычным басом.

— Олег, — ответил я и выпалил, словно дернул кто: — Интересное вам дали имя. Как Серафиму Саровскому.

И тут же прикусил язык. Но было поздно. Сказать, что батюшка изумился, не сказать ничего. Но обратился он не ко мне.

— Евдокия, откуда у столь юного отрока такие глубокие познания?

Бабуля промолчала. Ей тоже было любопытно.

Я оказался в неловкой ситуации — врать не хотелось, а говорить правду... Хм... Я мог бы рассказать про интернет и телевиденье из моей прошлой жизни. Но, боюсь, меня бы не поняли. Попросту сочли сумасшедшим. Поэтому пояснил, стараясь избегать откровенной лжи:

— Рассказали.

Собственно, и не соврал. Просто, не уточнил источник. Действительно, рассказали.

Батюшка понимающе хмыкнул, сделал приглашающий жест, пропустил нас вперед. Баба Дуся прошмыгнула внутрь первой. Но для начала обожгла меня негодующим взглядом. Я сделал вид, что ничего не заметил. Это было совсем несложно — внутри бабуля отвлеклась на образа, на свечи, принялась молиться. Верила она искренне.

Меня же отец Серафим отвел в сторону, указал пальцем на банку и спросил напрямик:

— С чем пожаловал Олег? С добром или нет?

Здесь я мог быть абсолютно честным.

— С добром.

Батюшка забрал у меня банку, отставил в сторону.

— Вижу, что ты не веруешь.

Это была правда. Мне отчего-то стало ужасно стыдно. За все эти годы я так и не научился верить. Не мог понять, отчего Господу пришло в голову забрать себе Иру? Зачем? Ей было всего девять лет.

И вот сейчас я пришел в дом Господень за помощью. Хотя в эту помощь почти не верил. Я опустил глаза. Ужасное чувство — неловкость и беспомощность, вот что сейчас творилось в моей душе.

— Не веруешь, — утвердился в своем мнении отец Серафим. — Так зачем пришел?

Я набрался смелости и ринулся в этот разговор, как в омут головой. Будь, что будет.

— Мне нужна святая вода.

Отец Серафим оглянулся на банку, нахмурился, свел на переносице брови.

— Зачем? — повторил он с нажимом.

А я вдруг испугался. Не даст! Что мне тогда делать? Как со всем этим справиться. И я заговорил. Поспешно, сбивчиво, совсем как пацан. Я даже не понял, как это получилось. Все вышло само собой.

— Прошу вас, не спрашивайте. Я не могу сказать...

Батюшка нахмурился еще сильнее. Хотя, куда уж больше.

— Вы не поверите мне.

Наверное, в голосе моем было столько тревоги, что батюшка решил мне помочь. Он поднял банку, легко снял крышку и куда-то ушел.

Я стоял и просто ждал, пока вернется. Даже не заметил, как рядом появилась бабушка Дуся.

Вернулся отец Серафим почти сразу. Банка была полнехонька. Он укупорил ее, снова обратился ко мне:

— Хорошо, я не буду спрашивать. Это все, или тебе нужно что-то еще?

И тут меня осенило. Молитва «Отче наш», я совсем ее не помнил.

— Отче наш. Мне нужен текст...

Баба Дуся возмущенно вытаращила глаза. По ее мнению, я сейчас произнес величайшее кощунство. Каждый разумный человек должен помнить молитву наизусть! Она уже открыла рот, чтобы излить на меня свое негодование, но отец Серафим остановил ее жестом.

А я закончил мысль:

— Хотя бы переписать.

— Зачем же переписывать?

Он отошел ко входу, со стойки, где лежали свечи, взял половинку листа желтоватой бумаги и протянул мне.

Я уже и забыл, что бумага тогда была совсем не белой. Желтой, словно вымоченной в спитой заварке. На листке под копирку был отпечатан текст. Я бегло пробежал его глазами, и строки стали всплывать в памяти сами собой. Когда-то я пытался его учить вместе с бабулей.

— Забирай, — батюшка снова улыбался. Мягко, сочувственно. — Все удобнее.

Я с ним был согласен. Сложил листок в четыре раза, убрал в карман рубашки и застегнул на пуговицу. Потом взял банку, прижал к себе.

— Спасибо.

И собрался уходить. Но меня остановили.

— Так и понесешь? — усмехнулся отец Серафим. — Вопросов не страшишься?

Я сначала не понял. Потом дошло. Ехать мне предстояло в автобусе из Калачовки с банкой воды подмышкой. Странное зрелище, не находите? Странное, вызывающее ненужное любопытство.

Вероятно, все мои мысли отразились на лице. Батюшка улыбнулся еще шире и протянул руку:

— Давай сюда.

Банка перекочевала к нему.

Потом я смотрел, как мою добычу обернули листом коричневой бумаги, как обвязали поперх бечевкой.

Руки батюшки были ловкими, проворными, словно ему не впервой было паковать такие кульки.

В конце концов, меня благословили и отпустили на все четыре стороны, выдав напоследок напутствие возвращаться еще. Первая часть моей задумки оказалась выполнена.

Обратный автобус даже не пришлось ждать. Он уже стоял на остановке. Я забрался внутрь и опустился на заднее сидение, туда, где перед этим ехала бабушка Дуся. Билет мне попался самый обычный, ни разу не счастливый. Сразу подумалось, что это точно к удаче.

В этот раз на мой билет никто не претендовал. Даже контролеры. Они, определенно, не водились на этом маршруте. До города я добирался в гордом одиночестве.

Ехал и думал, что давненько уже мне не доводилось путешествовать вот так, в пустом салоне. «Как фон-барон!» — вспомнилось одно из любимых выражений бабули. Как же много у нее их было. Почему никто не додумался записать?

Взять тот же «пердимонокль». В детстве это изумительное слово смешило меня до колик. А песенки? Заводные хулиганские мелодии времен НЭПа. В голове сам собой заиграл «Цыпленок жареный». Я без труда вспомнил и слова, и мотив.

Цыпленок жареный

Цыпленок пареный,

Пошел по улице гулять.

Его поймали, арестовали,

Велели паспорт показать.

В какой-то момент я поймал себя на том, что напеваю песню, пусть и не громко, вслух, и испуганно заозирался. К счастью, рядом по-прежнему никого не было.

За окном проносилась степь. Серебрились макушки ковыля. То там, то тут из травы вспархивали перепуганные птицы. Ярко светило солнце. Было спокойно и тихо. Не место, а чистый рай на земле.

Хотелось верить, что все то, что должно было скоро случиться, мне просто приснилось. Что не было никогда ночных кошмаров, не было сорока лет жизни с больной совестью, не было...

Тут я себя остановил. Было, Олег. Все было. Нельзя расслабляться. Нельзя ничег

забывать. Не сейчас. Когда-нибудь, когда это все закончится, а Ирка будет привычно на тебя дуться на заднем сидении в отцовской копейки по пути домой, ты сможешь выдохнуть и сказать себе, что все позади. А пока у тебя нет такого права.

Автобус, пыхтя и поскрипывая, вкатился в город. Народ начал потихоньку подтягиваться, занимать свободные места. Сначала меня немного подвинули. Потом еще немного. Потом еще. Возле рынка салон набился до отказа, и мне пришлось встать.

На следующей остановке я просто вышел, здраво рассудив, что нет смысла толкаться в такую жару в жуткой тесноте. Глупо стоять на одной ноге, держать подмышкой неудобную банку, рискуя ее уронить, и слушать краем уха чужую ругань, когда идти до дома всего ничего. Нет уж, это без меня.

На улице было куда лучше. С моря дул свежий ветер. Неровный, порывами. Но мне после душного автобуса нравился даже он. Из-за шторма на улицу выползло неожиданно много отдыхающих. Они слонялись без дела в надежде на нечаянные развлечения.

На другой стороне дороги, возле пивной мелькали пестрые юбки и платки. Цыганки вышли на промысел. Кто-то от них шарахался, кто-то доверчиво протягивал ладони. Все, как всегда. В моей голове цыпленок жареный моментально сменился другой мелодией:

Ежедневно меняется мода, но покуда стоит белый свет,
У цыганки со старой колодой хоть один да найдется клиент.
В ожиданьи чудес невозможных постучится хоть кто-нибудь к ней,
И раскинет она и разложит благородных своих королей.
Ну что сказать, ну что сказать, устроены так люди,
Желают знать, желают знать, желают знать что будет.

Интересно, уже спели эту песню здесь или еще нет? Кто бы мог подсказать. Я прибавил шаг. Новая встреча с ромалами в мои планы не входила. На этот раз повезло. Меня никто не окликнул, никто не попытался остановить.

Скоро я дошел до своей улицы, свернул во двор и столкнулся нос к носу с дядей Толей. Тот вел на поводке Юльку. Мне он обрадовался.

— А, Олег, вернулся уже?

Я обернулся и встал так, чтобы мою добычу не было видно. Пусть банка и обернута в непрозрачную бумагу. Пусть. Но по контурам все одно можно догадаться, что там внутри. Лишних вопросов мне не хотелось.

Юлька приветственно гавкнул и уселся между нами, старательно подметая хвостом асфальт. Пес тоже был мне рад.

— Да, спасибо, — поспешил ответить я, — вы мне очень помогли.

Жутко хотелось шмыгнуть в подъезд, но было неудобно. Человек обо мне беспокоился. Совести не хватило вести себя невежливо.

Дядя Толя словно видел все мои терзания насквозь. Он наклонил голову на бок и глянул с любопытством. Если что и заметил, вида не подал.

— Твои все ушли. — Сказал он. — Купаться нельзя, они решили по городу погулять.

Это была хорошая новость. Это значило, что мне никто не будет мешать, что я спокойно

смогу все сделать. Без лишних глаз, без лишних вопросов, без недоуменных взглядов. Чувствовать себя дураком я не любил никогда — ни в прошлом, ни сейчас. Да и кто любит? Но есть одно «но»! Ключ! Об этом я не подумал, когда уходил утром. Как теперь попасть домой? Проблема...

Я окинул взглядом фасад. Вверх по стене шла пожарная лестница. На вид совсем не старая. Прочная, надежная. Куда младше дома. Я прикинул количество окон и приуныл окончательно. Лестница оканчивалась как раз под окном закрытой комнаты. Даже если мне удастся попасть внутрь, дальше-то что? Сидеть там, вместе с этим...

Я содрогнулся, вспомнив жуткие объятия черной тени. Нет уж... Даже полная банка святой воды не заставит меня туда войти. И можно было считать это чем угодно: малодушием, осторожностью, банальной трусостью. Но все мое нутро противилось подобной мысли.

Сосед опять считал мое состояние:

— Родители велели тебе передать, что ключ оставили под ковриком.

Сейчас мне дядю Толю хотелось буквально расцеловать. Ключ! Под ковриком! Да это лучшая новость за последние сорок лет. На лицо сама собой напозла улыбка. Мужчина улыбнулся в ответ. Я бросил взгляд на Юльку — тот тоже улыбался.

— Беги уже, — сказал дядя Толя, — устал небось? А я тебя тут забалтываю. Вечером, если хочешь, выходи. Раков будем варить. И родителей с собой бери.

— Раков? Мы обязательно придем. Спасибо.

Вот это сюрприз. К ним бы еще пивка... Я сглотнул набежавшую слюну и подумал: «Ничего, пару лет я как-нибудь потерплю. А там будут мне и пиво, и водка и никотин. Без баб куда сложнее...»

Мой юный дурной организм моментально отозвался на последнюю мысль. Да так очевидно, что я позорно сбежал. Черт бы их побрал, эти гормоны. Как подростки вообще с ЭТИМ живут?

По лестнице практически взлетел. Остановился уже на пороге. Прислушался. За дверью царил тишина. Как и сказал дядя Толя, дома никого не было. Ключ нашелся под ковриком. Замок открылся без труда. И я прошел внутрь.

Скинул кеды, попросту наступив мыском на задник. Поймал в своей голове мыслишку: «Пока мать не видит. Иначе будет орать». И сам от этой мысли рассмеялся. Последние четыре десятка лет орать на меня было некому. Разве что Лельке, но на ее крики мне было плевать. И все равно я никогда не пытался снять обувь так, как сейчас. Все rispetтабельно, все в пределах приличий. Наверное, я стал слишком взрослым для этого. Сейчас же все получилось само.

Я сдвинул кеды ногой в сторону и в одних носках прошел на кухню. Банку надо было распаковать.

На столе лежала записка: «Олег, суп в кастрюле на плите. В холодильнике сырники. Поешь и ложись спать. Мама».

Сырники — это прекрасно. Суп — еще лучше. В животе у меня заурчало. Я с трудом подавил желание съесть все и прямо сейчас. Сперва нужно было разобраться с делами. А

уже потом баловать себя мамиными деликатесами.

Для начала я решил прочитать молитву. По бумажке. Досконально изучить содержимое, так сказать. Стыдно признаться, но в прошлой жизни я уделял подобным вещам слишком мало времени. А в настоящем, где оказался сейчас, не интересовался ими вовсе.

Итак, «Отче наш, Иже еси на небесех...»

В принципе, все понятно. Часть слов приходится угадывать, но общий смысл ясен. Надо закрепить еще разок и можно приступать. Главное, чтобы отец с матерью не вернулись. Сложно будет объяснить, от чего вдруг их ребенок, честный комсомолец, сын истинного коммуниста, стоит под закрытой дверью с банкой воды и молитвой в руках.

Так и к врачу свезут из лучших побуждений. К мозгоправу. А мне этого, честное слово, категорически не хочется. Я сюда вернулся жить, а не в закрытой больничке бока пролеживать.

И святая вода... Как ее из банки расплескивать? Не из горла же лить на дверь? Я попытался просунуть внутрь банки ладонь, чтобы зачерпнуть, но не смог. Лапищей меня предки наградили будьте нате. Пришлось срочно шарить по шкафам в поисках подходящей посуды. Лучше всего подошел эмалированный ковш на длинной ручке. «Обливной», как говорила бабуля.

Туда я вылил половину воды. Вторую половину оставил для нашей с Ирккой комнаты. Уж очень хотелось спокойно спать. Чтобы не вздрагивать от каждого шороха. Чтобы не ждать появления ночных кошмаров.

К двери я приблизился во всеоружии. И только там понял, что совершенно не помню, что надо делать. А еще мне катастрофически не хватало третьей руки. Я стоял, как дурак, у логова врага и тупо пялился на записку, перечитывая раз за разом: «Не входить!!!»

В одной руке у меня был ковш. В другой — молитва. А брызгать-то как? Ртом нельзя, им я буду слова говорить.

То, что я про себя тогда подумал, в приличном обществе совершенно неприлично произносить вслух. Потом перевел дух и подумал все это по второму разу с вариациями. После уполз на кухню, оставил все свои сокровища на столе и вернулся с табуретом. Так-то лучше. Его я установил по центру.

Дальше было проще. Принесенный ковш встал на табурет, ручкой к двери, чтобы случайно не зацепить ногой. Лист я взял в левую руку. Старательно перекрестился и принялся читать. Сначала сбивчиво, потом с выражением, а после и вовсе вошел во вкус. Слова из меня полились сами собой. На сердце как-то разом стало спокойнее.

Глава 10. Ирки и Юлька

Молитву я прочитал три раза. Трижды обрызгал дверь, порог, пол. Старательно окропил притолоку. Немного подумал и для пущего эффекта добавил святой воды потолок и стены — на метр от запретной комнаты.

Чего я ожидал от этой процедуры? Каких-то спецэффектов? Бунта темных сил? Не знаю. Ничего такого не случилось.

Было подозрительно тихо. Ни шума, ни скрипа, ни вздоха. Ничего. Даже темный дымок из-под двери не просочился. И я, слегка разочарованный, пошел в нашу с Ирккой комнату. Дело надо довести до конца.

Листок мне больше был не нужен, а потому отправился в карман. В процессе изгнания бесов, молитва сама-собой выучилась наизусть. Я шел по кругу, щедро обрызгивая все

подряд и беспрестанно повторял: «Отче наш, Иже еси на небесех...» Чем дальше, тем больше чувствовал себя идиотом. Первый запал прошел, страх тоже испарился, зато осталось чувство безграничного изумления. Поражало все: я сам, мои поступки, то, что меня окружало.

Хуже всего было то, что я не видел никакой альтернативы. Ну не было у меня других вариантов! Как? Как прикажете бороться с тем, во что я еще три дня назад не верил в принципе. С тем, чего вообще не должно существовать. С тем, что противоречит здравому смыслу?

Голос разума сдавленно пискнул: «Может это все глюки?» Глюки... Ха! Это было бы проще всего. Только я точно знал — ничего мне не почудилось. Все было. Здесь. Со мной. И не только со мной. Ирка тоже видела это во сне. Видела и плакала. По ее щекам бежали слезы. Это меня она просила о помощи.

— Я не хочу, чтобы он на меня смотрел!

Слова Иринки набатом звучали в ушах.

Обошел по кругу всю квартиру. Честно. Старательно. Три раза. К концу был весь мокрый, словно случайно попал под душ. Зато мог честно сказать — я сделал все, что от меня зависело. Даже если это не поможет, даже если все было бессмысленно — я довел дело до конца.

Воды у меня осталось чуть больше четверти банки. Не выливать же? Я поразмыслил, окропил ею холодильник изнутри, остатком тщательно умылся и вытер лицо маминым фартуком. Дурь? Да. Согласен. Но хуже точно не будет. А после с чувством глубочайшего удовлетворения пообедал и отправился спать.

Разбудили меня в пять. Погладили по голове, взъерошили волосы, ласково чмокнули в щеку. Я приоткрыл глаза — мама... Моя мама. Перехватил ее пальцы, повернулся и улегся щекой на ее ладонь. Это было то, о чем я совсем недавно и помыслить не мог.

— Мама, — прошептал я тихо-тихо, — как хорошо, что ты здесь.

И тут заметил — она смотрела немного странно. Не с укором, нет. Скорее с тревогой. Сердце забилось в испуге.

— Мам, что-то случилось?

В ответ пожимание плеч. Растерянное, удивленное.

— Олег, — спросила она после паузы, — что здесь произошло?

Я отпустил ее руку и сел, пытаюсь понять, о чем речь.

— Ты о чем?

— Откуда в коридоре лужа? И обои возле двери мокрые. Возле той, что заперта.

Твою ж мать! Вот debil! На радостях я совсем об этом не подумал. Там все так щедро полито святой водой. Почти пол-литра ушло. Конечно, за это время ничего не успело высохнуть. И что теперь сказать? Что придумать?

— Олег, — мать начинала сердиться, — я жду объяснения.

Щеки мои неожиданно залились красным румянцем, уши запылали. Я тут же прижал к лицу прохладные ладони. Горит, зараза. Неужели в детстве так всегда было? Удивительно, но я совсем этого не помнил. Неприятное ощущение. А тут еще и матери отвечать надо. Как с Лелькой не отбрешишься, не прокатит. И я опрометчиво выпалил первое, что пришло в

голову:

— Прости, мам, я думал само высохнет.

Ответ мой ее ожидаемо возмутил:

— Само? Что еще за новости? Ты воду там налил для чего?

И тут на меня накатило вдохновение, совсем, как это бывало в прошлом. Я принялся врать самым наглым образом, глядя на мать честнейшими глазами:

— Да я не специально. Просто, спать очень хотелось. Уже почти лег, и вдруг подумал, что только поел, а значит, точно захочу пить. Пошел за водой...

Мать не выдержала, договорить мне не дала:

— Я понимаю, — сказала она, с трудом сдерживая раздражение, — ты захотел пить. Понимаю, решил взять воды. Вылил ее зачем?

Артист во мне развернулся на полную катушку. Я даже забыл об этом своем таланте. Взревел обиженно, едва не плача:

— Да голова у меня закружилась. Понимаешь? Не нарочно я. Даже толком не понял, как вышло и куда плеснул.

Сказал и напрягся — вдруг мать начнет выяснять, куда это подевался стакан? С чего вдруг испарился чудесным образом? Что тогда говорить? Отнес на кухню? Передумал? Но почему тогда пол не подтер? Ноги не держали? Тогда чего шлындра туда-сюда-обратно? Вот, блин, влип.

Но пронесло. В матери включилась другая ипостась — тревожная наседка. Она встрепенулась, силой уложила меня в постель и принялась кудахтать, мимоходом щупая мне лоб и пытаясь проверить пульс.

И еще не известно, какая из ипостасей была хуже. Сейчас как запретят вставать. Тьфу, нашел приключение на свою голову! И не сделаешь ничего. Пока. Мне оставалось только изображать страдальца и отвечать на вопросы.

— А сейчас? — тревожно вопрошала мама. — Кружится?

— Откуда я знаю? Лежу же...

— Нигде не болит? Слабость? Вялость? Тошнота?

Я пытался отмахнуться от ее рук. Не слишком, впрочем, успешно. С мамой состязаться сложно.

— Да ничего у меня не болит, и слабости нет. Спать я хотел, вот и все...

Все, ага, как бы ни так!

— Рот открой! — приказала она.

Я машинально открыл. Только потом подумал, причем тут рот? Но сразу понял — мать подозрительно принюхалась. И стало совсем обидно. Она что, считает, что я надрался где-то в городе? Или мужики во дворе чего рассказали? Блин, блин, блин... Ругнуться хотелось куда хлеще, но при матери отчего-то даже подумать матом было стыдно. Дома у нас никто никогда не ругался. Я возмутился:

— Да ты что? Считаешь, что я пил? Мам!

Теперь мои глаза стали обиженными без всякой игры.

Она поспешно отодвинулась, уселась на край кровати, сложила руки на коленях. Панцирная сетка трагически заскрипела. На двоих она рассчитана не была.

— Ну, извини, должна же я понять, что с тобой приключилось.

Я взял ее руки в свои ладони, сжал не сильно, с любовью, и поспешил успокоить:

— Да просто перегрелся немного, наверное. И спал очень мало. Сначала зачитался, а

потом никак не мог уснуть. Уже все прошло. Все хорошо.

Она почему-то поверила и сразу успокоилась. Посмотрела на меня внимательно и сказала так, что сердце мое сжалось от нежности:

— Ты только не молчи, Олеженька, я же волнуюсь. Вдруг с вами что? Ты лучше расскажи, если вдруг... Ты же знаешь, как я вас люблю.

Знаю, мама, знаю. Потому и не смог понять, что случилось с тобой после гибели Иры. Почему ты стала такой чужой? Поэтому и страдал все сорок лет. Поэтому... Вслух я это говорить не стал. Сказал совсем другое:

— Не волнуйся, я обязательно тебе все расскажу.

Это была откровенная ложь, но мать повеселела. Ее мои слова успокоили. Она высвободила свои ладони, ласково стукнула меня пальцем по кончику носа и сказала:

— Тогда вставай. Я купила свежий кефир. Сейчас нажарю оладушков, как ты любишь. А еще тетя Нина дала нам клубничного варенья.

— Тетя Нина? — Не понял я.

Мама улыбнулась.

— Еще не знаком? Соседка наша. Мама Иринкиной подруги, жена дяди Толи. Вставай, только не спеши. А вечером они пригласили нас на раков...

Она ушла. Вставать я не спешил. Повалился еще в кровати, глядя в потолок и пытаюсь вспомнить, когда последний раз удавалось вот так спокойно, в свое удовольствие полежать. Получалось, что давненько. Лет тридцать назад. Эта мысль вызвала у меня нервный смешок. Потом все как-то само собой перестроилось на лирический лад.

Удивительно, но люди, живущие здесь, в этом забытом богом 1978, даже не подозревают, насколько они счастливы. Их жизнь течет размеренно и неспешно. Мне, обитателю сумасшедшего мегаполиса и не менее сумасшедшего двадцать первого века, эта неспешность доставляла истинный кайф.

Никто никуда не бежал. Вечером собирались во дворе и болтали по душам. Жили и радовались жизни. Сейчас... Я подавился этим «Сейчас» и тут же сменил его на «Тогда». Тогда, в моем прошлом, через сорок лет, люди забыли, что можно просто жить. Не рвать жопу в погоне за очередным не слишком нужным благом, не тешить понты, а просто жить.

Сразу стало немного грустно. Я потянулся от души, до хруста, до дрожи, встал, влез в домашние треники с пузырями на коленях, надел майку, которую чуть позже обзовут, алкоголичкой. Посмотрел на себя, жизнерадостно заржал, пытаюсь рукой заткнуть рот, чтобы не переполошить мать.

И принялся переодеваться. Надо было идти во двор по самой что ни на есть насущной нужде. А выйти вот так, как сейчас, вариант бомж-стайл, мне не позволяли привычки. Слишком долго в меня вбивали понятия этикета. Думаю, местные мужики моих метаний бы попросту не уразумели.

Мать шуршала у плиты. Скворчала сковорода. На столе аппетитной горкой лежали оладушки. Рядом в красивой стеклянной розетке (где только мать такую откопала?) —

варенье с маленькими целыми ягодами клубники. Аромат во все стороны растекался восхитительный. Я едва не захлебнулся слюной. Потянул руку к блюду и тут же отдернул.

Мама, не поворачивая головы, сказала, словно почувяла:

— Сперва вымой руки, а потом садись есть.

Жутко захотелось схохмить: «Есть, мэм!». Так я обычно отвечал Лельке, когда она начинала раздавать указания. С трудом сдержался и ответил так, как положено нормальному советскому парню:

— Хорошо, мам, сейчас.

Руки вымыл старательно, удивляясь самому себе. Потом так же старательно их вытер, взял чистую тарелку и сел.

— Тебе чай или молоко?

Сразу подумалось, жаль, что нет кофе. Сейчас бы чашечку латте. Я отогнал от себя воспоминания. Ничего не поделать, придется отвыкать.

— Чай, если можно.

Мать удивилась.

— А с чего бы вдруг нельзя? Можно, конечно.

Вот черт, снова ответил не так. В детстве я так точно не говорил. Надо внимательнее следить за словами. Положил в тарелку оладьи, полил сверху вареньем, отправил в рот завлекательную ягоду и спросил:

— А отец с Ирой где?

— Отец у соседей, они там с раками колдуют. Толя сказал, что это чисто мужское дело, женщин к нему допускать нельзя. Девчонки во дворе с собакой. Ты ешь, не переживай. Мы в городе пообедали. А оладьи я им на улицу вынесу, когда пойдем. Иришки там так сдружились, не разгонишь.

На улице было непривычно тихо. Словно и не день. Словно и не город. Тишина лилась в душу, точно бальзам. Фантастически пахло морем. Ирки увлеченно дрессировали Юльку. Дядя Толя наблюдал за этим из окна. Я прислонился спиной к косяку подъездной двери и тоже принялся смотреть.

Самое начало я пропустил. Пес был уложен посреди двора на брюхо. Голова на асфальте. Глаза несчастные-несчастные, разве что не плачет. Дядя Толя скомандовал. Сначала псу:

— Цезарь, замри!

Потом дочке:

— Ир, давай!

Под восхищенным взглядом Ирки нашей Ирка рыжая пристроила на черный кожаный нос карамельку и отошла в сторону.

— Цезарь, нельзя! — Выдал новую команду дядя Толя.

Юлька скосил глаза, уставился на конфету. Потом не выдержал, обреченно вздохнул и глаза закрыл. На его морде возникло непередаваемое выражение. То, что он думал о девчонках на своем собачьем языке, вслух произносить было нельзя.

Ирки замерли чуть в сторонке, боясь дышать от восторга.

Я принялся мысленно считать. Стало любопытно, как долго выдержит пес? Когда

сдадут его собачьи нервы? Юлька был стойким, как кремень. Первой сдалась наша Ирка. На ста двадцати семи.

— Дядя Толя, — выпалила она скороговоркой, — пусть Цезарь скушает конфетку. Жалко его!

Юлька тут же распахнул глаза, свел бровки домиком и попытался скосить взгляд на хозяина. Весь его вид кричал: «Спасите! Помогите! Умираю!» При этом он, как и велено, не шевелился.

Сосед рассмеялся:

— Ну что с вами делать? Весь процесс воспитания мне нарушаете.

Потом обратился к псу:

— Юлька, можно!

Я смотрел во все глаза, но так и не заметил, как это произошло. Пес стремительно поднялся, конфету с носа при этом умудрился не уронить, мотнул головой, клацнул зубами, зачавкал. Все! Во дворе сидел пес, с наиехиднейшей мордой и со вкусом облизывался. Ирки прыгали от восторга и хлопали в ладоши.

Финита ля комедия, проговорил я себе под нос. Собрался уже идти к ним, но снова остановился.

— Дядя Толя, — закричала моя сестра, — а можно мне? Можно я тоже попробую?

Юлька замер. Голову к хозяину он не поворачивал. Только уши вывернул назад, чтобы слышать лучше. У него наклевывалась еще одна конфета. Пока гипотетическая, но все же...

— Уверена? — со смехом спросил сосед.

— Да! — раздалось в ответ хором.

Юлька тут же сам, без команды, лег на пузо. Уложил на асфальт голову и принялся ждть. Конфета из призрачной стала практически осязаемой. Собственной, родной. Только на язык положить не успели.

— Вот же засранец, — констатировал сосед с восхищением, — все понимает. Даже командовать не надо.

Он скрылся где-то в недрах квартиры, но скоро вернулся обратно. В руке его была новая карамелька.

— Ира, держи!

Сестренка вприпрыжку понеслась к окну, получила заветную конфету и вернулась обратно. Скоро все повторилось вновь.

Команда: «Цезарь, нельзя!» И я опять принялся считать.

На этот раз Ирка не спешила. «Можно» дядя Толя сказал на двух сотнях.

— Толь, дальше-то что?

В окне появился мой отец, наряженный в кухонный фартук. В одной руке у него была ложка, в другой шумовка. С таким снаряжением от отчего-то походил на дирижера. Я невольно прыснул. Совершенно не помню отца за готовкой. На кухне у нас безраздельно властвовала маман. Папу туда допускали исключительно в качестве дегустатора. Ну, или чайник поставить, посуду помыть. Вот и все. Готовить ни-ни. А здесь...

Отец был раскрасневшийся, глаза горели азартом. Там, за соседским окном вершилось великое таинство — варились вожделенные раки.

— Закипело? — Дядя Толя нырнул внутрь и пропал из вида.

Следом исчез отец. Юлька вздохнул и улегся под кустом. Конфетный дождь над его гениальной собачьей головой иссяк. Ирки унеслись в глубь двора играть в свои девчоночьи игры.

Из подъезда, отодвинув меня с пути, вышла рыжеволосая женщина с большим подносом в руках. Там лежали хлеб, нож, внушительный пучок зелени, четыре огромных розовых помидора, похожих на знаменитое «бычье сердце», блюдец с наструганным лимончиком. Стопкой стояли эмалированные миски.

— Ты Олег? — Спросила она и улыбнулась. На щеках у нее появились ямочки.

Сразу стало понятно, в кого пошла дяди Толина дочка. Копия мать! Никаких сомнений.

— Угу, — я для убедительности кивнул. — А вы тетя Нина?

— Точно. — Она протянула мне поднос, и я машинально его перехватил. — Будем знакомы.

Соседка кивнула на оббитый жестью стол.

— Поставь туда. Потом иди к окну. Пора накрывать.

Я быстро оттащил поднос и вернулся. Все остальное мне подавали через окно. Очень скоро на столе появилась выдавшая виды разделочная доска, когда-то расписанная с изнанки под хохлому и покрытая лаком, сейчас основательно потрепанная. Такая много лет висела у нас в кухне на стене в качестве украшения. Потом граненые стаканы, заварник, монструозного вида самовар, две трехлитровки светлого пива, здоровенная бутылка домашнего вина, ровно столько же самогона и куча всякого-разного по мелочам.

Тетя Нина вновь вышла из дома и принялась расставлять все в порядке, известном лишь женщинам, как говорила Лелька — строго по фэншую. Следом подтянулась моя мать с оладьями и банкой варенья. Она окликнула Ирок:

— Девочки! Быстренько мойте руки и идите есть оладушки.

Слаженный дуэт с хохотом пронесся к пристройке.

Глава 11. Отражение

Я тихонько присел на лавку между домом и столом, облокотился спиной о стену и принялся ждать. Небо стремительно темнело. В самый центр выплыла ущербная луна и уставилась на нас немигающим взглядом. Одна за другой зажигались звезды. Яркие, огромные, какие бывают только в южных широтах. Было безумно хорошо. Тихо, спокойно. Пели цикады.

Я сидел и думал, в какое счастливое время прошло мое детство. Какие чудесные люди меня окружали. Вот взять хотя бы дядю Толю и его жену, кто мы им? Да никто! А вот подика ж ты... стол, раки, самовар, даже домашнее вино.

Во дворе зажглись фонари. Звезды слегка померкли. Фонари были желтые, тусклые. Заглушить сияние далеких светил они не могли. В ладонь мне ткнулось что-то прохладное, влажное. Я опустил глаза. Рядом никем незамеченный пристроился тезка древнеримского полководца.

Заметив мое внимание, он просунул голову мне на колени и показал взглядом на стол. Все стало понятно без слов. Я протянул руку, тихонько спер один оладушек и положил в предусмотрительно распахнутую пасть. Угощение моментально кануло в бездну. Слово и не было его никогда.

Я усмехнулся и потянулся за новой порцией. Тетя Нина застучала нас на седьмом.

Юлька был обруган паразитом, мне достался почетный титул — охламон. Хомо собакус снова шмыгнул под куст и сделал вид, что лежит там испокон веков. Вон, практически уже пустил корни. Правда-правда! На меня он не глядел.

Я же от разноса был спасен появлением девчонок.

Чуть позже, когда уже позабылось наше с Юлькой преступление, отец с соседом вынесли раков. Нет, не так. Они вынесли РАКОВ! Такой здоровенный алюминиевый таз. С горкой.

На столе споро расчистили место — просто сдвинули в сторону все, что мешало. Раковую пирамиду водрузили в центр.

— Вот, — сказал дядя Толя, — угощайтесь.

Мать ошарашенно вытаращила глаза. Боюсь, такую прорву подобной экзотики она видела впервые. Ирка принялась и скривилась. Стало ясно, на свою порцию она не претендует. Я же судорожно сглатывал слюну и пытался вспомнить — положено мне знать, как данный деликатес едят? Или еще нет? В каком году я попробовал их впервые?

В памяти на этот счет зияла огромная черная дыра. Я с сожалением вздохнул и решил повременить. И так постоянно делаю что-то не то. Ну его. Мои раки никуда от меня не денутся. Вон их сколько.

Под руку снова подсунулась мохнатая бошка. Я чуть отодвинулся и глянул вниз. Юлька сидел рядом, смотрел на меня преданными глазами. Весь вид его говорил, что он со мной дружит. Вот честно-честно! А если я ему отсыплю раков, то вообще начнет обожать.

Я сдавленно хрюкнул. Этот хитрец точно знал, кто не сможет ему отказать. И я бы дал ему, что угодно, но кто знает, едят псы такое или нет. Навредить не хотелось. Потому решил уточнить:

— Тетя Нина, а Юльке раков можно?

Она понимающе улыбнулась.

— Опять клянчит?

Я кивнул. Соседка стала серьезной.

— Нельзя. Он от них потом... эээ... — она замаялась и заменила на нейтральное, — он на них очень плохо реагирует.

Дядя Толя хохотнул и высказался куда конкретнее:

— Несварение у него от них. Как наестся, так пару дней и...

Он хмыкнул, позволяя всем додумать самостоятельно, чем пес обычно занят после дегустации. Я тоже хмыкнул и посмотрел на Юльку с сочувствием.

— Нельзя, — прошептал я ему, — у тебя от этой дряни дристуец. Лучше я тебе оладушек дам, когда все отвлекутся.

Юлька тихонько твякнул и улегся рядом, положив лапы мне на кеды, чтобы я, не дай Бог, ненароком не забыл о своем обещании.

Мать раздала всем миски. Батя разлил по бокалам пивас. Мне налили чай, строго согласно возрасту. Дядя Толя окинул взглядом стол, укоризненно глянул на супружницу и сгонял домой за рюмками.

Очень скоро оживленная компания чокнулась, кто самогоном, кто вином, и выпила за знакомство. Один я, как форменный идиот, прихлебывал чаек. Нет, не один, в компании

двух Ирок. Но, что поделывать. Когда-нибудь и на моей улице просыпнется грузовик с пряниками. Или, если точнее, забьет фонтан водяры. Вот тогда...

Я сглотнул и цапнул из таза рака. Самого крупного, какого мог найти. Фиг с вами, раков я могу и под чай.

За первым раком пошел второй, потом третий, потом... Шкурки заполняли миску. Предки захлеб травили байки. Я их почти не слушал, сначала тихонько скормил псу еще оладий, потрепал лобастую голову, а после как-то незаметно ушел в свои мысли. Очнулся, когда услышал изумленное:

— Олег! Ну я же просила!

Юлька у моих ног смачно дохрустывал рачьим панцирем.

— Все, паразит, — сказал дядя Толя, глядя на пса с умилением, — сегодня ты ночуешь в гараже. Бегать с тобой всю ночь на улицу я не нанимался.

Юлька радостно гавкнул. Встал на задние лапы, схватил со стола еще одного рака и умчался в голубую даль.

— Вот же засранец, — счастливо изрек сосед, — стоит один раз не сказать нельзя...

Я улыбнулся и предложил:

— А вы сейчас скажите.

Дядя Толя махнул рукой:

— Хрен с ним, пусть лопают. Все одно уже поздно.

Он налил себе еще рюмахи и опрокинул без закуси. А я с удивлением понял, что сосед порядком набрался. Когда только успел? Мои мысли тотчас же подтвердились:

— А хочешь пивка? — милостиво предложил он мне.

Я покосился на отца, не зная, что ответить.

— Толя! — Тут же взбеленилась мать. — Ты с ума сошел? Он же совсем мальчик!

— Пусть нальет! — подал голос отец. Какой он тебе мальчик? Смотри! Настоящий мужик вырос! Пора уже взростеть!

Мать замолчала и глянула на них с укоризной. А я отметил, что отец тоже хорош. Под шумок мне набулькали целый, стакан вручили рака. Себе плеснули еще браги, чокнулись, изрекли нетленное:

— Вздогнули!

Я с удовольствием присоединился. И... мой организм реально вздрогнул. Пиво было крепким. А это тело пробовало его первый раз. Зато рак под него пошел, как по маслу. К концу стакана в голове приятно шумело, мысли приобрели лирическое направление. Даже Вика почти не казалась дрянью. Я бы с этой дрянью был весьма не прочь прогуляться при луне.

— После первой и второй промежутки небольшой! — Слаженным хором выдали мужики.

Я получил второй стакан, а мать надулась всерьез. Правда, на кого конкретно, никто не понял. С женщинами всегда сложно в этом плане — сплошные намеки. А настоящие мачо намеков не понимают. На третьем стакане она взорвалась и жажнула банкой об асфальт. Мужики притихли. А я решил не дразнить гусей и отодвинул нетронутое пиво в сторонку. Хорошего помаленьку.

— Олег! — Тон матери был ледяным. — Живо домой! Иринке пора спать. Тебе, — она уставилась на меня в упор, — тоже. А мне очень надо поговорить с твоим отцом!

Прозвучало это угрожающе. Правда, батя угрозы не понял. Настроение у него было счастливо-благодарное.

— Ну, Наденька...

Он улыбался от уха до уха.

— Саш, лучше молчи. — Дядя Толя уловил тон матери куда быстрее.

Ирка ткнула свою лапку мне в ладонь. Я встал, отчего-то опираясь на стол, пожелал бате удачи, и двинулся к подъезду. Хм... Ну как двинулся, скорее поплыл, выписывая в пространстве затейливые зигзаги. Ноги не держали. В голове приятно шумело. В теле образовалась неземная слабость. Из чего они только варят это пиво? С двух стаканов так развезло. То ли дело раньше...

До подъезда доковылял с трудом, благо Ирка помогла. Там выпустил ее ладонь и пошкандыбал вверх, одной рукой держась за перила, другой за стену и мысленно проклиная чертову лестницу. Уже на втором этаже вдруг понял, что забыл сходить в пристройку, но возвращаться не стал. Этот подвиг был мне не по зубам. И потом, всегда есть альтернативный вариант.

От этой мысли я гнусно хихикнул и тут же словил укоряющий Иркин взгляд. «Вся в мать!» — пронеслось в голове. «Нет, — поправил мудрый дядька из прошлой жизни, — все бабы одинаковы. Все они дочери Евы». На этой ноте мы с сестрой и зашли в квартиру. Было темно. Здесь вообще с закатом наступала несусветная темень.

Ирка тут же оставила меня одного и упрыгала в гостиную к телеку. В дверном проеме зажегся свет. Проник в коридор, рассеялся, превратил тьму в интимные сумерки. Я какое-то время еще стоял у стены, пытаюсь собрать мозги в кучу, после обернулся к большому зеркалу, висящему на стене, хотел изречь нечто важное, мудрое. Даже поднял вверх палец. Да так и замер.

Что я там ожидал увидеть? Ясное дело, свое родное отражение да кусок коридора. А что еще может увидеть в зеркале человек? Там ничего этого не было.

За стеклом начиналась зияющая пустота. Темная, неживая. В пустоте недвижимо зависла черная тень — мужской силуэт, фантом заключенный в зазеркалье. Тень эта смотрела на меня в упор. Хищно, пристально. Я не видел ее глаз, но жуткий взгляд ощущал всей кожей, каждой клеточкой своего организма. Волосы моментально встали дыбом. По спине пробежал предательский холод. Из головы моментом выветрился хмель. Сознание стало кристально-ясным.

Наверное, я вскрикнул. Не помню. Только Ирка вдруг показалась в дверях и встревоженно спросила:

— Олежка, что случилось?

Совсем как мама.

Мне хотелось ткнуть в зеркало пальцем и прокричать: «Смотри! Смотри, кто там!» Но я лишь покачал головой.

— Ничего, все хорошо, Ириш, я нечаянно.

Пугать сестренку не хотелось.

Ирка беззлобно пробурчала:

— Нечаянно, сперва напьются, а потом... — махнула рукой и ушла.

Это тоже были слова матери.

Я, крепко жжал губы и, содрогаясь от ужаса, вновь бросил взгляд на жуткое стекло. Тень никуда не делась. Была на месте, даже не пыталась спрятаться. Она словно чего-то ждала от меня. Вот только чего?

Возможно, если бы в моей крови не бурлило пиво, я бы сдрейфил и просто сбежал на кухню. Но давно известно, что алкоголь — лучший эликсир храбрости. Я сделал шаг к зеркалу и шепотом спросил:

— Чего ты от меня хочешь? Что тебе надо?

Фантом качнулся навстречу, протянул призрачные руки, уперся в стекло. По поверхности зеркала пробежали голубые искры. От неожиданности я отпрянул назад, потерял равновесие и едва не завалился на спину. Призрак долбился изнутри, пытаясь вырваться наружу. А я стоял, привалившись к стене, смотрел на эту чертовщину и думал: «Как хорошо, что я основательно полил здесь все святой водой. Какие удачные мысли иногда приходят в голову».

Призрак впечатался в стекло последний раз и вновь завис в глубине зазеркалья. Я же повторил вопрос:

— Что тебе от меня надо?

Показалось, что он вздохнул. По волосам пробежал холодок, а после исчез. Просто растаял в глубине стекла черной дымкой. Напоследок я услышал его шепот: «Ничего. От тебя ничего!»

Ничего, так ничего. А пристал-то тогда зачем? Это я вслух произносить не стал. Для кого? Только Ирку пугать. На ватных ногах добрался до кухни, запалил свет, поставил чайник, грузно бухнулся на табурет.

Чувствовал я сейчас себя так, словно ко мне вернулись все те сорок лет, что остались в прошлой жизни. Весьма хреново в общем. И я решил, что ну его нафиг это пиво, лучше совсем не пить, а то потом чудится всякая нечисть.

Только здравый смысл упорно подсказывал, что алкоголь здесь не при чем. Я и раньше, на трезвую голову, видел эту пакость. Внезапно в памяти всплыли слова гадалки: «Пожалеешь! Сто раз пожалеешь. На сто первый с жизнью простишься. Сорок лет будешь помнить-вспоминать. Себя корить-ругать. Меня звать. Боженьку звать. Никто не придет, не спасет! Тень накроет-унесет! Страшная судьбинушка тебя ждет!»

— Никто не придет, не спасет... — шепотом проговорил я, глядя перед собой невидящими глазами. — Страшная судьбинушка... Тень! Она говорила про тень!

— Олег!

Голос Ирки прозвучал прямо над ухом. Я вздрогнул и очнулся. Сестра стояла подбоченься. От этого она еще больше стала похоже на мать.

— Что, Ириш?

— У тебя чайник закипел! Ты что, уснул?

Я бросил взгляд на плиту — огонь погашен, чайник пыхает белыми облачками. Стало неловко:

— Прости, задумался.

— Задумался он, — фыркнула Ирка и ушла.

Я налил себе чай. Потом подумал, залез в холодильник, нашел сыр, отрезал пару

ломтей. В хлебнице обнаружилась одинокая горбушка белого. Удивительно, но за день никто не купил хлеба. Похоже, пребывание на югах расслабляет даже мать. Я забрал последнее и закрыл крышку. На нервяке жутко хотелось есть.

На улице было тихо. Никто не ругался. Странно. То ли мать с отцом помирились, то ли окончательно рассорились. Кто знает? Я чувствовал себя немного виноватым. Вот нахрена мне сдалось это пиво? Мог бы просто отказаться. Знал же, чем все закончится! Знал, а удержаться не смог. Закурить бы еще...

Я украдкой оглянулся. На холодильнике лежали отцовские сигареты. У плиты коробок спичек. Может, одну? Только пару раз затянусь. Только...

Ну уж нет. Хватит на сегодня. Это тело никогда не курило. Вон как его с пива развезло. А от табака что будет? Я усмехнулся и сам себе ответил: «Известное дело, что! Ирка тогда точно заложит. Нахрен такие удовольствия. Не хватало с родными вдрызг разругаться. Есть дела и поважнее».

Я откусил от бутерброда знатный шматок и глотнул чая. И того, и другого хватило ненадолго. Голод слегка утих. Нервишки успокоились. Добавки брать я уже не стал. Украдкой осквернил раковину, вымыл руки и пошел загонять Ирку спать.

Снотворное из местного пива вышло превосходное. Дрыхнул я без задних ног, и ни что меня не тревожило. Не было слышно, как пришли родители. Не беспокоили мысли о призраках, зеркалах, цыганах и святой воде. Не снились сны. Я просто спал.

Проснулся бодрый, отдохнувший и почти счастливый. На улице было светло. В окно било солнце. Сквозь тонкую шпору угадывались темные кроны деревьев. На улице кто-то оживленно спорил. Ирка тихонько посапывала во сне.

Я осторожно, стараясь не скрипнуть сеткой, поднялся и выглянул наружу. Внизу стояли трое: незнакомый мужчина в милицейской форме с планшеткой в руках, дядя Толя, облаченный в тапки, треники и рубашку навывпуск, и унылый мужичонка весьма потрепанного вида. У ног последнего восседал серьезный Юлька. Разговаривали первые двое. Мент спрашивал и записывал, сосед отвечал. Мужичонка то качал в такт словам головой, то молча бил себя кулаком в грудь. Молча. Пес следил за каждым его движением, не отводя глаз, и порывивал для острастки.

Стало жутко любопытно — что там такого случилось? Я прихватил свои шмотки, спешно оделся на кухне, плеснул в лицо водой и вышел из дома. Все равно нужно было в пристройку. Вчерашнее пиво искало дырочку — активно просилось наружу.

Пока дошел до низу, осознал, что начать стоит с пристройки. Пиво ждать не будет, а люди вполне подождут. Нетерпеливыми оказались и те, и другие. Когда я вышел из сортира, во дворе остался лишь сосед. Юлька азартно шарился по кустам. Остальные растворились в неизвестности.

Дядя Толя меня заметил. Вид у него сразу стал немного виноватый.

— Олег, — окликнул он, — доброе утро. Ты как?

Мне тоже было слегка неловко, и я поспешил успокоить:

— Нормально. А что тут у вас случилось?

Сосед глянул пса, усмехнулся и сказал загадочно:

— Да Юлька у нас отличился. Пойдем, покажу.

Он свистнул собаку и поманил меня в сторону гаражей. Прямо скажем, заинтриговал донельзя.

Соседское хозяйство определялось сразу — калитка в одной из гаражных створок была открыта нараспашку. Юлька тут же улегся рядом, поперек дороги.

— Идем, — дядя Толя переступил через пса и юркнул внутрь.

Я заходить не стал, только заглянул. Под потолком на проводе висела зажженная лампочка Ильича. Вдоль стен тянулись стеллажи. У входа на гвозде притулилась спецовка. Все, как и везде, ничего особенного. У отца было примерно также. Единственное отличие — рыболовные снасти. Их было много. Но я даже не пытался угадать, что и для чего нужно.

Глава 12. Мороженое за 7 копеек

Дядя Толя подошел к машине, зачем-то открыл заднюю дверь и с гордостью изрек:

— Наш Цезарь сегодня грабителя поймал!

Юлька тут же понял, что речь идет о нем, гавкнул, просквозил внутрь, по-хозяйски забрался в жигули и развалился на заднем сидении. Сосед потрепал его по холке.

— Я, когда оставляю пса ночевать здесь, гараж не закрываю, — пояснил он, — чтобы Юлька мог спокойно выходить. И машину не закрываю тоже. Стоит себе с открытой дверцей.

Мне стало любопытно. А дядя Толя продолжил:

— Наши все об этом уже знают. Никто не полезет. И так-то не лезут, не принято это у нас. А когда Юлька внутри, то дураков вообще нет. Ты не смотри, что он такой охламон. Цезарь — настоящая служебная собака. Его специально учили охранять.

Пес с заднего сидения поддакнул. Громко, уверенно. Я решил его поддержать:

— Да я и не сомневался. Видел вчера, как девчонки с конфетой развлекались. Уникальный пес.

Дядя Толя расплылся в довольной улыбке. А Юлька поразмыслил и снова поддакнул.

— Так вот, — продолжил сосед, — привел я его вчера в гараж, оставил и велел сторожить. А Юлька, когда сторожит, не лает. Совсем. Не положено ему лаять. Залез себе на заднее сидение и спал тихонечко.

Он снова потрепал пса. А потом произнес задумчиво:

— Какого лешего сюда принесло этого залетного? Нажрался и пошел колобродить. Нет бы спал себе где-нибудь!

Он вздохнул. Я слушал, затаив дыхание, и уже догадывался, что было дальше. Дядя Толя подтвердил мои мысли:

— Представляешь, идет этот орел вдоль гаражей, вдруг видит — дверца нараспашку. А внутри машина и тоже открыта. Свет-то он включать не стал и Цезаря, ясное дело, не разглядел. Залез внутрь. Глянул — в машине магнитола. И не придумал ничего лучше, как спереть. А Цезарю что велено? Охранять. Вот он и охраняет.

Сосед любовно оглядел пса.

— Молча охраняет, как и учили.

Я невольно прыснул, сцена предстала передо мной, как наяву. Сосед хмыкнул и продолжил:

— Открыл пьяный идиот водительскую дверь, увидел магнитола и полез добывать. Чтобы удобнее было, на сидение уселся. А мужик основательно в подпитии, руки не слушают, пока смог достать, долго провозился. А потом, только представь, весь такой

счастливый оборачивается, а в дверях сидит вот это! — Он указал на Юльку. — Сидит и рычит.

Тут я не сдержался и заржал в голос. Незадачливого воришку было даже жалко. И дверь не закрыть, и самому не сбежать. Остается только сидеть и ждать, пока придут и спасут. Не хотел бы я оказаться на его месте.

— Молодец, Юлька, — похвалил я, — просто умница.

Пес снова поддакнул. Дядя Толя кивнул.

— Еще какой молодец. И трогать не трогает, и выйти не дает. Так они и сидели до утра. Как бедолагу родимчик не тяпнул, не знаю. Но алкоголь из него выветрился моментом. Их в девять утра наш участковый нашел. Если бы не это, я бы точно мужика отпустил. Юлька и так его основательно поучил.

— Его теперь посадят? — спросил я.

Дядя Толя покачал головой.

— Не думаю. Участковый у нас — мужик хороший. Побеседует по душам, возьмет на заметку и отпустит.

Сосед отодвинулся от двери и присвистнул.

— Юлька, вылезай. Гулять пойдем.

Пес послушно просквозил наружу и завилял хвостом. Я встал в сторонке. На этот раз заперли все. И машину, гараж. Дядя Толя убрал ключи в карман и спросил:

— С нами пойдешь?

Я нехотя помотал головой.

— Не могу. Мои меня потеряют. Мать после вчерашнего еще, чего доброго, перепугается.

Он согласно кивнул.

— Тогда лучше домой. Не надо маму расстраивать. Мы и так ее вчера...

Он сконфуженно хмыкнул. А я поспешил сменить тему.

— Дядя Толя, а что там со штормом. Купаться можно?

— Можно, сказал он уверенно. Еще вчера к вечеру почти утих. Обязательно сходи.

— Схожу, — пообещал я и отправился домой.

Мать уже шебуршилась на кухне. Меня она встретила настороженно.

— Олег, ты где был?

— В туалет ходил, — ответил я совершенно искренне. — А там дядю Толю встретил с Юлькой. Поболтали немножко. Представляешь, Юлька ночью грабителя поймал.

— Это как? — изумилась мать.

И я с удовольствием пересказал ей всю историю. А потом отправился в спальню, завалился на кровать с книгой и принялся ждать, когда будет готов завтрак.

Манная каша. Все люди делятся на две категории — тех, кто ее любит, и тех, кто на дух не переносит. Я всю жизнь относил себя к первой. Как и всю свою семью. Манку у нас готовили часто. У мамы она получалась на диво вкусной. Не слишком густой и без комочков.

Нигде в другом месте я такой каши больше не пробовал.

Вот и сейчас обрадовался. Манка уже была поделена по тарелкам. В вазочку мать налила остатки вчерашнего варенья. В блюдечко положила яйца всмятку. На мелкую тарелку — хлеб и сыр, нарезанный тонкими ломтиками. Желтый, ноздреватый, душистый. Я честно попытался вспомнить его название, не смог, решил окрестить условно «Российским».

Мы с Ирккой и переглянулись и сцапали по пластику сыра. Дальше начиналось таинство, знакомое всем детям, побывавшим в пионерском лагере. В горячей каше в самой середине ложкой делался кратер. Туда помещался ломтик сыра и осторожно заливался кашей сверху.

Потом каша неспешно объедалась с краев, по кругу. Когда доходили до середины, сыр успевал расплавиться. Правда, не до конца. Просто становился мягким, тягучим. И делался куда вкуснее нормального.

Мать каждый раз недовольно хмурила брови, но молчала. Батя довольно посмеивался. Иногда мне казалось, если бы не возраст, он тоже бы последовал нашему примеру.

После каши и сыра приходила очередь яйца. Смятка съедалась просто — ложечкой. Главное, каждый раз не забывать подсыпать чутка солюшки. С крутыми яйцам была совсем другая история. Их нужно очистить, нарезать кругляшками. Потом брался кусок белого хлеба, намазывался маслом, сверху укладывались полученные кругляши и обязательно солились. Получалось настоящее объедение. Одного яйца вполне хватало на два бутерброда.

Отчего-то вспомнилась, что бабуля умудрялась делать бутерброды почти из всего. Из вареной картошки с соленым огурчиком. И даже из кильки. Последняя на хлебе с маслом заходила ничуть не хуже благородной икры.

Тут же набежала слюна. Эх. От килечки я бы сейчас не отказался. Сказать что ли батю? Пусть даст денег, сбегаю в магазин, куплю. Я покосился на отца и почему-то не решился. Промолчал. Отвык я за прошедшие годы просить у кого-то деньги. Было в этом для меня что-то неправильное. Ну ничего, это дело поправимое. Научусь, придется. Я взял ложку, подцепил пару клубничек из варенья и принялся за кашу.

После завтрака я отпросился на море. Удивительно, но мать даже не пыталась со мной спорить. И Ирку мне никто навязывать не стал. Я только прихватил полотенце и сменил трусы на модные плавки. Надо же их в конце концов вывести в свет. Не все же купаться в семейниках.

Батя втихаря вручил мне рубль и заговорщически прошептал:

— Купи себе что-нибудь вкусенького. Сдачу можешь не отдавать.

Вид у него при этом был такой таинственный, что я тут же спрятал деньги в карман. Хотя не смог вспомнить, чтобы мать за такие вещи хоть когда-нибудь ругалась. Но кто его знает, чем закончились их вчерашние разборки?

— Олег, — сказала она мне напоследок, — ты к обеду возвращайся. Мне вчера курица перепала, хочю домашней лапшички сварить.

Это была совершенно потрясающая новость. По домашней лапше я скучал все последние сорок лет. Такое пропустить было нельзя.

— Обязательно вернусь, — абсолютно искренне пообещал я.

На улице никого не было, даже Юльки. Со двора я вышел в гордом одиночестве. И увидел там чудную картину — по тропе к лиману тянулась бесконечная вереница

отдыхающих. Шумная, пестрая лента. Я усмехнулся. Все это было безумно знакомо. Самое смешное, что за сорок лет, еще не прожитых этим миром, не изменится ничего. Мне это было доподлинно известно. Кто бы что ни говорил, а натуру человеческую не изменить. Не стоит даже пытаться.

Идти вместе со всеми не хотелось. Я свернул в другую сторону. Лучше пройти через порт, туда, где отдыхают местные, туда, куда водил нас сосед, чем плескаться в лягушатнике с кучей народа.

Город жил своей жизнью. И курортники были в его истории неперменной сезонной страницей. Не слишком любимой, но жизненно необходимой. Город, как мог, старался их привечать.

Я шел по узкой улочке меж старых домов и любовался мостовой, булыжниками, истертыми колесами и временем до абсолютной округлости. Затеяливыми крышками люков, по которым с легкостью прослеживалась история города почти от времен основания.

Машин в это время было мало. Людей тоже. Все на работе или на пляже. Как-то незаметно дорога вывела меня на широкий перекресток. Там, на другой стороне еще одним приветом из детства пристроился киоск с мороженым. В кармане приятно шелестел рубль — ничто для моей прошлой жизни и целое сокровище для пацана из 78-го. С ним я почувствовал себя практически Рокфеллером.

К ларьку тянулась длинная очередь страждущих. Ясен пень, я тоже не смог пройти мимо. Перешел пустое шоссе и встал в самый конец. Было любопытно, что там выпадет на мою долю. «Лишь бы не томатное!» — в ужасе зашептала память. Помнится, я его терпеть не мог. И тут же поймал себя на том, что здесь и сейчас смогу сожрать с умилением любую пакость. Так что хрен с ним, пусть будет томатное. Сколько оно стоило? Память тут же подсказала: «Пять копеек».

Ха! Да за такие деньги можно купить даже два. И настроение мое заметно поползло вверх.

Правда, хорошим оно было не долго.

— Олег! — окликнули меня.

От оклика мне захотелось выругаться. Да черт побери, когда же она от меня отвяжется? Вика. Снова Вика. Как ей только удается всегда оказываться рядом в самый неподходящий момент?

— Олег! — голос у нее был невероятно радостным. — Ты чего встал там? Иди сюда, я нам очередь заняла.

И что делать? Сказать, что спасибо, не надо я сам? Уйти? Вот уж нет. Последнее практически равнозначно бегству. А от Вики надо как-то отделаться. Объясниться с ней наконец, дать понять, что нахрен она мне не сдалась. Пора закончить этот спектакль, где юная стерва чувствует себя главной героиней — эдаким пупом земли. Пора. Хватит прятаться от проблемы. Я прекрасно помнил, чем это все закончилось в прошлый раз. А значит, нужно сделать все, чтобы это не повторилось.

Я вышел из очереди, нашел Вику глазами, кивнул и мысленно сплюнул от досады. На лице у девчонки было написано абсолютное счастье, за него можно было смело присудить Оскара. Два раза. Один — за лучшую актрису, Другой — за выдающиеся спецэффекты. Знать

бы еще, что она думала в этот момент на самом деле? Хотя, зачем? И так ясно, что ничего хорошего.

— Иди сюда!

Вика эффектно вытянулась на мысочках и помахала рукой. Картинно, так чтобы видели все. Ее и без того короткое платье задралось неприлично высоко, обнажив соблазнительные ноги почти до самых трусов.

Сзади кто-то восхищенно прицокнул. Теперь все смотрели на меня. Я же чувствовал себя под этими взглядами полным идиотом. Кожей ощущал мужскую зависть. В воздухе витала коллективная мысль: «Иди, счастливчик. Ну что же ты стоишь?» Пошел, куда деваться? Только общего восторга разделить не смог. Вика бесила.

Она тут же подхватила меня под руку и высказала укоризненно:

— Олег, ну сколько можно тебя ждать. Я уж думала, что ты совсем не придешь!

В словах ее прозвучал укор. Такой натуральный, что кроме меня никто не почувствовал фальши. Оставалось только восхититься. Артистка, настоящая артистка. Интересно, как дальше сложилась ее судьба? Помнится, в кино ее я так и не увидел.

— Здравствуй, Вика, — сказал я как можно равнодушнее.

Ей мои слова снова не понравились. Она слегка отстранилась, держась обеими руками за мой локоть, нахмурила брови.

— Я не поняла, ты что не рад?

Хорошая мысль. Правильная. Тут уже я усмехнулся и ответил вопросом на вопрос:

— Тебе сказать честно?

Вика наклонила голову на бок, оглядела меня, как редкую зверушку, пришла к какому-то выводу и милостиво разрешила:

— Не надо, все равно ты соврешь. Вы мальчишки всегда врете.

Здесь она, конечно, слукавила. Мы с ней прекрасно знали, кто из нас двоих врет. Но оставим выяснение отношений на потом.

Вика снова уцепилась за меня, прижала к себе, объявляя всему миру, что я ее собственность, и замолчала. Я тоже не спешил вести диалог.

Очередь шла быстро. Я, незаметно для самого себя, оказался почти у самого окошка. И снова испытал чувство ностальгии. Киоск по периметру был занавешен изнутри белыми шторками. В СССР такие шторки были повсеместно. Канули в лету они в начале двухтысячных, когда крохотные ларьки начали заменять павильонами, нарядными, ярко освещенными.

Между шторкой и стеклом красовались упаковки — образцы того, что было сегодня в наличии. И думается, образцы эти менялись не часто. Я с любопытством взгляделся. Томатного, к счастью, не было. Зато первым стояло мое любимое — плодово-ягодное. Цена в семь копеек за штуку приятно грела душу. И я решил взять себе два.

Рядом «фантики» от эскимо, крем-брюле, пломбира в вафельном стаканчике и неизвестного мне мороженого с таинственным названием «Каштан». Я порылся в недрах памяти, пытаюсь вспомнить что-то подобное. Помогло слабо. Никаких проблесков. Цена на него была и вовсе небывалая — целых двадцать восемь копеек. И я решил, что вполне без него обойдусь.

— Что вам, молодые люди? — Продавщица казалась усталой и недовольной. Хотя с чего бы? Рабочий день только начался.

Вика молчала. Мне пришлось говорить первому:

— Два плодово-ягодных, пожалуйста.

Краем глаза я заметил, как девчонка поморщилась. Ну и пусть. Ее мнение меня волновало меньше всего. А угощать я все равно никого не собирался.

— Пожалуйста, — передо мной появились два картонных стаканчика, разрисованных ягодками.

Продавщица подвинула еще один с деревянными палочками. Я протянул руку и выудил одну.

— Четырнадцать копеек, — сказала она.

Моя рука полезла в карман за деньгами. Но тут снова влезла Вика. Она словно невзначай оттеснила меня от окна и проговорила туда:

— А мне эскимо.

Эскимо? Вот как! Это было просто потрясающе. Меня снова хотели использовать. Откровенно, в наглую, бесцеремонно. Я обернулся к ней и спросил прямо:

— А платить за тебя кто будет?

Впрочем, мог бы и не спрашивать. Ответ был известен заранее.

В окошко протянули эскимо. Вика его небрежно взяла, надорвала обертку и откусила уголок. Потом прищурилась, прильнула ко мне и проворковала в самое ухо:

— Сэр Олег, я была о тебе лучшего мнения, не стоит меня разочаровывать.

Я отодвинулся от нее. Хотел объяснить, что обо всем об этом думаю, но не успел.

— Мальчик, ты платишь или нет? Не задерживай очередь, — с осуждением сказала продавщица.

Я сжал губы и протянул в окошко рубль. В конце концов от меня не убудет. Одиннадцать копеек не слишком большие деньги. Будем считать их платой высшим силам за мое сюда возвращение, за возможность все сделать иначе. Но тебя, Вика, ждет серьезный разговор. Если ты, конечно, вообще способна понимать слова.

На сдачу мне выдали пригоршню мелочи. Я ссыпал ее в карман, не считая. Хотел уйти, но Вика снова ухватила меня за локоть.

— Ты купаться? — Спросила она, глянула на полотенце в моих руках и не дожидаясь ответа заявила: — Тогда я с тобой. Пошли вместе, покажу тебе короткую дорогу к морю. Помнишь, где ты плавал к буйкам?

— Помню, — ответил я.

А про себя подумал: «Какая разница, пусть ведет». Чуть поодаль руку я у нее вырвал. Прикосновения этой дряни были мне неприятны. Сейчас меня куда больше интересовало мороженое. Им я и занялся.

Глава 13. Объяснение

Вика свернула в проулок. Она шла чуть поодаль и с удовольствием ела мороженое. На меня внимания не обращала вовсе. Зачем? Все, что хотела, она уже получила. Я усмехнулся. В который раз подумалось, с такими талантами эта девица далеко пойдет. Если, конечно, не нарвется в девяностые на кого-нибудь хитрее и беспринципнее себя.

Пятиэтажки быстро закончились. Дальше пошли совсем старые постройки. Следом — чьи-то сараюшки, обнесенные штакетником. Дорога пропетляла меж них, обогнула заросли акации и вывела нас на очередной пустырь. Я остановился. Надо же, время как-то незаметно вычеркнуло из моей головы, где находится это место.

Справа вдалеке виднелись развалины. Что именно там было раньше, я не знал. Но это и

не важно. Особенно сейчас.

На меня потоком нахлынули воспоминания. В горле встал ком. Именно там, нашли Иришку. Мертвую Иришку. Только перед этим искали ее три дня. Бесконечно долгих, мучительных, ужасных три дня. Я поспешно отвернулся. Смотреть на это место мне было тяжело даже сейчас, спустя сорок лет.

И я прибавил шаг, чтобы уйти отсюда как можно быстрее. Чтобы не видеть, чтобы не терзать себя воспоминаниями. Чтобы не думать, кто тогда был виноват. Вдруг, все-таки я?

Нет, не нужно. У меня еще три дня до того момента, когда... Значит, пока можно просто жить. Наслаждаться каждой минутой. Пока...

— Олег! — раздалось сзади возмущенное. — Ты здесь не один! Не забыл еще? Куда ты так бежишь? Это просто невежливо с твоей стороны! Тебе не стыдно?

Я обернулся. Она стояла поодаль гневная, разобиженная. Стояла и дула губы, как маленькая капризная девочка. Наверное, на других это действовало безотказно. Вероятно, я должен был смутиться, начать извиняться, но... Во мне поднялось жгучее раздражение. Захотелось ответить. Хлестко. Обидно. Больно. Но я сдержался. Просто сказал правду:

— Не поверишь, совсем не стыдно.

Вика на миг забыла свою роль. Взгляд ее стал сначала растерянным, потом холодным, изучающим. Она пошла на попятную.

— Я тебя не понимаю, Олег. Мне казалось, что я тебе нравлюсь. Я и сама уже...

Она замолчала и смущенно потупилась, ожидая моих заверений в любви и преданности. Но я ее снова расстроил.

— Тебе казалось, Вика. Я знаю тебя всего три дня. О каких чувствах ты можешь говорить?

Это было настоящее ребячество, но в этот миг, глядя на нее, я испытал настоящее удовлетворение. У Вики вытянулось лицо. Пошло пятнами. Теперь она оскорбилась не на шутку. Неужели, ей раньше никогда не отказывали? Похоже никогда. Девчонка сжала губы и двинулась вперед. Мимо меня. Бросив на ходу:

— Вот и иди тогда сам. А я не нанималась провожать всяких там... отдыхающих.

Это «Отдыхающих» прозвучало у нее, как оскорбление.

Захотелось заржать. Захотелось сказать, что я тоже не нанимался угощать за свой счет мороженым всяких там самовлюбленных нахалок. Но я не сказал. Это было бы низко. Слишком уж старательно в нас, хороших советских мальчиках воспитывали джентльменов. Это наше качество не вытравили даже безжалостные девяностые. А сейчас и подавно поздно было переучиваться. По крайней мере мне.

Я пропустил ее вперед и пошел следом, надеясь, что она не уведет меня в другую сторону просто из женской вредности.

Не увела. Очень скоро слева показались ажурные стрелы портовых кранов, а потом появилось и море.

Здесь народа почти не было. На пляже лежали двое мужиков, прикрыв газетными пилотками лица, и поджаривали на солнце внушительных размеров животы. Здесь я чуть притормозил.

Вика нарочито медленно, словно дразня, расстелила на песке полотенце. Потом

скинула сандалии, сняла платье, вошла в воду, пробежала вперед, до глубины и поплыла.

Я от досады аж крикнул. Плавала она великолепно. Куда там мне с моими саженками. Даже стыдно позориться. Стыдно? Вот еще. Кого тут стыдиться. Ей вон ничего не стыдно. От этой простой мысли мне стало куда легче. Я бросил свое полотенце подальше от Викиного, свалил на него одежду и тоже полез в воду.

Вода была чудесной. Теплой-теплой. Я плыл, как мог, и кайфовал от этого. Молодое тело было здоровым и сильным, не отравленным чудесами фастфуда и иными излишествами. Оно еще не обросло жирком.

До буйков я буквально долетел. Там улегся звездой и просто забыл обо всем. Надо мной было небо, подо мной было море. Сверху на меня смотрело солнце. Что может быть прекраснее? Кайф, вечный кайф.

Обратно плыл нехотя. Просто потому, что нужно было возвращаться домой. Потому что обещал матери. Потому что не знал времени. Потому что не было часов. Как я вообще тогда без них жил? Сразу вспомнилось, что первые часы отец мне подарит как раз на этот новый год.

Вика чуть в стороне, на глубине ныряла. Ловко, как настоящая русалка. Один из мужиков на пляже собирался уходить. Второй теперь лежал вверх спиной. Я чуть поднажал, доплыл до мелководья и встал там, где вода едва закрывала колени.

До берега отсюда было рукой подать. И я прокричал:

— Не подскажите, сколько время?

Мне ответили на ходу:

— Без десяти двенадцать.

Пляж остался почти пустой. Только три пятна одежды цветными кляксами на песке. Да одно загорающее тело. Я прикинул — отсюда до дома минут двадцать. У меня оставался почти час. Можно сплавать еще раз до буйков. Как раз успею. Не успел.

Как я ее проглядел? Как забыл, что она совсем рядом? Расслабился, как полный идиот. Решил, что вопрос закрыт. Для меня закрыт, но не для нее. Вика неслышно подкралась сзади, прильнула всем телом, обняла за талию, проскользнула руками под резинку трусов. Умело, по-хозяйски, ничуть не смущаясь.

От неожиданности я замер. Такого в прошлый раз точно не было. Такое я ожидал меньше всего. Что прикажете делать в этой ситуации? Кто знает, что задумала? Вдруг закричит? От этой дряни чего угодно можно ожидать. А ей всего шестнадцать лет. Доказывай потом, что не верблюд. Все это пронеслось в голове за секунду. Я даже не успел принять решение.

Тут Вика резко сдернула с меня плавки и закричала, подтверждая мои мысли:

— Дяденька! Дяденька!

Тело на берегу зашевелилось. Сейчас обернется, а я тут витриной наружу.

Я задергался, пытаюсь вернуть трусы на место. Вика разжала руки, я кулем плюхнулся в воду, на пятой точке по песку отгреб от нее как можно дальше и судорожно принялся натягивать штаны. Никак не получалось. Мокрая ткань скрутилась жгутом и распутываться не хотела.

— Дяденька! — Лицо у Вики стало притворно встревоженным. — У вас спине

обгорела!

Вика ждала меня на берегу. Одежду мою стряхнула прямо на песок. Мое полотенце перетащила к воде и уселась на него, вытянув вперед свои длинные красивые ноги. Свое полотенце накинула на плечи. На лице было написано: «Ну что? Что ты скажешь теперь, Олег?»

Вслух же прозвучало:

— Сэр Олег, ваш трон готов, прошу.

И она с усмешкой постучала ладонью возле себя.

Я молча подхватил свою одежду, кеды, мимоходом выдернул из-под жопы этой дряни полотенце, встряхнул его, избавляя от песка. Потом так же молча пошел по кромке воды в сторону тропы.

Ленивые волны добежали до моих ступней, касались их едва-едва и неспешно отползали назад, оставляя на песке лишь пену. Внутри меня все кипело, все клокотало от ярости. Хотелось вернуться и засветить кулаком по этому наглому самодовольному личику. Вот только не было у меня такой привычки — бить женщину, какой бы дрянью она не была. Не появилась за пятьдесят с хреном лет, не появится и сейчас.

— Олег!

Вика догнала меня почти сразу. Она недоумевала. Взаправду или притворно, я не знал. И знать не хотел.

— Олег! Ты куда? Я же пошутила!

Пошутила? Я с трудом погасил злость, обернулся и произнес, чеканя каждое слово:

— Если ты подойдешь ко мне еще хоть раз, я тоже пошучу. Тогда посмотрим, как ты будешь смеяться.

Было видно, что Вика не поверила. Ну и черт с ней. Главное, за мной она больше не пошла.

Дома работал телек. Я это услышал сразу от дверей. Там пели куплеты. Странное дело, в моей памяти они совершенно не сохранились. А зря.

Нет в столовой фруктов, нету антрекотов

Но зато в столовой три доски почёта.

Я почти беззвучно заржал. Ай да молодец этот неизвестный мне исполнитель. Не в бровь, а в глаз. Тут он дошел до припева, и я вспомнил эти куплеты.

Кому это надо — никому не надо,
кому это нужно — никому не нужно

Растворимый кофе привезли на базу
Привезли на базу — растворился сразу

Кому это надо — никому не надо,
кому это нужно — никому не нужно

Ресторан открыли — «Старт» название дали
Рядом вытрезвитель — «Финишем» назвали

Я с удовольствием дослушал до конца. Помнится, в постсоветское время было модно жаловаться на зверства цензуры? Ну-ну, это же на экран как-то пропустили? Вон, поет себе человек, и никто его не трогает. А был еще фитиль...

— Олег! — позвала с кухни мать. — Ты где застрял? Иди обедать!

— Иду! — отозвался я, скинул кеды, быстро переоделся и отправился вкушать неземное блаженство, именуемое домашней лапшой.

Остаток дня выдался спокойным. Выходить из дома не хотелось. Сначала, пока родители с Ирккой были на море, я валялся на кровати и читал книгу. Никакие призраки меня не беспокоили. Никто не лез с объятиями, не выпрыгивал из зазеркалья. От всего этого я обрел окончательную уверенность, что фантом божественной силой святой воды окончательно и бесповоротно заперт в зеркале.

Потом, когда семейство вернулось, перебрался в гостиную и вместе со всеми уселся смотреть «А ну-ка, девушки».

Сам не заметил, как зрелище меня затянуло. Вроде, ничего особенного, никаких тебе спецэффектов, а получалось интересно.

Отец хлопал себя по коленям и вопрошал:

— Вот скажите, как они это придумывают? Как? Каждый раз разное!

Девчонки на экране чистили картошку. На скорость, с завязанными глазами. Получалось не очень. Ирка покатывалась от смеха, даже мама улыбалась. А в моей душе просыпалась нереальная нежность ко всем к ним. И к родителям, и к сестренке, и даже к девушкам в телевизоре.

Засиделись мы допоздна, почти до полуночи. Остаться одному на кухне не хотелось, и я пошел спать вместе с Ирккой. Уснул в момент. Проснулся так же.

Словно меня что подтолкнуло. Словно кто-то зашептал на ухо: «Вставай, Олег, вставай! Беда!»

Я подскочил, еще не понимая, что произошло, но твердо зная — ничего хорошего. В комнате было темно. Солнце не выбралось из-за горизонта. Сквозь кроны деревьев пробивались жалкие крохи света от фонаря. Иркина кровать была пуста. Одеядло откинута к стене, подушка валялась на полу. Дверь в коридор нараспашку.

Я, не глядя, пошарил по подоконнику — жучка не было. Не было! Но я точно знал, что положил его туда перед сном. Хрен с ним, с жучком. Без него обойдусь. Ирка где? Я рванул в коридор.

Тьма тьмой, но глаза к ней давно привыкли. Ирку я разглядел сразу. Она стояла ко мне спиной возле зеркала без ночнушки, в одних трусиках. И я не сразу понял, чем она занята. А когда понял на миг остолбенел.

Сестренка старательно терла какой-то тряпкой стекло, пытаюсь дотянуться до самого

верха, до самой кромки. Роста ей не хватало. И она, от усердия высунув язык, приподнималась на цыпочки. В зеркале ее фигурка не отражалась. Совсем. Там царила такая же непроглядная тьма, как и вокруг.

До сих пор не пойму, почему я не бросился в сторону кухни к выключателю. Почему не врубил сразу свет.

Там в коридоре чужой квартиры мне показалось, что куда важнее оттащить сестру от стекла, не дать ей выпустить тень наружу. Не дать фантому навредить ей. И я метнулся к Ирке. Обхватил за талию, обнял, прижал к себе ладонями, приподнял над полом и потащил прочь. Обратно, в спальню.

Молча...

Почему молча? Черт его знает. От испуга в голове что-то перемкнуло. Ирка так же молча отбивалась. Сопела, извивалась всем телом, пинала меня босыми пятками, норовя ударить побольнее, осыпала ударами кулачков, рвалась обратно к зеркалу. Оттуда, в ней только взялось столько сил? В какой-то миг я заметил, что глаза ее закрыты. Девочка спала. То, что овладело ей, не давало очнуться, прийти в себя.

— Ир, — позвал я, — Ир, проснись. Проснись! Прекрати! Это я, Олег!

Бесполезно. Меня не слышали.

Я оглянулся на ходу. Из темноты, прильнув к стеклу, на нас смотрела тень. Там, где был виден контур головы, светились две алые точки. У самого стекла, на полу валялась скомканная ночная сорочка.

Я заволок Ирку в комнату, ногой попытался зацепить дверь, чтобы закрыть, придавить собой, не дать девчонке вернуться в коридор, но не успел.

Острые зубы вцепились мне в палец. Сильно, со всей дури, без жалости. Из Иркиной утробы раздалось глухое злобное рычание. Так обычно рычит пес перед нападением. И тут я реально испугался, что палец мне она сейчас отгрызет. От неожиданности, от боли разжал руки.

Ирка метнулась обратно, подхватила с пола рубашку и принялась тереть с новой силой. Тень в глубине зеркала клубилась сгустками черного дыма. И билась, билась в стекло, толкала его руками, стараясь вырваться наружу.

На этот раз я поступил иначе. Обогнул Ирку по дуге, стукнул кулаком в родительскую дверь и рванул в сторону кухни, к выключателю.

По клавише я кляцнул на лету, всей ладонью. И только после остановился. Сердце рвалось из груди. В крови бурлил адреналин. От яркого света я практически ослеп. Пришлось прищуриться, пытаюсь разглядеть хоть что-то. Мог бы и не стараться.

Когда прозрел и огляделся, коридор был пуст. На пороге гостиной стояла мать, протирая спросонья глаза. Ирки не было видно. Дверь в нашу спальню плотно затворена. В глубине зеркала притаилась тень. Только зависла она не у самого стекла, а чуть поодаль.

Стояла и смотрела на меня. Я всей кожей ощущал ее взгляд. Мне показалось, что сейчас фантом надо мной насмехается. И стало неприятно.

— Олег? — Мать вышла в коридор. — Это ты стучал?

— Мам, я!

— Что-то случилось? — Взволновано спросила она. — Что с тобой?

Следом показался отец. Он пока молчал.

— Случилось, — сказал я и замолк. Вот же скотство. И как теперь объяснить, что здесь произошло.

Мать двинулась ко мне, мимоходом глянула в зеркало, пригладила взлохмаченные со сна волосы, и меня озарило — она ничего не видит. Для нее зеркало оставалось самым обычным. Внутри ничего, кроме ее собственного отражения!

Это было совсем плохо. Что? Что говорить?

— Олег, так что с тобой?

Мама приблизилась вплотную, с тревогой заглянула в мои глаза, положила ладонь мне на лоб, задержала на мгновение и... пожала плечами. Лоб был холодный. Я бы мог сказать ей это и сам. Со мной было все в порядке, если только происходящее в комнате, мне не мерещится.

Но! Жутко болел прокушенный палец. Боль эта, как якорь позволяла мне удержаться на плаву, не нырнуть в бездну сомнений. А значит, все было на самом деле. Мне ничего не приснилось, не причудилось. И тень, вот она! Я глянул на зеркало. Там было пусто.

И все же решился рассказать. Пусть не всю правду. Пусть часть. Даже если выглядеть при этом буду полным идиотом. Да и хрен с ним. Знать бы только, что это спасет Ирку. Получить бы хоть каплю уверенности.

— Здесь Ира была, — сказал я.

— Здесь? — Изумился отец и обвел рукой коридор.

Коридор, как и следовало ожидать, был пуст. Никаких следов пребывания сестренки. Но я все равно подтвердил:

— Да.

Давненько мне не приходилось чувствовать себя таким дураком. На меня смотрели недоверчиво, но пока не пытались возражать. Я набрал в грудь воздуха и продолжил:

— Я проснулся, а ее нет. Зато дверь открыта. Вышел, а она стоит у зеркала и зачем-то трет его ночной рубашкой.

После этих слов, я четко осознал, что звучит мой рассказ, как бред сумасшедшего. Но останавливаться уже было поздно. И мать, и отец ждали продолжения.

— Я попробовал ее разбудить, но не смог. Она меня даже...

Я хотел сказать, что укусила, но не успел. От нашей спальни послышалось сонное:

— Вы чего не спите? Уже вставать пора?

Глава 14. Цыганка

На ярком свете Ирка часто моргала, терла кулачком глаза. Вид у нее был заспанный-заспанный.

Я бросил быстрый взгляд на ночнушку. Может хоть это? Но нет. Надета нормально, как положено. Не наизнанку, не задом наперед. Как можно одеться во сне, не просыпаясь? Как? В голове пронеслось: «Достала меня вся эта чертовщина. Скорее бы уже седьмой день. Чтобы все закончилось, чтобы вздохнуть с облегчением, чтобы выкинуть из сердца страх и забыть все, что здесь произошло, как страшный сон!»

Скорее бы...

— Ну вот, Ирочку разбудили, — расстроилась мать, — Саш, иди, уложи. А мы пока с Олегом поговорим.

Она снова глянула на меня.

— Сынок, пойдём на кухню.

Я вздохнул. Вот же попал. Было видно, что она встревожена. Хочет верить мне, только факты убеждают совсем другом. Интересно, а сам бы я на месте матери, что подумал? Было очевидно, что ничего хорошего. В лучшем случае решил, что парень лунатик, и все ему приснилось.

Я потер прокушенный палец, размышляя, сказать о нем или нет. Какое никакое, а доказательство. И сам себе задал вопрос: «Что это даст?» Ответ меня не порадовал — ничего. Решат, что сам прокусил во сне.

Сам! Это была идея. Придется все списать на сон. Самому. Чтобы не обострять ситуацию. Другого выхода для себя я не видел. Руку спрятал за спину, чтобы не шокировать мать, и пошел за ней следом на кухню. Там почему-то было открыто окно. Странно, не помню, чтобы его открывали.

Мать дождалась, пока я усядусь, после спросила аккуратно:

— Тебе что-то приснилось?

— Не знаю, мам. Теперь не знаю. Наверное, да. Я уже сам не понимаю, что произошло.

Она немного повеселела. Впрочем, ненадолго. И допрос продолжился.

— Олег, что с тобой творится? Я тебя последнее время не узнаю. Ты стал какой-то нервный, дерганый. Ты странно ведешь себя. Я не понимаю!

Ну все, допрыгался. Сложно постоянно притворяться ребенком, если уже плохо помнишь, как это должно быть. Еще сложнее подобрать правильные слова. Что я сейчас должен сказать? Что ответить?

Мать нашла выход за меня. Взглянула с тревогой и спросила:

— Мне кажется, или ты влюбился?

Влюбился. Я мысленно хмыкнул. Тогда да. Сейчас... Увольте меня от такой любви. Но это была прекрасная идея. Главное, правильно сыграть, чтобы не осталось сомнений. И я сказал:

— Я еще не понял, мам. Не знаю. Ее зовут Вика.

На лице мамы появилась облегченная улыбка:

— Вот и славно, сынок. Девочка хоть стоящая?

Что тут сказать? Правду? Я постарался быть честным.

— Не знаю, думаю, нет.

Улыбка исчезла. Серьезный взгляд. Сдвинутые брови. Мама подбирала слова. Мне было интересно, что скажет?

— Не трать на нее время, сынок.

Я опустил взгляд, сейчас совсем не хотелось видеть ее лицо. Руки под столом сами собой сжались в кулаки. Поздно, мама. Теперь я не нуждаюсь в твоих советах. Твой совет он для того Олега, который был на моем месте сорок лет назад. Где ты была тогда? Почему не видела, что твой сын совсем потерял голову, что съехал от любви? Почему?

Я глубоко вдохнул. Какой смысл сейчас думать об этом. Что было, то прошло. Давно. Кулаки разжались. Мне стало спокойнее. Судьба тоже исправляет свои ошибки, пусть с опозданием.

— Не буду, — сказал я искренне.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— Хорошо.

Мама заметно успокоилась. Она подошла ко мне, обняла за плечи, поцеловала в лоб.

— Иди спать, сынок.

Два раза ей повторять не пришлось.

Похоже, что меня не стали будить. На часах было одиннадцать. Время приближалось к полудню. В квартире царила тишина. Иркина кровать была не заправлена и пуста.

За окном шумела малышня.

Я перевернулся на спину потянулся со вкусом, с удовольствием, заложил руки под голову и задумался. Что у нас сегодня? Четверг? Значит осталось три дня. Все разрешится вечером в субботу. Настроение сразу испортилось.

Я ждал этого дня. Я боялся его. Я не имел ни малейшего понятия, с чем именно придется столкнуться. И не собирался прятаться. Будь, что будет. Но я приложу максимум сил, чтобы все изменить.

На этой ноте и поднялся. Треники с пузырями на коленях, майка. Делайте со мной, что хотите, но вниз не пойду. Не сейчас.

В коридоре возле зеркала притормозил. Теперь, при свете дня, тот жгучий иррациональный страх, испытанный мною ночью, притупился, угас. Я заглянул внутрь, за грань. Тень была там. Она никуда не ушла. Просто притаилась в глубине, ждала своего часа. Я видел ее контуры чуть поодаль, за своим отражением. Это было паршиво.

Что этой дряни от всех нас надо? От меня? От Ирки? Может... Я бросил взгляд на запертую дверь. Может выбить ее к чертям собачьим и посмотреть, что там внутри? Вдруг там найдутся ответы на все вопросы? Вдруг, надо просто войти, чтобы все понять? И сразу расстроился. Дверь открывалась в коридор. Выбить не получится.

Тут я впервые не сдержался, врезал кулаком по стеклу, от злости, от отчаяния. Отшиб костяшки. Жаль, зеркало не разбил. Только сразу полегчало. Отпустило. Тень исчезла. Я от досады сплюнул и пошел на кухню.

На столе лежала записка:

«Ушли купаться. Надумаешь, приходи. Мама, папа, Иришка».

Ее я отодвинул в сторону. Купаться не было ни малейшего желания. Мне было постариковски лень. Слишком много приключений за последнее время. Слишком. Хотелось отвлечься, побыть в тишине, отдохнуть. Ну еще, пожалуй, перекусить.

На плите в ковшике стояло какао. В холодильнике обнаружились прикрытые тарелкой бутерброды. Сверху, чтобы заметил, не пропустил, замороженный сырок с изюмом. Мама слишком хорошо меня знала, положила так, чтобы точно не проглядел.

Когда-то я безумно любил такие сырки. Потом они испортились, стали совсем «не те». Но это потом. А пока я включил под ковшиком газ, достал бутерброды и принялся за лакомство, вкуснейший, изумительный сырок, каким его делали только в моем детстве. Благо, рядом не было никого, кто мог сказать: «Олег, положи сладкое, аппетит перебьешь!»

Моему аппетиту ничего не грозило. Я смаковал каждый кусочек, втайне радуясь, что память не подвела. Думал о том, что впереди еще бутерброды на ароматном хлебе, с

любительской, со сливочным маслом. Где только мать умудрилась добыть колбасу?

От какао поднимался парок. Я перелил его в чашку, взялся за бутерброд, откусил и тут мой взгляд упал на окно.

Окно! Я словно прозрел. Окно было приоткрыто ночью. Оно и сейчас не заперто. Я подскочил к нему, перегнулся через подоконник, выглянул наружу. Внизу на асфальтовой отмостке лежал мой жучок. Разбитый жучок. У меня даже не возникло вопроса, кто это мог сделать. Ирка. Только она. Больше никому. Сразу заныл прокушенный палец.

Я засунул остатки бутерброда целиком в рот, отхлебнул из чашки какао, почти не разжевывая проглотил, лишь чудом не подавился. Влез в кеды и бросился вниз, начисто забыв про натянутые спресонок треники и майку. Сейчас мне было не до такой ерунды. Про двери я тоже забыл.

С крыльца спрыгнул вбок, на отмостку и пошел по ней между незнакомыми кустами и стеной дома. Ходили здесь явно нечасто. Земля была усеяна окурками. Это только укрепило меня во мнении — люди не меняются. Благо ничего более криминального не валялось.

До жучка было подать рукой. Он лежал недалеко от нижней площадки пожарной лестницы и был окончательно, бесповоротно разбит. Столкновение чуда советской промышленности с асфальтом оказалось фатальным. А, значит, на этот вечер я остался без света. Где бы найти свечу или другой фонарь? Здравая мысль, что раньше свет мне не сильно помогал, едва появилась и пропала. Пусть так. Но со светом спокойнее.

Я нагнулся и поднял фонарик. Ногой машинально спихнул осколки в траву, а потом посмотрел вверх, туда где было окно второго этажа. И вновь во мне закипела злость. Какого черта? Сколько можно бояться? Надоело! Надо раз и навсегда разделаться с этой проблемой.

А вдруг окно заперто? Попытался вкнуть здравый смысл. Что тогда? Но я его слушать не стал, лишь взвесил в руке жучок. Тяжелый. Самое оно. И решительно полез наверх.

Лестница привела меня под окно закрытой комнаты. Там мой пыл слегка подугас. Я оперся руками о раму и нерешительно заглянул внутрь. Мог бы и не стараться — стекло было грязным, что снаружи, что изнутри, видно сквозь него было плохо.

В глубине комнаты у дальней стены угадывался большой платяной шкаф. Недалеко от окна стояло пианино. Напротив — сложенный диван-книжка. Под окном виднелся стол, застеленный бордовой скатертью.

Я даже примерно догадался какой — мягкой, плюшевой, с длинной шелковой бахромой по низу. Очень похожая была у моего деда. Осталась она от тех времен, когда была жива бабуля.

Больше ничего разглядеть не удалось. Я подергал раму. Закрыто, что и не удивительно. Здравый смысл шептал: «Все, Олег, поиграл в супермена и хватит. Слезай». Но кроме здравого смысла было еще и упрямство.

Я послал все к чертям, перехватил поудобнее жучок и размахнулся...

— Олег! — Донеслось снизу. — Не делай глупостей. Не надо.

Я обернулся. Во дворе стоял дядя Толя. Возле ног его крутился Юлька.

— Слезай, парень. Слезай. Иначе потом будешь жалеть. — Голос его звучал устало.

Почему-то сразу захотелось послушаться. Весь запал, вся решимость исчезли без следа. И я полез вниз.

Дядя Толя ждал меня у подъезда. В его взгляде не было ни осуждения, ни укоризны. Совершенно неожиданно в нем читались поддержка и понимание.

Юлька шагнул мне навстречу, радостно завил хвостом и подsunул под руку лобастую голову — гладь. Я машинально потрепал его между ушами, принялся наглаживать. Пес прижался к моей ноге. Он совершенно искренне признал меня своим.

Что сказать, было не понятно. Совсем не хотелось оправдываться. Вот не чувствовал я себя виноватым. Не было мне стыдно. Ни капли. Ни чуточки.

Дядя Толя заговорил первым. Оказалось, мои оправдания ему были не нужны.

— Олег, не лазил бы ты туда. Не надо.

— Почему? — само собой вырвалось у меня.

Он как-то стыдливо потупился, ему было неудобно.

— Не надо, — повторил он, — дурное место. Столько лет закрыто, пусть так и остается. Не ровен час, накличешь...

Накличешь? Вот это новости! Да что такое здесь произошло? Чего я не знаю? Жутко хотелось спросить: «Вы тоже его видели?» Но я лишь осторожно поинтересовался:

— Вы о чем?

Сосед смутился окончательно и ушел от ответа:

— Не важно, сказал он. Забудь. Просто, не стоит разбивать окно. Не стоит туда лезть. Проблемы с милицией не нужны ни тебе, ни твоим родителям.

Он свистнул пса, ухватил его за ошейник и поспешно ушел в подъезд. Больше всего это напоминало бегство. Я остался стоять снаружи, пытаюсь сообразить, как все это понимать.

Квартира встречала меня распахнутой дверью. Я ее прикрыл, но запирать не стал. Зачем? Все равно никто не полезет. Фонарик выложил на стол. По-хорошему, его следовало бы выкинуть, но не поднималась рука. Совершенно не чувствуя вкуса, сжевал бутерброды, допил какао.

Какое-то время просто сидел, глядя перед собой. В голове была пустота. Никаких идей. Потом всплыла фраза, брошенная цыганкой: «Сорок лет будешь помнить-вспоминать!» Сорок лет? Ну уж нет. Хватит. Второй раз я не хочу через все это пройти. Не хочу!

Я отодвинул от себя чашку, не глядя в зеркало, прошел сквозь коридор, зашел в спальню. Там быстро переоделся, не особо думая, что надеть. Машинально заправил кровати — и свою, и Иркину. Раздвинул шторы. Поймал себя на том, что словно специально оттягиваю момент, невесело усмехнулся и направился в спальню родителей.

Сколько там цыганка хотела денег? Пять рублей? Будут ей деньги. Мне уже на все было плевать. Главное, потом не придется думать, что мог все исправить. Мог, но не сделал.

Я достал из сумки матери кошелек, выудил оттуда пятерку, немного задержался и взял еще рубль. Рублем меньше, рублем больше, все равно это — кража. А фонарик надо купить. Позвенел в кармане мелочью, оставшейся от покупки мороженого, засунул туда же бумажки и решил, что денег должно хватить на все. А не хватит, возьму еще. Какая теперь разница?

Двор, гаражи, пустырь... В этот раз я ничего этого не запомнил. В голове кружился хоровод мыслей — одна бестолковее другой. Я, как сомнамбула, просто шагал, не разбирая дороги. Ноги несли сами. Очнулся уже возле оврага, на самом краю. Глянул вниз и едва не отчаялся — табор почти полностью снялся с места. Не дождался. Уехал. Не было детей, резвящихся в ручье, не было разложенных вещей. Не было шума. На дне стояла одинокая повозка. Пожилой цыган неспешно запрягал лошадей.

Как сбежал вниз, как не упал, как не полетел кувырком, не знаю. Затормозил у самого борта, схватил единственную свою надежду за рукав, практически выкрикнул:

— Мне нужна...

И тут же замолк ошеломленно. Я понятия не имел, что сказать, кто мне нужен. Как объяснить? Но оказалось, что это совсем не требуется. Меня узнали. Меня ждали.

— Пришел... — цыган недоверчиво покачал головой и наставил на меня палец. — Удивил. Думал, не придешь, не поверишь. Поверил, значит. Погоди, сейчас позову.

Он обошел возок, откинул полог и негромко позвал:

— Лачи, выходи. Пришел твой мальчишка. Не зря ждала.

Я привалился боком к борту. Сердце стучало, как бешенное, от бега, от волнения, от радости, что успел. В голове царил полный сумбур.

Из возка спустилась знакомая мне цыганка. Подошла ко мне, наклонила голову на бок, посмотрела с усмешкой и спросила:

— Ну что, отвечает тебе тень?

Знает. И это знает. Ее слова только укрепили мою решимость. Не зря я сюда пришел.

— Отвечает, — сказал я, глядя ей прямо в глаза.

Цыганка удивилась.

— Вот как? И что говорит?

— Что я ей не нужен.

Она кивнула, соглашаясь.

— Не врешь, это правда. Ей нужен не ты.

Я ухватил ее за руку, словно боялся, что сейчас сбежит, что не поможет.

— А кто? Кто ей нужен?

Зачем я задал этот вопрос? Не знаю. Будущее мне и самому было прекрасно известно. Но так хотелось услышать что-то иное, хорошее... Не все желания сбываются. Это не сбылось.

Цыганка вырвала у меня руку, отстранилась. Вид ее стал серьезным.

— Ты сам все знаешь, — сказала она. — Зачем вопросы? Ты здесь не первый раз. Ведь так?

Я кивнул.

Она замолкла, снова оглядела меня. В глазах ее промелькнуло нечто едва уловимое. Горечь? Сожаление? Что-то другое, чего я не смог понять? Я ждал, что еще она скажет, боялся спугнуть откровение.

— Жаль ненадолго, — наконец произнесла она. — Да ничего, впереди у тебя еще много всего, если не струсишь, если все сделаешь, как надо.

Я слегка оторопел. Что за чушь несет эта женщина? Как это ненадолго? У меня впереди еще как минимум сорок лет. В этом-то я абсолютно уверен.

Додумать мне не дали. Цыганка вдруг стала серьезной, спокойной. Она выставила ладонь и потребовала:

— Деньги!

Тон не оставлял сомнений — за так мне помогать никто не собирался.

Я сунул руку в карман, достал деньги и тут же пожалел, что не переложил отдельно рубль. Что толку теперь? Поздно. Цыганке отдал пять. Рубль вернул обратно. Деньги моментально исчезли в складках юбки. А ладонь передо мной раскрылась вновь.

— Мало! — Голос женщины стал ехидным. — Пять было в тот раз. Сейчас я не такая добренькая. Сейчас — десять.

Десять? Да где же я их возьму? Хотелось возмутиться, но прикусил язык, не та ситуация, чтобы возмущаться. Достал последний рубль и отдал.

Ладонь не убиралась.

— Мало! — повторила она.

Я вздохнул.

— У меня больше нет. Правда, не вру. Я и это украл у матери.

Она нахмурила брови и авторитетно заявила:

— У своих красть нельзя. Плохо.

А то я сам не знал. Сказать, сказала, но денег не вернула.

— Хорошо, пусть так.

Она развернулась и ушла в фургон. Ушла? Как же так? Возникло четкое ощущение, что меня опять надули, провели, как последнего дурака. Я рванул следом и наткнулся на вытянутую руку.

Глава 15. Ритуал

Путь мне преградил цыган. Настроен он был вполне дружелюбно.

— Погоди, не спеши, в этом деле не надо спешить. Лачи сейчас вернется.

Цыганка действительно вернулась быстро и не с пустыми руками — принесла большую кобальтовую тарелку с золотым орнаментом по кайме. Уселась прямо возле фургона, на траву, скрестив ноги по-турецки. Я мысленно подивился ее способностям — так легко опуститься на землю в таком-то возрасте и с такими габаритами. Я бы так точно не смог. Похлопала рукой по траве рядом с собой и приказала:

— Тоже садись.

Я замешкался. На плечо тут же легла ладонь.

— Садись, — повторил цыган, — не стой. Время дорого. А нам давно пора ехать, только тебя ждали.

— Зачем? — спросил я.

Лачи бросила раздраженно:

— Пришел за помощью? Тогда садись и помогай. Чего попусту болтать?

И я сел.

Когда-то, давным-давно, мне довелось видеть, как деревенская знахарка заговаривает ребенка от испуга. Было интересно и таинственно. Заговор велся на воду. Горели свечи, слова сплетались затейливым узором, пахло ладаном. Здесь все происходило не так. Просто,

буднично, без спецэффектов.

На тарелке лежали большие старые ножницы с фигурными ручками и допотопное кресало. Чистый антиквариат. Я таких не видел даже в детстве. Рядом с ними в расписной фарфоровой подставке стоял огарок церковной свечи.

Я смотрел на все это с любопытством и пока ничего не понимал. Впрочем, сидеть без дела пришлось не долго. Лачи взяла с тарелки кресало и сунула мне в руки.

— Сумеешь добыть огонь? — спросила она обеспокоено.

Я слегка оторопел. Огонь? Зачем? И осторожно задал вопрос:

— А для чего?

Она ответила, как само собой разумеющееся:

— Свечу зажечь.

Хм... Каменный век. А почему кресалом? Спичка не проще? Помнится, в кармане у меня лежал коробок.

Я сунул руку в карман, спички все еще были там. Вытащил коробок наружу, чиркнул, но к свече поднести не успел. Лачи неожиданно разозлилась, ударила меня по руке, выбила коробок, дунула на горящую спичку, вскричала:

— Нет, нельзя, нужен живой огонь! Этот мертвый, — она ткнула пальцем в коробок, — не поможет. Нельзя!

Я посмотрел на траву. Коробок развалился на две половинки, все содержимое рассыпалось по траве. Мертвый, так мертвый, ей виднее. Но зачем так орать? Рядом присел на корточки цыган. Кресало он поднял двумя пальцами, протянул мне и спросил:

— Умеешь пользоваться?

Здесь мне удалось его удивить.

— Умею, — сказал я, — когда-то давно в походе научился.

Мужчина усмехнулся. «Давно» из уст шестнадцатилетнего пацана прозвучало нелепо. К счастью, здесь я мог не таиться. Мог быть самим собой.

Нужен вам живой огонь? Будет! Главное найти, что здесь может легко разгореться. Я огляделся. Возле ручья разросся рогоз. Толстые коричневые пуховки внушали надежду. Правда, точно я не помнил, используют его для розжига или нет. Зато чуть поодаль стояла одинокая березка. Это было просто прекрасно. Можно попробовать нащипать бересты. Много не нужно, самую малость. Для свечи этого хватит. Мне же не костер разводить! Я решительно поднялся и попросил у мужчины:

— Мне нужен нож.

Как там показывают в кино? Цыган непременно достает нож из-за голенища сапога? Я ждал именно этого. Но у моего нового знакомого нож висел на груди, как у Маугли. Был он таким же старым, как ножницы. Темный, чуть изогнутый, не очень длинный, с деревянной ручкой, в ножнах, оплетенных полоской кожи. В навершии рукояти — искусно вырезанная лошадиная голова. Я видел, что цыган колеблется, не желая расставаться с ним. Наконец мужчина спросил:

— Для чего тебе?

Пришлось отвечать:

— Бересту нарезать, чтобы огонь разжечь.

Он кивнул. Но свой нож мне так и не дал. Лишь сказал:

— Сам сейчас принесу.

Я пожал плечами. Да не вопрос! Сам, так сам. У каждого народа свои заморочки. Не

мне с ним спорить. Кто его знает, что значат эти ножи для цыган? Я направился к камышам, на глазок выбрал самый спелый и выдрал из него пару клоков пуха побольше. Благо, нож для этого был не нужен.

Потом чуть в стороне от возка примял ногами траву, взял кресало, свечу, распотрошил, распушил камышовый пух, уложил возле себя горкой и принялся ждать.

Цыган пришел почти сразу. Одобрительно осмотрел приготовленное место и высыпал поверх камыша пригоршню дранки. Самый верхний, почти прозрачный слой. Я уселся на землю и принялся работать кресалом. Мужчина молча стоял рядом. Не мешал, но и помогать не спешил. Чем занималась Лачи, я не видел. Она осталась у меня за спиной.

Хоть практики не было очень давно, огонь разгорелся быстро. Пусть слабенький, совсем крохотный, но много ли надо свече? Та послушно занялась.

Я затоптал свой крохотный костерок и вернулся к цыганке, неся в руках «живое пламя» на кончике фитиля.

Лачи была занята — что-то бубнила себе под нос, не обращая на меня внимания. С краю на тарелке появился кожаный кисет, совсем небольшой, в половину ладони. В центре же горочкой была насыпана крупная соль. Поверх соли лежала моя пятирублевка. Все это меня знатно озадачило. Я хотел спросить, зачем все это? Но потом подумал: «Всему свое время. Скоро и так все узнаю».

Лачи мельком глянула на свечу, довольно кивнула.

— Садись. Огонь ставь на блюдо.

Дождалась, пока я усядусь, взяла в руки ножницы и приказала:

— Нагнись ко мне!

Я не стал даже раздумывать — нагнулся. Если бы здесь хотели мне навредить, сделали бы это куда проще. К чему устраивать такую мистификацию?

Вжикнули лезвия, на поднос упал клочок светлых волос. Моих волос. Я машинально провел рукой по голове.

— Не зубы, — усмехнулась Лачи, — отрастут. Не жалея.

— Я не жалею.

Ладонь моя вернулась на колени.

— У тебя прибудет, — завела цыганка знакомую пластинку, — у меня прибудет.

Она вытащила из-под яркого платка свой собственный локон. И ножницы стриганули снова. Поверх светлой пряди упала еще одна — смоляная с проседью.

От дальнейшего у меня глаза полезли на лоб. Лачи наклонила свечу и с четырех углов подожгла пятирублевку. Мне стало стыдно. Мне стало неловко. Черт, мне стало конкретно не по себе. Цыганке не нужны были мои деньги. Они были нужны мне самому. В этом чудилось что-то неправильное, ненастоящее.

Лачи глянула на меня с пониманием, мягко улыбнулась и повторила:

— Не жалея. Это — всего лишь деньги, как уши, так и придут. Что они, — цыганка выставила перед собой раскрытую ладонь и показательно дунула, — прах, тлен, пепел.

Поспорить с этим было сложно. Именно в это сейчас и превращались украденные мною пять рублей.

Деньги сгорали, мерзко воняло палеными волосами. Лачи то ли бормотала заклятие, то ли что-то пела. Тихо, на грани слышимости. Я не мог разобрать ни слова. Время шло медленно-медленно. В какой-то момент я словно выпал из реальности, замороженный рыжими язычками пламени и тягучим напевом. Лачи ворошила живой костер кончиками ножниц. Летели искры. Бумага никак не хотела гореть, все время гасла. Поджигать пришлось еще два раза.

Когда все прогорело дотла, Лачи перестала шевелить губами. Замерла, уставившись пустым взглядом на соль, на горстку пепла вверх. Потом вздохнула и посмотрела на меня.

— Все, — сказала она устало, — я сделала что могла. Теперь твоя очередь.

Я придвинул к себе тарелку. Деньги, волосы, все превратилось в прах. Край тарелки был горячим, не удержать. От пепла поднимался сизый дымок. Цыган, стоявший все это время у меня за спиной, громко хмыкнул и ушел к лошади. У него были другие заботы.

— Что дальше? — спросил я.

Лачи протянула мне ножницы.

— Перемешай. Пепел и соль вернейшее средство от...

Она не договорила, но я и так понял. Взял ножницы и принялся осторожно ворошить соль, вмешивая туда по чуть-чуть пепел.

Лачи тяжело поднялась, держась рукой за поясицу. Мне подумалось, что в этом куда больше притворства, чем правды. Хотя, кто знает сколько сил отнимает такой ритуал. Это мне он стоил пряди волос и пяти рублей. А ей? Чего стоил ей?

Соль я разровнял по доньшку тонким слоем, чтобы быстрее остыла. Потом отодвинулся чуть назад и привалился спиной к колесу. В моей душе впервые за все это время воцарился полный покой. Все страхи, что я так старательно загонял глубоко внутрь ушли, растаяли без следа. Я впервые поверил в то, что у меня все получится.

Вскоре вернулась цыганка. В руке у нее была небольшая серая тряпица, небрежно оторванная от целого полотна. Лачи перехватила мой взгляд.

— Лен, — пояснила она, — небеленый. Тебе подойдет.

Я вновь подумал, что ей виднее. Хотя пока не понимал, для чего эта тряпка мне может понадобиться.

Лачи снова попыталась присесть, и я увидел, что ей действительно трудно. Заметил, как болезненно морщит она лицо. Мне стало ее жаль.

— Погодите, — сказал я, — не надо.

Я поднялся сам и поднял с земли тарелку. Доньшко ее почти остыло. Лачи бросила на меня благодарный взгляд, дотронулась до поверхности соли, отряхнула пальцы.

— Пересыпать надо, — заметила она и протянула мне кисет.

Я растянул шнурок и внимательно разглядел вещицу. Ничего особенного. Сделан он был совсем примитивно — кусок кожи, сложенный пополам, прошитый грубой ниткой швами наружу. К горловине приделана петелька, в которую продет шнурок. Все. Ни надписей, ни украшений, ни охранных знаков. Ничего. Мешочек и мешочек.

Горловина его была совсем узкой. Сыпать соль туда через край не имело смысла — половина окажется на траве. Я вновь поставил тарелку на землю, присел на корточки, подцепил порошок щепотью и принялся ссыпать внутрь мешочка по чуть-чуть. Скоро на тарелке почти ничего не осталось. Я завязал на кисете шнурок и едва машинально не

стряхнул оставшуюся пыль вниз. Лачи отняла у меня блюдо, протерла его тряпицей, свернула ее пеплом внутрь и протянула мне.

— Придешь домой, протрешь зеркало, — сказала она.

Я взял тряпочку, немного замешкался, но все же убрал в карман брюк. Мешочек спрятал в нагрудный карман рубашки. И испытал странное чувство. Неужели у моей проблемы такое простое решение?

— Поможет? — Мой вопрос не удивил цыганку.

Лачи пожала плечами.

— Поможет. Только смотри, чтобы дверь никто не открывал. Туда лучше никому не заходить. Накликать можно...

Накликать? Что за черт! Второй раз за день мне об этом говорят. Я придвинулся ближе, почти вплотную, и спросил:

— Что там произошло? Вы знаете? Откуда взялась эта тварь?

Лачи пристально посмотрела на меня, что-то для себя решила и потребовала:

— Дай ладонь.

Я протянул ей руку. Почему-то левую. Цыганка довольно кивнула.

— Хороший знак.

— Что? — Не понял я.

— Левую дал, — сказала она и тут же пояснила. — На левой написано все, чем одарил тебя Боженька. На правой, — она перехватила вторую мою руку, — то, что ты сам сотворил со своей жизнью. Смотри!

Это было откровением. Никогда о таком не слышал. Я с удивлением уставился на свои ладони. Что я мог там увидеть? Почти ничего. И совсем ничего не смог понять. Разве что... У меня изумленно полезли на лоб глаза. На правой ладони было две линии жизни. Две! Первая длинная, почти до запястья. Вторая короткая, не больше трети от первой.

Я перевел взгляд на левую руку, там линия жизни одна. И была она куда длиннее правой, пересекала всю ладонь, убегала на запястье.

Первая мысль появилась — охренеть. Вот оно, оказывается, как. Две жизни, две линии... Только почему одна такая короткая?

Додумать мне не дали.

— Не жалей об этом, — сказала Лачи, — правая рука всю жизнь меняется. Кто знает, что будет дальше?

Она отпустила одну мою ладонь, оставив себе лишь левую, закрыла глаза и замерла. Я тоже замер, как и весь мир вокруг. Казалось, даже время остановило свой бег.

Продолжалось это один миг или целую вечность. Кто знает точно? Кто скажет, чем одно отличается от другого? Никто. Лачи выпустила мою ладонь.

— Не вижу, — сказала она с сожалением, — эта страница жизни закрыта от меня. Знаю только, здесь ОНО не по твою душу.

Тоже мне откровение, это я и сам прекрасно знал. Следующий вопрос уже рвался у меня с губ:

— Я с ним справлюсь?

И снова в ответ совсем не то, что хотелось услышать.

— Ты можешь с ним справиться. Это тебе по силам. Остальное зависит только от тебя.

От меня. Я усмехнулся. Опять ничего нового. Я постучал себя ладонью по нагрудному карману и спросил:

— А с этим, что делать?

— Ждать. — Лачи накрыла мою ладонь своей. — Просто ждать.

Потом она развернулась и забралась в возок. Легко, проворно, словно только что и не хваталась за поясицу.

— Прощай, — кивнул мне цыган.

Он отвернулся и причмокнул губами. Лошадь тронулась. Скоро я увидел Лачи сидящую на краю возка.

— Чего ждать? — прокричал я.

— Когда придет время, ты все поймешь сам. Просто рассыпь соль.

— Зачем вы мне помогаете?

Я реально не мог этого понять.

Лачи сверкнула глазами, усмехнулась.

— Боженька велел делать добрые дела...

— А если бы я в тот раз отдал вам деньги, вы бы мне тоже помогли?

На этот раз она усмехнулась куда откровеннее.

— Не спрашивай о том, чего не случилось. Думай о том, что есть.

А после залезла в возок.

Прощаться она не стала. Я тоже больше не проронил не слова. Только думал: «Надо же, Боженька ей велел». Цыгане и добрые дела в моей голове слабо сочетались между собой. Но пусть так... Кто их разберет?

Возок удалялся, медленно, неспешно. А я стоял и смотрел ему в след. В какой-то момент мне показалось, что он просто исчез, растаял в вечности. Я убрал руку от рубашки. Под пальцами что-то зашуршало. На траву, мне под ноги упал рубль. Тот самый рубль, что я отдал цыганке.

Сегодня ей и правда не были нужны эти деньги. Мои губы прошептали:

— Чудны дела твои, Господи, чтобы цыганка и не взяла денег! Разве такое бывает?

Глаза меня убеждали, что бывает. Я поднял последний рубль, сунул ладонь в карман брюк — тряпица была на месте. И значит, мне ничего не причудилось, не приснилось. Нагрудный карман оттопыривал мешочек.

Я огляделся, чуть в стороне обгорелой кучкой лежал камышовый пух. Рядом валялся раздавленный коробок. По траве были рассыпаны спички.

Базар я прошел без остановок. Лишних денег не было, а соблазнов вокруг хоть отбавляй. На выходе опять сидели неизменные бабки с семечками. Только мне сегодня не были нужны ни они, ни их товар. Я перешел дорогу и остановился возле сельпо.

У крыльца без дела слонялась троица унылых субъектов в ожидании чуда под названием «Русская». Правда, объект мечтаний получить они не могли — на двери, с той стороны, за стеклом, висела самодельная табличка — кусок фанерки с приделанной сверху веревкой. На ней красным суриком было написано: «Закрывается на прием товара».

Я тысячу лет не видел таких табличек. Из чего их только не делали магазинные умельцы в советском союзе: из фанеры, картона и даже из оргстекла. Сейчас такое осталось лишь в глубинке, где сетевая торговля не успела убить маленькие магазинчики.

Следом за мной подтянулась молодая мамаша с коляской.

— Закрыли, — расстроилась она, — не знаете, надолго?

Я не знал.

— На двадцать минут, — ответил один из троицы и пожаловался: — только что закрыли, мы совсем чуть-чуть не успели.

Дамочка оглядела страдальцев неприязненным взглядом, фыркнула и заняла место прямо возле крыльца, отгородившись коляской, как щитом.

Я никуда же не спешил. Отошел в сторону и остановился возле тумбы с афишей. Выбор был невелик. «Женщина, которая поет» — фильм, который никогда не любил, вряд ли понравится сейчас. И индийский «Конец ночи». По воспоминаниям нечто невероятно кровавое и жестокое. Все не для меня. Кошмара мне хватает и здесь, наяву.

Я обошел тумбу. На афише был изображен румяный богатырь верхом на мотоцикле. По бокам от него стояли

две девушки в коротких цирковых платьях. Сверху было написано: «Впервые в городе! Гонки на мотоциклах в шаре!».

Сразу вспомнилось, в тот раз они тоже были здесь.

— Мальчик! — донеслось от магазина. — Мальчик!

Я обогнул тумбу и глянул на четвертую сторону. Пусто...

— Мальчик! — Меня дернули за рукав.

Я обернулся. Рядом стояла дамочка с коляской.

— Ну что же ты, — сказала она с укоризной, — я тебя зову-зову, а ты не отзываешься.

Я даже не успел спросить, что ей надо.

— Посмотри за Юрочкой, я быстро!

Она оставила коляску мне и бегом побежала к магазину.

Глава 16. Зеркало

Вернулась она действительно быстро. Я только и успел что довести коляску до магазина и встать возле крыльца. В авоське у нее было два кирпичика хлеба и бутылка кефира. Сквозь сетку посверкивала знакомая зеленая крышечка.

Следом из дверей сельпо бочком-бочком выбралась страждущая троица, очень странно притихшая, обогнула молодую мамашу по дуге и поспешно скрылась в кустах за зданием. Это было похоже на бегство. Женщина проводила их неприязненным взглядом.

— Нужнее им... — пробурчала она себе под нос и добавила вслух: — Обнаглели совсем!

Стало ясно, что в магазине за место в очереди разгорелась война. Женщина засунула покупки в сетку под коляской и бросила напоследок:

— Спасибо, мальчик, ты меня очень выручил.

И уехала. Я усмехнулся и поднялся по ступенькам.

В магазине царило оживление. Две объемистые дамы сноровисто раскладывали продукты на прилавках. Помогал им плюгавенький мужичок в спецовке. В той части магазина мне ничего не было нужно, поэтому я сразу пошел на другую половину, где по-прежнему скучали валенки. Продащица там тоже скучала, поэтому неожиданно обрадовалась мне и спросила:

— Что тебе?

Я выудил из кармана рубль, оставшуюся мелочь, высыпал на стекло витрины и сказал, не питая особой надежды:

— Фонарик. — А потом пояснил, непонятно зачем: — Я разбил сегодня один.

Она завздохала, придвинула к себе деньги, пошевелила пальцем монетки — рубль семьдесят пять. Покачала головой. Я слегка напрягся — черт его знает, сколько должен стоить фонарик сейчас? В моей памяти таких воспоминаний не осталось. Вдруг не хватит?

Но нет, продавщица всего лишь спросила:

— Попадет?

Я на всякий случай кивнул. Она снова вздохнула, забрала рубль пятьдесят, пошла к кассе и положила на тарелочку. Остальное я сгреб в ладонь.

— Вот говорят же вам, не берите вещи без спроса. Мой тоже меня не слушается, — внезапно выдала она, — выпороть бы надо, да некому. Ладно, подожди.

Я остался ждать, а она скрылась в подсобке. Вернулась небыстро, в руке несла небольшую коробочку из темного картона. Положила ее возле кассы и произнесла с гордостью, словно сама только что создала сей дефицит:

— Китайский! — И тут же уточнила: — Пойдет?

Еще бы не пойдет! Когда-то такой фонарик был моей мечтой. Серебристый металлический корпус, удобная ручка, батарейки, кнопка для азбуки Морзе... Полный восторг! Как же я его тогда хотел. Жаль, что у нас он был жутким дефицитом. И купил я такой гораздо позже, сам.

От нахлынувших воспоминаний, от волнения у меня аж сел голос:

— Пойдет, — сказал я искренне, — спасибо.

Она заулыбалась:

— На здоровье, сынок, но вещи без спроса больше не бери.

Я кивнул и хотел уйти, но меня оставили:

— погоди, возьми сдачу.

Женщина протянула десять копеек. Я снова стал богатым — тридцать пять копеек! По нынешним временам целое состояние для пацана. И я пошел на другую сторону с твердым намерением все это богатство истратить с максимальной пользой.

Мне повезло. Чуть в стороне, на столе продавщица нарезала кусками пластовый мармелад, привезенный в большом поддоне. Вторая рядом взвешивала и заворачивала получившиеся брусочки в пергамент. Я даже успел забыть, что такое когда-то было. А сейчас вдруг вспомнил. Вспомнил вкус этого чуда, вспомнил запах. Рот моментально наполнился слюной, а рука сама потянулась к карману с мелочью.

Открытым остался один вопрос — сколько стоит мармелад? Оказалось, пятьдесят копеек за полкило. Ценник уже лежал возле кассы. И я выдохнул с облегчением — мне светил вполне приличный кусочек.

Мелочь звякнула на тарелке, отвлекая продавщицу от нарезки. Я поймал ее взгляд и тут же попросил:

— Отрежьте мне триста пятьдесят.

— Здесь по полкило, — отрезала она, указывая на взвешенные кусочки — если надо, бери.

Я даже расстроился. Плохо быть ребенком. Плохо вечно от кого-то зависеть. Отвык я от этого.

— У меня больше нет денег.

Продавщица недовольно поджала губы, хотела что-то сказать, но ее остановила вторая:

— Петровна, пусть возьмет сколько надо. Что тебе жалко?

Первая поостыла, кивнула, взялась за нож. На глазок выкроила брусочек, положила его на пергамент на весы, добавила сверху тонюсенькую пластиночку, удовлетворенно кивнула, завернула и протянула мне бумажный кулек.

Я оставил деньги и быстро ушел.

Домой шел в приподнятом настроении. Худо-бедно, но жизнь налаживается. На второй этаж поднялся почти бегом, перескакивая через ступеньку. Чувство легкости и силы было основательно подзабытым, оттого невероятно приятным.

У квартиры слегка притормозил. Дверь оказалась чуть приоткрыта, наружу вырывались приглушенные звуки скандала. Я слышал мать и отца, но слов разобрать не мог. Пару раз до меня долетело «Деньги», и эйфория слегка подугасла. Мать уже явно успела обнаружить пропажу. А значит придется что-то говорить. Что? Что отнес деньги цыганке? Полная дичь! Мне самому мой поступок казался бредовым. Что скажут на это родители?

Я посмотрел на фонарик, на мармелад и твердо решил, что стоит признаться в пропаже рубля. Иначе покупки объяснить не получится. А вот от пятерки нужно было отрешиваться до победного. Не видел я ее, не брал! И баста.

С это мыслью и открыл дверь.

Чем-то завлекательно пахло. Я повел носом. Котлеты? Откуда? Впрочем, какая разница. Запах был обалденным. И я понял, что ужасно хочу есть.

Ирка сидела в гостиной тише мыши и старательно смотрела телевизор. Я с любопытством заглянул. Фильм. Знакомый. Такой знакомый, нет сил. Только названия, хоть убейте, не помню.

Я вернулся в коридор и принялся снимать кеды, оттягивая встречу с родителями.

— Мишка Квакин и его гнусная шайка. — Донеслось из гостиной.

Я довольно усмехнулся. Ирка смотрела «Тимура». Когда-то я этот фильм обожал. Правда, сегодня мне самому придется побыть гнусным Квакиным. Что ж, так карта легла. Я перестал тянуть время и пошел на кухню.

— Да не брал я деньги! — Вяло оправдывался отец. — Больно надо. Сама куда-то дела, а теперь не помнишь.

Он сидел за столом около окна и крутил в руках пустую кружку. Разбитый жучок лежал возле него на подоконнике. Мать кашеварила. Но после отцовских слов возмущенно грохнула котлетной лопаткой о мойку, уперла руки в боки и отвернулась от плиты. Мне сразу вспомнился анекдот про тубетейку. Только было совсем не до смеха. Отец огребал ни за что.

— Сама? — Гневно гремела она. — Я точно помню, что вчера положила деньги в кошелек!

На душе было гадко. На душе было мерзко. И хуже всего то, что на меня никто даже не подумал. Я выложил на середину стола фонарик, мармелад и посмотрел на отца. Тот недоуменно уставился на мои покупки. Мама подошла поближе.

— Откуда это у тебя? — спросила она, тыча пальцем в картонную коробочку.

— Из магазина, — сказал я очевидное, — это я деньги взял, зря ты отца ругаешь.

Вид у мамы сразу стал беспомощный. Весь пыл, все желание ругаться, пропало, исчезло без следа. Она тяжело опустилась на табурет, прижала к себе лопатку и молча уставилась на

меня. Мы с отцом тоже молчали. Пауза эта грозила затянуться. Только от плиты явственно потянуло дымком. Почуял это не только я. Отец принюхался:

— Надюш, у нас там котлеты горят.

Мать встрепенулась.

— Ох ты ж, — она вскочила, бросилась к плите и принялась спасать обед. Мне же бросила через плечо: — Рассказывай, с чего на тебя вдруг нашла такая блажь. И сдачу отдать не забудь.

Я сел на свободный табурет и честно соврал, стараясь не вдаваться в подробности:

— Нет сдачи. Сын у вас — растяпа. Пятерку я потерял.

— Как потерял? — Не понял отец.

Я для наглядности пожал плечами.

— Не знаю. Дома взял, а в магазине не нашел.

— А брал зачем? — заинтересовался он.

Я решил зайти издалека. Кивнул на окно и поведал:

— Я фонарик разбил.

Отец усмехнулся и посмотрел туда же.

— Это я уже видел, — сказал он. — Как только умудрился? Жучки неубиваемые!

Я снова пожал плечами.

— Уронил.

— Это конечно хорошо!

Мать сняла последние котлеты со сковороды, загасила газ, вымыла руки и уселась на свой табурет. В ней снова проснулся боевой дух.

— Жучки, фонарики, это замечательно. Ты почему деньги взял без спроса?

С толку ее сбить было сложно. Поэтому пришлось отвечать.

— Вас дома не было, а я решил в магазин сходить. Продукты купить и фонарик заодно... Сначала взял рубль. Потом побоялся, что денег не хватит, и взял еще пять. И в кармане еще мелочь была...

Мама неожиданно успокоилась. Голос ее стал ироничным:

— Смотрите, какой хозяйственный выискался. За продуктами он решил сходить! Ага, как же, так я и поверила. Когда надо идти, не выгонишь, а тут вдруг сам побежал! Так и скажи, за фонариком пошел, а, чтобы нас хоть немного умаслить, решил еды купить. Умник!

Она усмехнулась.

— Ладно, хорошо, что признался. А то я отца чуть не заклевала.

Батя тут же взвился:

— Я же говорил, не я!

— Не ты, не ты, — она подошла к нему и обняла руками за шею. А потом сказала мне: — Ладно, добытчик, переодевайся, мой руки и за стол. Обедать будем. И Ирочку позови.

Котлеты были из кулинарии. Те самые, по одиннадцать копеек. К ним мама сделала пюре. Отец настрогал салат из помидоров с луком. Я нарезал пластиками мармелад и разложил на белом хлебе. Разлили по чашкам чай. Стол был готов. Только Ирка отказалась идти. У нее Тимур, почти победил Мишку Квакина. Ей было не до обеда. Мать для порядка поворчала, но загонять ее силком не стала.

Ели молча. Про деньги мне больше никто не напоминал. Только после обеда, собирая со стола грязные тарелки, мама вдруг задержалась возле меня и бросила между прочим:

— Кстати, ты, помнится, очень хотел сходить за продуктами?

Я едва не поперхнулся хлебом с мармеладом. Собирался? Вот еще... Начало мне не понравилось.

— Хотел-хотел, — подтвердил батя.

Мама обрадовалась поддержке.

— Так вот, немного отдохни и дуй в магазин. Хлеб и молоко сами себя не принесут. А я тебе список напишу, чтобы не вышло, как в прошлый раз с рынком.

Я вздохнул, куда деваться? Сам напросился. Потом встал, по холостяцкой привычке прихватил с собой чай и блюдце с бутербродом. Хотел завалиться в постель с книженцией, но не успел.

— Олег! — гневно окликнула мать. — Ты куда это еду потащил?

Я резко притормозил. Вот черт, за эти годы совсем забыл, что в нашей семье на подобное всегда было табу.

— Есть надо за столом! — сказала она наставительно. — Сначала доешь, потом иди отдыхать. Совсем разбаловался. Куда только отец смотрит?

Батя тут же развел руками. Весь вид его говорил: «А причем здесь я? Сижу, ем за столом, ничего никуда не тащу!»

Я усмехнулся, запихнул в рот остатки хлеба, залил их сверху чаем, прожевал. И тихо слинял. Спорить с матерью не хотелось. Мимо меня прошмыгнула Ирка и из вредности показала язык.

— Ира, мыть руки! — скомандовала мать.

Она нашла себе другой объект для воспитания

Свет в коридоре не горел. Отец убрался из кухни первым, шмыгнул в гостиную, улегся на диван. По телику начинались его любимые прыжки в воду. Значит, ему тоже будет не до меня. Это замечательно.

Возле зеркала я притормозил. Тень все еще была там. Далеко, на самой границе видимости. И она тоже меня заметила. Первой мыслью было, может, подождать до ночи, а потом протереть стекло, когда все лягут спать? Все равно из зеркала эта тварь вырваться не может. Все равно до ночи ничего не изменится.

Но следом пришло здравое: «Какого черта? Не стоит откладывать на потом то, что можно сделать сейчас». Я метнулся в спальню, вытащил из брюк тряпку, подаренную цыганкой и, сунув ее в карман, выглянул в коридор. Там по-прежнему было пусто.

Тогда я подошел к зеркалу почти вплотную, достал тряпку, развернул ее и приложил пеплом к стеклу. Рука предательски тряслась. Нервы у меня оказались не железные. В мозгу билась паническая мыслишка: «Вдруг ничего не выйдет? Вдруг все зря?»

Тень тут же ринулась вперед, мне навстречу. Пепел был для нее мучением. Пепел был для нее пыткой. От крика, от боли, от гнева стекло под моими пальцами завибрировало. Тварь с той стороны со всей дури врубилась в преграду. Потом еще и еще.

И тут я всерьез испугался, что стекло не выдержит, разобьется, разлетится на сотни осколков, вздрогнул и теранул тряпкой поверху. Тень дернулась и словно прилипла к стеклу.

Прилипла и замолкла. Я сделал еще движение. Куда увереннее, куда резче.

Цыганская магия сработала. Я словно стирал фантом с зеркальной глади. Методично, одну его часть за другой: голову, плечи, тело, руки, ноги. Каждое движение тряпки, как ластик, убирало из глубины черноту. Пепел с ткани не сыпался вниз. Он совершенно непонятно прилипал к стеклу, вспыхивал мириадами алых искорок, просачивался, уходил внутрь и растворялся в зазеркальном омуте.

Жаль, до самого низа дотереть мне не дали.

— Ты чего здесь застрял? — спросил из-за спины отец.

Я скомкал тряпицу и, выпрямляясь, сунул в карман. «Ничего, — пронеслось в голове, — ночью протру еще раз. Как следует, без спешки». Вслух же я сказал:

— Штаны где-то испачкал, почистить решил.

— А-а-а, — батя оглянулся на кухню, приложил палец к губам, поманил меня за собой и произнес практически беззвучно, — иди сюда.

Я, заинтригованный его таинственностью, пошел следом.

В телеке на вышку выходил очередной спортсмен. Батя не обратил на него ровным счетом никакого внимания. Это было странно. Он всю жизнь был фанатом прыжков в воду. Постоянно следил за соревнованиями. А тут такое необъяснимое безразличие.

Впрочем, скоро все разъяснилось. Он засунул руку в карман брюк, достал оттуда два рубля, украдкой сунул мне. Я тут же зажал ладонь.

— Матери только не говори, — прошептал он, — а то снова орать будет.

Я опешил. О чем не говорить? Но отец сам все прояснил.

— Пойдешь в магазин, и мне такой фонарик купи.

Я кивнул. Подошел к книжному шкафу, постоял выбирая, и вытащил для себя «Похитителей бриллиантов» Луи Буссенара. Потом подумал и заменил на «Айвенго». Пора было освежить в памяти матчасть. Пора было вспомнить, что за фрукт эта самая леди Ровена.

Я улегся на кровать открыл книгу, но вчитаться не успел. Как-то незаметно для себя задремал.

Разбудила меня мать. Просто взъерошила волосы и поцеловала в лоб.

— Эй, добытчик, — прошептала она с улыбкой, — вставай, пора в магазин идти. А то закроется все, останемся на завтрак без хлеба и молока. Чем я вас тогда кормить буду?

Я улыбнулся в ответ и перевернулся на бок. Книга лежала на полу. Фонарик кто-то принес и устроил на подоконнике. За окном заливисто лаял Юлька. Ирки слышно не было.

— А Иришка где? — спросил я с тревогой.

Мама слегка удивилась:

— С чего это вдруг такая забота? Когда это она тебя интересовала?

Я почувствовал досаду. Мать была совершенно права, никогда до сестры мне не было дела. Для меня она была вредной, мелкой, надоедливой обузой. Обязанностью, навязанной взрослыми.

Меня поняли без слов и не стали ждать ответа.

— За ней соседская Ирочка прибежала, позвала в гости. А сейчас вон во дворе пса дрессируют.

Мама похлопала рукой по постели.

— Вставай, не залеживайся. — И ушла.

Я поднялся и выглянул в окно. Счастливый пес подавал моей сестре лапы. То одну, то другую, по очереди. Рядом крутилась Ирка рыжая. Сосед курил чуть поодаль. Компания за столом привычно резалась в домино.

В Юльке я был отчего-то уверен. И в дяде Толе тоже.

Быстро переоделся и вышел в коридор. Возле зеркала вновь притормозил. Там было пусто. Внутри, в зазеркалье не осталось ничего, кроме моего отражения и куска коридора. Я подошел к стеклу в плотную, щелкнул отражение по носу и прошептал:

— Мы с тобой, парень, большие молодцы. Жаль только с остальными проблемами нельзя справиться так просто.

Глава 17. Драка

Список мать составила от души: четкий, ясный, разбитый на пункты с указанием массы и количества. В него я даже не стал вникать, просто сунул в карман рубашки по соседству к кисету. Туда же положил и очередные пять рублей.

— Надеюсь, — проворчала мама, впрочем, без особого недовольства, — в этот раз ты деньги до магазина сможешь донести. И мне не придется отправлять тебя еще раз.

— Тоже надеюсь, — согласился я, застегивая на кармане пуговицу.

Мать оглядела меня со всех сторон, осталась довольна и резюмировала:

— Все, ступай. Постарайся не загуляться.

— Клянусь! — Торжественно пообещал я.

И шмыгнул в дверь, не дожидаясь продолжения напутствий.

У Юльки выдался на редкость удачный день. Сегодня к нему прикрепили целых двух няnek. Азартных, неугомонных, веселых.

Я чуть задержался на крыльце, посмотрел, как девчонки с восторгом кидают псу мячик, как тот, с не меньшим восторгом, летит его догонять. Понял, что и сам бы не отказаться запулить пару раз, благо ситуация вполне подходящая. Но в итоге вмешиваться в игру не стал. Там я точно был четвертый лишний. Кивнул дяде Толе и пошел в сторону гаражей.

Доминошники, естественно, меня заметили сразу.

— В библиотеку? — Поинтересовался ехидный.

— Нет, — сказал я, демонстрируя ему сумку, — на этот раз в магазин.

— Дело нужное, — согласился тот и потерял ко мне интерес.

Возле гаражей никого не было, чему я не слишком расстроился. Мне сейчас компания совсем не нужна. Хотелось побыть одному.

Я не мог дождаться ночи, чтобы основательно, от души, протереть тряпкой зеркало. Чтобы обезопасить себя хотя бы следующий день. А там уже и суббота. Тогда все решится. Даст Бог, или кто там закинул меня сюда, все обойдется без эксцессов.

В это очень хотелось верить. Очень. Правда, выходило плохо. Тревога занозой сидела в

мозгу. Я постарался отрешиться от нее, избежать, изгнать. Просто перестал думать о плохом.

На пустыре пели цикады. Хором, дружно, звонко. Жутко захотелось, как в детстве, выдернуть травинку, откусить мягкий сладкий кончик, зажать ее между зубами... Я протянул руку к ковылю и тут же отдернул. По травинке полз жук пожарник по своим букашечьим делам. Мне стало жалко ему мешать. Пусть ползет.

До оврага я не дошел шагов пять. Оттуда как раз выбирался парень, по возрасту примерно такой же, как и я. Худой, длиннорукий, жилистый. Была в нем какая-то нервозная решимость. Из-за чего сразу захотелось обойти его стороной. Увидел меня, секунда сомнения, потом в глазах его блеснуло узнавание. На лицо напозла глумливая ухмылка.

Он картинно раскинул руки и произнес, растягивая слова:

— Кого я вижу! Не иначе тот самый курортник!

Тот самый? Что за хрень? Этого парня я видел впервые. И точно ничем ему не успел насолить.

Следом за первым из оврага показался второй: куда ниже ростом, коренастый, патлатый, сосредоточенный. Он понравился мне еще меньше.

Как там говорил Сунь Цзы? «Лучшее сражение — то, которое не состоялось»? Жаль спорить с великим человеком, но жизнь постоянно доказывала мне обратное. Особенно когда расклад не в мою пользу. Эти двое шли драться. И бить они собирались именно меня. За что? Дело десятое. Это можно выяснить и позже. А пока...

Пока я выпустил из ладони сложенную сумку и сделал два шага вперед, так чтобы овраг оказался у тощего практически за спиной. Тем более, что патлатый остановился чуть в сторонке, засунул руки в карманы и в разборки пока не вмешивался.

Тощий еще ничего не понял. Он был уверен в численном превосходстве.

— Ну что, курортник? — Спросил он с усмешкой. — Каяться будешь?

— В чем? — ответил я вопросом на вопрос.

— Значит, не будешь. — Верно понял парень.

Он двинулся вперед и показательно схватил меня за грудки. Он будто читал мои мысли и действовал по плану. По моему плану. Был бы умным, сначала ударил бы. А так... Глупость надо лечить. Я, словно ненароком качнулся вперед и сделал шаг, приближаясь к противнику вплотную, заставляя его отступить. Ну все, овраг ровнехонько за спиной. Остальное дело техники. И я резко ударил его в стигбы локтей обеими ладонями. Без жалости, со всей силы. Жалеть противника в драке полнейшая дурь.

Так и бывает всегда, время словно замедлило ход. Я успел уловить, как разжались его кулаки, как он начал заваливаться на колени, как в глазах его мелькнуло изумление... Осталось только добавить ускорения коленом в челюсть. Так тому и быть. Тощий беззвучно завалился спиной в овраг.

«Ты сам напросился, пацан!» — промелькнуло у меня в голове, я резко обернулся ко второму и сразу сделал шаг вбок, подальше от пустоты. Улететь вслед за поверженным противником не хотелось.

Патлатый оказался умнее или осторожнее, с какой стороны посмотреть. Ни болтать не выпендриваться не стал. Молча бросился на меня, наклонив вперед голову, словно хотел забодать. В руке у него был зажат жучок.

Я напрягся, решив отклониться в сторону, дать ему чуть пролететь мимо, подставить подножку. Но в последний момент он вдруг поднял лицо. У меня сработал рефлекс. Я

встретил его простым девчоночьим приемом — пятой открытой ладони в нос. Снизу-вверх.

И парень послушно прилетел на этот удар. Сам. Как мотылек на огонь. Ноги все еще несли его вперед. А голова уже качнулась в противоположном направлении. Он взмахнул руками, случайно залепил мне фонариком по зубам и завалился назад. Навзничь. На спину. В траву.

Я мысленно перекрестился, что не на асфальт. Чуть отошел в сторону и стал ждать. Удар был довольно безобидный, но очень болезненный. Я точно знал, что пацан лежит сейчас там, в зарослях, захлебываясь слезами и, если природа наградила его слабым носом, пуская кровавые пузыри.

Из оврага, тихонько стелая, вылез тощий. Я тут же обернулся к нему. Он опустился на траву прямо там, на краю, старательно наглаживая голеностоп. В глазах его застыли укор и обида. Лицо было живописно расцарапано. Других повреждений я не заметил.

В траве зашевелился его друг и, хлюпая носом, тяжело уселся. На этом сражение и закончилось. Сунь Цзы вполне мог бы мною гордиться.

Чуть позже, когда схлынул адреналин, из меня словно вынули стержень, я опустился на траву. Тогда патлатый спросил:

— Парень, ты кто?

Безумно захотелось дуркануть и изречь нетленное:

— Бонд, Джеймс Бонд.

Но я остался сидеть, свесив ладони меж колен, и перефразировал:

— Олег, просто Олег.

Моей иронии не поняли.

— Олег, — сказал патлатый серьезно, — если вдруг мне в голову опять придет идея бить тебе морду, напомни, чтобы я не делал такой глупости.

— Напомню, — так же серьезно ответил я. — Я и сам не люблю драться.

Тощий тут же прекратил страдать, отпустил ногу, и они уставились на меня в четыре изумленных глаза. Напряжение ушло без следа. Но долго игра в гляделки не продолжилась, мы дружно, как по команде заржали.

Смеялись долго, до изнеможения. Когда способность говорить вернулась, я, наконец, спросил:

— Ребят, а вы чего это вдруг решили меня побить?

Патлатый поморщился и нехотя ответил:

— Вика попросила.

Вика. Снова Вика. Куда не плюнь, везде она. Ох, чую от этого имени меня будет воротить всю оставшуюся жизнь.

— А вы всегда выполняете ее просьбы?

Патлатый изумленно вытаращился и ткнул в себя пальцем:

— Мы?! — Голос его звенел от возмущения.

И возмущение это было таким искренним, что я сразу в него поверил. Хотя от колкости не удержался:

— Ну не я же.

Патлатый задумчиво почесал затылок.

— Да черт его знает, как это вышло? Вообще-то мы с Викой не сильно дружим.

Здесь в разговор вмешался его друг:

— С ней вообще невозможно дружить! Она всех ребят в классе перессорила.

— Тогда зачем? — Меня переполняло недоумение.

Тощий сорвал травинку, засунул в рот, поморщился, словно та была горькой.

— Ревела она. Сказала, что ты ее ударил. — Он покосился на второго, ища поддержки. — А бить девчонок, это как-то неправильно совсем. Не по-мужски.

Тощий кивнул и поддакнул:

— Неправильно, даже если это Вика.

Вика... Ох уж это Вика. Чего ей только нейдет? Мне этого точно не понять. Я откинулся назад, оперся на вытянутые руки, задрал лицо к небу и прищурился, уставившись в бездонную синь. Отчего-то болела ладонь. Ныло плечо. Саднила разбитая губа. Во рту угнездился металлический привкус крови. Болел передний зуб. Я осторожно пощупал его языком. Не качается, вроде. Хоть здесь повезло.

Надо мной, едва не касаясь крыльями, проскользнула огромная голубая стрекоза. Одурающе пахло травами. Я набрал полную грудь этого настоящего на южном лете воздуха, задержал на миг дыхание, а потом проговорил:

— Ребята, я не сильно вас удивлю, если скажу, что она вам соврала?

И снова сел прямо. По их лицам стало понятно, что не очень. Я усмехнулся. Тощий возмущенно сжимал-разжимал кулаки. О чем он сейчас думал, было ясно и без слов.

— Девочек бить неправильно, — напомнил я.

— Так это ж не девчонка, это ж Вика — законченная дрянь.

— А мы с тобой законченные идиоты, — со вздохом резюмировал патлаты. И тут же добавил, уставившись на меня просительно: — Слушай, Олег, ты это, не злись на нас. Мы правда, хотели, как лучше.

Про себя я продолжил его мысль: «А вышло, как всегда»... В слух же сказал:

— Да понял. Не злюсь. Давайте, что ли, знакомиться?

Патлаты первым протянул руку.

— Димон, — и тут же поправился, — Дима.

Я его руку пожал.

— Паша, — отозвался тощий, не ставая с травы. Он все еще тер подвернутую лодыжку.

Я кивнул. Потом поднялся, оглядел штаны, отряхнул, как мог. Уже сейчас было понятно, что их придется стирать. И это ужасно не понравится матери. Потом посмотрел на рубашку и остолбенел — пуговица на кармашке оказалась вырвана с мясом. В самом кармане было пусто. Куда подевались кисет, деньги и список, я не имел ни малейшего представления.

Это было похоже на злой рок. И магазин, и рынок, казались заколдованными. Мой каждый поход туда оканчивался какой-то хренью. И, если объяснение с матерью просто грозило перерасти в обычный скандал, то как быть с тенью? Что делать с ней?

— Черт, — процедил я обескураженно, — что же делать?

Я беспомощно огляделся. Как тут что-то найти? Трава местами доходила до пояса. Если все повывадало где-то здесь, искать это придется до морковкиного заговения. Та еще перспективка.

— Черт!

— Потерял чего? — забеспокоился Димон.

— Деньги, список, — ответил я, — мать в магазин послала.

Он задумчиво почесал затылок.

— А где лежали?

— Здесь!

Я прижал пятерню к груди. И совсем потеряно добавил:

— Еще такой кожаный мешочек на шнурке.

— Этот?

Спросил Пашок и поднял что-то с травы двумя пальцами. Мне словно камень сняли с плеч.

— Он!

— Лови.

Кисет полетел ко мне и приземлился почти у самых ног. Я поднял и тут же засунул его в брючный карман поверху затолкав цыганскую тряпицу. Чтобы наверняка, чтобы больше точно не выпал.

Димон тоже встал на ноги.

— Пойдем, — сказал он, — поищем.

И первым двинулся к оврагу.

Наверное, высшие силы сегодня были на моей стороне. Искать почти не пришлось. Пятерка лежала на самом видном месте. Список нашелся внизу в овраге. Заметно его было издалека. Осталось только спуститься и побрать.

Мосток мы преодолели дружно, гуськом. Димон шел первым, я замыкающим. Между нами, слегка подхрамывая, шагал Пашок. Затем они потащились со мной к магазину. Только меня это больше не напрягало. От них не исходила угроза. Лишь любопытство с примесью восхищения.

Внутри они не пошли, остались ждать снаружи, оседлали низенький заборчик вокруг палисадника.

В сельпо было пусто. За кассой стояла знакомая продавщица. Меня она узнала сразу и добродушно поприветствовала:

— О, старый знакомый! Зачем на этот раз пожаловал?

Я подошел почти вплотную к прилавку, выложил отцовских два рубля и тихо спросил:

— Можно мне еще один фонарик?

Женщина посмотрела на меня с изумлением. Отметила изгвазданные штаны, рубашку, разбитую губу. Спросила:

— Зачем? Неужто и этот разбил? Или отняли? Так тебя из-за него что ли... — Вдруг встрепенулась она и расстроилась.

Я поспешил ее успокоить, помотал головой.

— Нет, что вы, все не так плохо. Батя просил. Если есть.

Она усмехнулась.

— Что с тобой сделаешь, еще один дам, но больше не проси. Дома хоть не попало?

— Нет, — опять ответил я, — пронесло. Попало позже...

На этот раз не пришлось ни лукавить, ни лгать.

По списку матери нашлось практически все. Правда, и дефицита особого в нем не было.

Магазин я покинул с двумя полными сумками. Пацаны с забора перебазировались на ступеньки. Едва завидев меня, Димон предложил:

— Пойдешь завтра утром с нами в порт, нырять с волнореза?

И мне вдруг так захотелось просто побыть пацаном. Просто прожить эти каникулы, сделать их такими, как раньше, сорок лет назад.

— Пойду, — сказал я. — А куда?

— Здесь, недалеко, в порту.

Они поднялись со ступенек. Пашок протянул мне руку, и я ее пожал.

— Тогда завтра в десять встречаемся здесь, — сказал он.

И мы распрощались.

Домой я добрался без приключений. Толкнул дверь в квартиру — не заперто. Незамеченным просочился в коридор, оставил у двери сумки, сбросил кеды и метнулся к зеркалу. Тень мне сейчас была не интересна. Да ее внутри и не было. Волновало совсем другое.

Саднила разбитая губа. Я глянул на свое отражение и облегченно вздохнул. К счастью, ничего кошмарного не произошло — не было синяков, не было больших ссадин. Только трещина на нижней губе... Так, ерунда. Мелочь, которая заживет быстро. Главное, чтобы мама не устроила сейчас плач Ярославны. И я загадал про себя, ровно так, как делал в детстве: «Пусть пронесет!»

Не пронесло. Мать заметила все и сразу и губу, и подраную рубашку, и грязные брюки.

— Олежка, — всплеснула она руками, — что это? Что с тобой?

Я попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой. Ранка на губе сразу лопнула, начала сочиться.

— Споткнулся, мам, упал. Нечаянно ударился лицом о камень.

— Знаем мы эти камни, — рассмеялся отец, выходя из гостиной, и показал кулак. — Случайно, не такого размера?

Мать возмутилась:

— Саша, что ты такое говоришь? Наш Олежка...

Она не договорила. Отцу врать не хотелось, и я кивнул. Мать ахнула.

— Олег! Ты что, подрался?

Я, на всякий случай пожал плечами. Мол, думай, как хочешь.

— Так, мать, — строго сказал батя, — выйди отсюда. У нас мужской разговор.

Удивительно, но мама послушалась и ушла в гостиную, оставив нас вдвоем.

Отец посмотрел мне в глаза, указал на кухню. Там уселся у двери, оставив свободным табурет возле окна.

— Садись.

Я послушно сел. И мы оказались по разные стороны стола.

Он молчал. Я тоже. Только чувствовал себя ужасно неуютно. Давно забытое детское ощущение, словно находишься под рентгеном, словно тебя просвечивают насквозь. Интересно, как ему это только всегда удавалось?

— За дело дрался? — Наконец спросил он.

Я покачал головой. Когда тебе ни за что пытаются набить морду, разве это за дело?

— Тааак... — Он побарабанил пальцами по столешнице. — Первым начал ты?

Я снова покачал головой. Отец приободрился.

— Проблемы будут?

На это раз возникла заминка. Как ответить? Кто его знает, что за люди эти Пашка и Димон? Вроде нормальные ребята... И я снова покачал головой.

— И то хлеб, — отец повеселел. Потом протянул через стол руку и приказал: — Ну-ка, дай, гляну.

Я приблизил к нему лицо. Он ухватил мой подбородок, повертел голову туда-сюда, любуясь рассеченной губой, и резюмировал: — Ерунда, до свадьбы заживет.

Словно я сам не знал. На этом допрос и завершился.

— Мать, я все, можешь жалеть! — Прокричал и батя и, похлопав меня мимоходом по плечу, ушел к телевизору.

Глава 18. Рокировка

— Горе ты мое, — причитала мама, тщательно намазывая ранку йодом, и дуя на нее в промежутках между фразами, — почему ты такой непутевый? В кого только уродился, не пойму? Тебя одного из дома выпустить нельзя. То банку разобьешь, то деньги потеряешь... А теперь вот, еще и в драку ввязался!

Я сидел, молчал и терпел. Что тут скажешь? Мне и самому было понятно, что с момента возвращения все идет не так. Судьба закручивает совсем иной сюжет.

Как говорил один мой знакомый: «Провидение не терпит пустоты. Если тебе написано на роду хлебнуть горя, ты его получишь. Вопрос как? Целиком, за раз, одним шматком. Или часто, дробно, кусочками». Я поразмыслил и решил, пусть лучше будет как сейчас, в нарезку. Одним шматком я уже пробовал. И, честно скажу, мне совсем не понравилось.

Йодом я был полит от души. Мать закрутила пузырек, поколебалась, прикидывая не налепить ли мне на личико пластырь. К счастью для меня, не придумала, как это сделать, вздохнула и приступила ко второй части марлезонского балета — принялась кормить.

Тут я был совсем не против. Тем более, что на ужин женская половина нашей семьи настряпала жареных пирожков со шкварками и картошкой. Вкуснейших, просто обалденных, с хрустящей корочкой. В меня влезло пять. Я был готов засунуть в желудок и шестой, но откровенно побоялся переборщить.

А потом пили чай с остатками мармелада, болтали ни о чем. Пока в девять из гостиной не заиграла знакомая музыка и отец убежал смотреть программу «Время». Мы с мамой собрали грязную посуду и сложили мойку. На плиту поставили кастрюльку с водой. Я слинять не успел, как мать вдруг задала неудобный вопрос:

— Как у тебя там с этой девочкой?

Я потрогал губу изнутри языком. Как-как? Хреново! Матери же сказал:

— Не знаю, мам. Я ее сегодня не видел.

Она наклонила голову на бок, задумалась и вдруг спросила:

— Это тебя из-за нее побили?

Я аж поперхнулся, вот что тут сказать? Благо она сама все поняла и дальше пытаться не стала.

— Ладно-ладно, иди. — Мама пощупала воду в кастрюльке и достала алюминиевый тазик. — А то я тебя совсем заболтала.

Я чмокнул ее в щеку и быстренько слинял.

После «Времени» показывали «Пропавшую экспедицию». Я присел рядом с отцом не время, переждать материнский интерес к собственной персоне, но неожиданно оказался затянут в водоворот сюжета.

Так и хотелось сказать банальное: «Умели же в советское время снимать! Не то, что сейчас». Я тихонечко хмыкнул. «Сейчас» у меня осталось в прошлом. Такой вот временной парадокс.

На экране невозможно юная героиня Евгении Симоновой смотрела влюбленными глазами на Александра Кайдановского. Я мельком глянул на Ирку, ее взгляд был ничуть не менее влюбленным. Отчего-то вспомнилось, как все девчонки в нашем классе сходили с ума по этому актеру.

Мне же сейчас в фильме куда больше понравился Николай Гринько. Странно, но помнил я его в основном по «Электронику» и «Буратино». Об этой его роли раньше не вспоминал вовсе. Интересно меняется с возрастом восприятие.

После фильма Ирку загнали спать. Мать шуршала на кухне. Мы с отцом остались вдвоем, и я ему по-партизански, украдкой, вручил долгожданный фонарик. Потом пришла уставшая мама, выключила телевизор, и меня из гостиной выперли.

Я перебрался на кухню с многострадальным «Айвенго», в котором не смог прочитать и десяти страниц. Текст плыл перед глазами. Буквы не складывались в слова. Все мысли были заняты ожиданием момента, когда все уснут.

Наконец, случилось и это. Я запалил в коридоре свет, вытащил из кармана полотно и подошел к зеркалу. Там было пусто. Ни посторонних теней, ни прочей нечисти. Все, как положено приличному зеркалу. Одни отражения реальности. Той, которая здесь и сейчас. Ничего потустороннего.

Я приложил тряпку к стеклу и... Как там говорил глубокоуважаемый Леонид Ильич? С чувством глубокого удовлетворения принялся стирать свои страхи. Саму память о них. Малейший намек. Нахрен. Все нахрен. Пусть не останется ни следа.

Удастся мне в этом доме хоть раз нормально выспаться? Вопрос был риторическим. Кроме себя самого задать его попросту некому. Меня словно что-то толкнуло во сне, и я открыл глаза. Сердце бешено стучало в груди. Ночь. Темно. Рассвета еще не видать.

Иркина кровать была пуста. Жутко захотелось заорать: «Опять? Ну сколько можно!»

Я на корню прибил это желание, откинул одеяло осторожно опустил ноги на пол, стараясь опираться только на край кровати, чтобы, не дай Бог, не скрипнула предательская сетка. В голове промелькнул новая мысль: «Как только Ирке удастся встать беззвучно?» Мелькнула и исчезла.

Рука нащупала под подушкой фонарик. Я взял его на изготовку и тенью выскользнул в коридор.

На миг от удивления опешил — перед зеркалом не было никого. В нем тоже. А где же Ирка? Куда подевалась? Взгляд заметался по коридору и тут же нашел искомое.

Сестренка стояла возле двери, нагнувшись к замку. Что она там делала, я не понял и

разбираться самостоятельно не стал. Хватит выставлять себя дураком! На это раз поступил иначе. Оставил разборки родителям.

Я крадучись скользнул вдоль стены, беззвучно отворил дверь в родительскую спальню и подошел к дивану. Ну, Господи, помоги.

К счастью, отец спал с краю. Я склонился над ним и тронул за плечо. Проснулся он сразу. Открыл глаза, сонно заморгал. Что происходит, пока не понял.

Я горячо зашептал:

— Папа, тихо! Не говори ничего. Пойдем за мной.

Лицо его приняло удивленное выражение, он попытался возразить, но я не дал:

— Прощу тебя, не шуми. Просто пошли. Быстрее.

— Ну хорошо, хорошо, — еле слышно проворчал отец.

Мать что-то пробурчала и отвернулась лицом к стене. Батя свесил с кровати ноги, впотьмах машинально попытался нащупать тапки, не нашел и пошлепал за мной боссяком, шумно зевая на ходу. Каждый звук казался мне невероятно громким. Каждый шорох отдавался в ушах набатом. Мы выглянули в коридор. Сначала я, из-за моей спины отец. Он зашептал тревожно:

— Олег что случилось.

Я пригляделся. Ирка была на месте. Даже позы не сменила.

— Смотри, — громким шепотом ответил я и включил фонарик.

Свет залил коридор. Он был не слишком ярким. Но после крошечной тьмы казался сиянием софитов. Я ожидал чего угодно: шума, испуга, плача. Но Ирка даже не вздрогнула. Не сдвинулась с места. Не изменила позы. Батя на миг растерялся, замер.

— Что происходит? — спросил он удивленно.

— Не знаю, — ответил я. — Но это не первый раз. До этого она зачем-то терла зеркало. Помнишь?

Я глянул на него. Вид у отца тут же сделался виноватый. Ему стало стыдно, что мне тогда не поверили. Он кивнул. Потом отодвинул меня с дороги, отстранил.

— погоди, сынок. Дай я посмотрю...

Он пошел к запертой двери. Я так и остался стоять в проеме их с матерью спальни. И твердо решил никуда не лезть. Пусть сам во всем убедится.

Сзади кто-то тронул меня за плечо. От неожиданности я вздрогнул и обернулся, потеряв из вида коридор. Передо мной стояла заспанная мама. Я нечаянно осветил ее фонариком с ног до головы. Она тут же заморгала и заслонилась ладонью.

— Олег, — голос ее прозвучал раздраженно, — не свети мне в лицо. И вообще, что у вас тут происходит.

Я поспешно опустил фонарь.

— Прости, мама, я не специально.

— Олег!

Это уже возглас бати.

— Верни свет. А еще лучше включи люстру.

— Сейчас.

Я метнулся к кухне и шлепнул по клавише выключателя. Сразу стало светло. Сразу

стало все видно. Как только зажегся свет, Ирка выпрямилась и застыла столбом. Глаза у нее были открыты. Взгляд неподвижный, стеклянный, невидящий. Губы плотно сжаты, брови нахмурены. Руки безвольно опущены вниз. Из пальцев ее что-то выпало и звякнуло о пол.

Интересно, что? Неужели ключ? Что там говорила цыганка? Тень не вырвется из зеркала, если никто не откроет дверь? Вот же бл**ство! Я машинально выключил фонарик и рванул к отцу. Надо было отобрать ключ, испортить его, пока Ирка не добралась до него снова.

Но меня опять отодвинули. На этот раз мама.

— Ира? — Воскликнула она. — Саша? Что все это значит.

Батя в ответ лишь пожал плечами.

— Понятия не имею, — ответил он. — Иришка зачем-то ковыряла в замке. Вот этим!

Он поднял с пола какой-то предмет. Мать пошла к ним. Я за ней следом. Из-за ее спины я никак не мог разглядеть, что именно держит в руках батя. Оказалось, не ключ.

— Что это?

Отец протянул свою находку вперед, а мама перехватила.

— Это мое. — Сказала она. — Из маникюрного набора. Не знаю, как называется. Я еще вчера днем гадала, куда могло деться.

Тут Ирка молча развернулась, протиснулась между родителями и шмыгнула в нашу спальню. Мы ринулись за ней. В комнате она проворно забралась под одеяло, легла и словно уснула.

Я включил свет.

Ира открыла глаза и принялась тереть их кулаками. Вид у нее стал обиженный.

— В прошлый раз было так же, — не преминул заметить я. — Только вы мне не поверили.

Мама виновато на меня посмотрела:

— Прости, Олег. Я решила, что тебе все приснилось.

Батя молча нащупал мою руку и пожал. Стало понятно и без слов, что он тоже извиняется.

— Извинения принимаются, — машинально отрапортовал я, — только следующий раз постарайтесь меня хотя бы дослушать.

И тут же прикусил язык. Не так должен говорить с мамой и папой обычный советский школьник Олег Ковалев. Но что-то менять было уже поздно.

— Мы постараемся, сын. — Сказал отец.

Взгляд его стал озадаченным и... уважительным, что ли.

— Что случилось? — капризно спросила Иришка, чем вернула всех в нужную колею.

— Ты у нас, доча, — усмехнулся батя, — похоже, лунатик. Тебя снова выловили в коридоре.

Ирка уселась на кровати, натянув одеяло до подбородка. Подогнула под себя ноги и от души зевнула. Все замолкли. Меньше всего она сейчас походила на странную сомнамбулу, орудующую отмычкой в замке.

— А что такое, лунатик? — спросила она.

— Так, все!

Мать словно очухалась, взяла бразды правления в свои руки.

— Отец, — скомандовала она, — ты спишь в комнате Олега на месте Иринки.

Батя сжуксился, но спорить не рискнул.

Мать же обратила взор к Иришке.

— Ира, пойдешь со мной, будешь спать в гостиной. На диване, у стенки. Не хватало еще чтобы ты ночью ушла куда-нибудь. Лунатизм — штука опасная. С ним не шутят.

Я облегченно вздохнул. С души словно сняли камень. Остаток этой и следующую ночь я мог наконец-то спать спокойно. Мне не нужно было следить за сестрой. А еще мне поверили. Больше не считали мои рассказы бредом, ложью или ночным кошмаром. Больше не пытались убедить меня, что все причудилось. И это было здорово.

Мою эйфорию опять прервала мать.

— Так! — Возмутилась она. — Чего встали? Два часа ночи. Всем спать. Ира, пойдём!

Она протянула сестренке руку.

Мы с отцом гуськом выбрались в коридор. Я проследил, как мать завела Иришку в спальню, как притворила дверь. Будь моя воля, я бы запер их обеих на замок, а ключ куда-нибудь спрял до воскресенья. Только замка на двери гостиной не было. Ну ничего. С сестрой теперь мама. А мама куда надежнее любых замков.

Утром меня поднял будильник. Я совершенно успел забыть о нем. Поэтому не сразу понял, откуда раздается звон. Помог отец.

— Олег, — громко прошипел он, — отключи эту какофонию! Дай поспать. Сил моих нет слушать звон.

Я спросонок пошлепал ладонью по полу, нащупал орущего паразита и опустил рычажок. Сразу стало тихо.

— Прости, пап, — проговорил я и, проклиная себя за опрометчивое обещание, данное ребятам. — Я сейчас уйду.

Но он меня уже не слушал. С Иркиной кровати раздавался приглушенный храп. Я усмехнулся. Будильник он, значит, слышать не может, а как храпеть всю ночь, так ничего! Эта мысль меня взбодрила и пробудила окончательно.

Я прихватил полотенце, плавки, одежду и выскользнул в коридор. Зеркало порадовало своей пустотой. Вот и ладошки. Вот чудесно! Ай да я! Полотенце тут же было залихватски закинуто на плечо, я развернулся в сторону кухни и... наткнулся на мать.

Вид у нее был самый, что ни на есть, решительный. Брови нахмурены, руки в боки.

— Ты куда это собрался? — грозно спросила она.

Меня это неожиданно умилило. В маме проснулась насадка. Она решила нянькать не только Ирку, но и меня. Я подошел к ней вплотную и, не выпуская из рук тряпки, обнял за плечи. Прижался щекой.

— Мам, — прошептал я ей на ухо, — ну ты чего? Я всего лишь купаться. Мы со вчерашними ребятами договорились сходить на волнорез.

Успокоил, как же. Лучше бы что другое придумал.

— Со вчерашними? — Она встревожилась пуще прежнего. — С теми, которые тебя избили?

Так уж и избили. Я вспомнил поверженных врагов и не без довольства улыбнулся.

— Скажешь тоже, избили.

Потом выпустил мать из объятий и отошел на шаг, чтобы видеть ее лицо.

— Ты не переживай. Мы все выяснили. Их Вика обманула. А ребята они хорошие.

Наверное, я был убедительным. Мама сразу оттаяла.

— Ты меня не обманываешь? — с надеждой спросила она.

— Ну мам, — я для пущей выразительности прижал к груди плавки, — вот честное слово, не вру.

Я был абсолютно честен.

— Ну ладно, — сдалась она, — пойдем, я тебя хоть накормлю.

С трудом подавив вздох, я кивнул. Теперь придется одеваться и бежать вниз. Пока мать хлопочет на кухне, альтернативный вариант отпадал. Ни у пусть. Ее внимание, ее забота, мне были невозможно приятны.

После завтрака меня задерживать не стали. Мать оправила на мне рубашку, чуть посетовала, что я взял все не глаженное, но отпустила, выдав на прощание целый рубль. Это было весьма кстати.

По лестнице я сбежал в припрыжку, пытаюсь что-то насвистывать на ходу. День грозил оказаться весьма удачным. Первым нормальным днем этих странных каникул. Настроение было прекрасным. Ненадолго. Стоило мне выйти из подъезда, как я увидел ее.

Вика ждала чуть поодаль, возле стола, где местные мужики коротали вечера. От ее вида стало невообразимо тошно. Умом я прекрасно понимал, что эта малолетняя срань играет мной, как кошка мышью. То выпустит коготки, то замурлычет. То ластится, то кусает. Что она уверена в своих действиях, в своей неотразимости. И настроение сразу упало.

Я хотел сделать вид, что не заметил ее. Хотел пройти мимо. Но Вика не оставила мне ни малейшего шанса.

— Сэр Олег! — позвала она. Голос ее был сладким, до приторности. Как у кошки, которая выпрашивает сметану. — Вы изволите обижаться?

Я остановился, обернулся к ней и тут же заметил изучающий взгляд, скользнувший по моему лицу. А следом разочарованную мину. Вика сюда пришла, полюбоваться на то, как меня отделали ее друзья.

— Изволю обижаться, — повторил я за ней. — И что? Тебя это удивляет?

Девчонка уже успела взять себя в руки. Вид приняла донельзя обиженный.

— Удивляет. — Подтвердила она.

Я пожал плечами.

— Я за тебя рад. Но это только твои проблемы.

— Мои? — маленькая стерва была безмерно удивлена. Так с ней еще никто не разговаривал.

Я не стал ждать, пока она придет в себя, обогнул стороной, свернул за угол и пошел вдоль гаражей. Очень надеялся, что в ней проснется гордость, что догонять не станет. Я ее опять недооценил. Вика не сдалась. Она желала добиться своего, во что бы то ни стало.

— Удивляет, — повторила девчонка, словно моих последних слов и не было, — твое бессердечие, твое хамство, твоя наглость, твоя жадность, твое нежелание пойти навстречу девушке, твое...

Это перечисление грозило затянуться надолго. Мне совсем не хотелось его выслушивать. Я резко развернулся, пропустил ее между собой и стенкой гаража, поддел плечом, а после пригвоздил ладонью к ржавой металлической поверхности. Держал я ее за

шею и вдруг осознал, что безумно хочу сжать пальцы, надавить так, чтобы придушить эту гадину. Не совсем, не до смерти, но чувствительно, чтобы раз и навсегда поняла. И сам себе поразился. Испугался своего желания. Никогда у меня не возникало такого чувства.

Вика тоже не на шутку испугалась, вцепилась в мою ладонь, попыталась ее от себя оторвать. Но очень быстро опомнилась, прижалась лопатками к стене, выпячивая вперед не по возрасту крупную грудь, выставляя ее на показ, вызывая покорно опустила руки вдоль тела. В глазах ее на миг блеснуло торжество. Она сменила тактику. Из обиженной девицы превратилась в беспомощную жертву. Так или иначе, но для нее я был рыбкой, попавшейся на приманку.

Меня же обуяла веселая злость, и я сказал:

— Какая же ты дура. Запомни раз и навсегда — ты мне не интересна.

На лице девчонки мелькнула растерянность.

— Ты тут мнишь себя леди Ровеной. — Голос мой стал совсем холодным. — Думаешь, что можешь крутить другими, как тебе вздумается? Так вот знай, никакая ты не леди, ты обычная маленькая лядь!

После этого отпустил, вытер ладонь о штаны, словно ненароком вляпался в дерьмо, развернулся и просто ушел, оставив стоять одну. Вика молча смотрела мне в спину. Казалось, что рубашка меж лопаток вот-вот задымится. А я подумал, что, к счастью, в этот раз губительной болезни по имени «Вика», сумел избежать.

Глава 19. Прогулка

Ребята меня уже успели заждать. На этот раз они устроились у тумбы с афишами. Я кинул туда взгляд и поморщился — гонки в шаре продолжали свои блистательные гастроли.

— Мы думали, ты не придешь. — Сказал Димон, поднимаясь навстречу и протягивая руку.

— Почему? — ответил я вопросом на вопрос, но, по правде говоря, не так уж сильно и удивился.

— Да так... — он улизнул от ответа.

Пашка протянул свою грабку небрежно, не вставая с забора. И решил поддержать разговор:

— Ты чего опоздал?

Я поморщился.

— Вику встретил...

Пашка задержал свою руку в моей. Спросил, на это раз с искренним любопытством:

— И что она?

Что тут скажешь?

— Ничего. Дура она, ваша Вика. С ней разговаривать бесполезно. Ничего не хочет понимать.

— Это точно. — Хохотнул Димон. — Она, как сюда переехала, всех ребят против себя настроила.

Тут пришел мой черед удивляться:

— Переехала? А она разве не местная?

Пашка пружинисто поднялся, задрал вверх руки и потянулся, разминая спину.

— Нет. Из Москвы она.

А Димон добавил:

— Отца ее сюда перевели. Говорят, он там большой шишкой был. К нам его понизили.

И тут же закруглил разговор:

— Ну, хватит о Вике. Айда, купаться.

Он выудил из-за тумбы старенькие лямпастые ласты и маску без трубки, обернулся ко мне и спросил:

— Ты нырять-то умеешь?

Хм, сложный вопрос. Пробовал когда-то. Лет сорок назад. Я про себя рассмеялся над своими мыслями. Вслух сказал:

— Не особо.

Пашок понимающе кивнул и хлопнул меня ладонью меж лопаток.

— Не бойсь, научим.

Я и не боялся.

Домой вернулся уже после двух. В квартире было тихо. Ключ ожидаемо нашелся под ковриком. На плите ждал обед — жаренка с котлетой. В банке на столе — компот. Рядом записка: «Никуда не убегай. Вечером пойдем гулять. Папа возьмет «Зенит». Чуть ниже приписано отцовской рукой: «Отпуск скоро пройдет, а у нас ни одной совместной фотографии».

С этим я было согласен. В прошлый раз действительно ни одной общей фотографии не вышло. Пусть хоть в этот будет. На память.

Я взял вилку, перенес банку с компотом на мойку и принялся есть прямо со сковороды, стоя. Жадно, с удовольствием. Нырание и утренний заплыв разожгли во мне зверский аппетит. Не спасла и вареная кукуруза, купленная по случаю на пляже.

Все оставленное матерью заглохло в мгновение ока. Грязную посуду я загрузил в мойку и озадачился тем, что давно пора было сделать — принялся искать молоток и гвозди. Твердо решил заколотить дверь, чтобы ни в чью дурную голову не пришла замечательная мысль, узнать, что там внутри. Сейчас для этого был самый подходящий момент.

Не знаю, как у кого, у нас дома все инструменты хранились в стенном шкафу в туалете. Мой дед такое добро держал на застекленной лоджии. Здесь оба варианта отпадали по причине полного отсутствия как санузла, так и балкона. Я почесал репу, и принялся методично обыскивать все шкафчики в кухне.

Мог бы и не стараться. Пусто! Пришлось перебираться в коридор. Здесь с потайными местами тоже было не густо. Разве что потолочная антресоль на перешейке перед кухней. Благо дверки у нее не запирались.

Я запалил в коридоре свет, принес табурет и полез наверх. Бинго! Все, что нужно для счастья настоящему мужчине, нашлось именно здесь.

Молоток сразу попался на глаза. Он лежал с самого края. А вот с гвоздями оказалась напряженка. Я перебрал целую кучу разного хлама, небрежно сваленного в коробку из-под обуви, пока сумел отковырять два приличных экземпляра — две сотки. Прямо скажем, не густо. Но на безрыбье и рак — рыба.

После гвозди сгрузил в карман, подхватил молоток и направился к двери. Мое отражение в зеркале показалось мне невозможно серьезным и хмурым. Я невольно усмехнулся, заметив его, но останавливаться не стал.

Первую сотку забил сквозь дверное полотно в притолоку наискосок. Вторую вниз, накрепко прибив злополучную дверь к деревянному порожку. Теоретически, хватило бы и одного гвоздя. Много ли сил у тощей девятилетней девчонки? Практически... Я забил бы и десять, если бы они были. По факту вышло два. И то хлеб.

Я, для успокоения души, подергал за дверную ручку и, вполне собой довольный, отправился на кухню на инспекцию холодильника. Жареной картошки мне совершенно точно было маловато.

В холодильнике нашлись сыр и масло. В хлебнице, что тоже не стало сюрпризом, лежал хлеб. Я соорудил себе пару бутербродов, налил холодного чаю и уселся на табурет, попутно размышляя, что делать дальше.

Дальше... Чем ближе становилось это дальше, тем сильнее оно меня пугало. Я попытался восстановить день X в подробностях. Что там было? Утро субботы я не помнил вовсе. Только то, что ходил с Викой купаться и пообещал отвести на гонки в шаре. Встретиться мы договорились в кафе-мороженное неподалеку. Вечером. А потом родители собрались в кино, и мне на шею повесили Ирку...

Тогда, сорок лет назад... Вечером в субботу.

Я допил чай, отставил чашку, поднялся и подошел к окну. Во дворе было удивительно пусто. У подъезда сидел толстый рыжий кот и лениво щурился на солнышке. Я поймал себя на том, что немного ему завидую. Вот у кого голова ни о чем не болит! Кот словно услышал меня, поднялся, потянулся и, степенно переставляя лапы, удалился прочь.

Я снова вздохнул и пошел в спальню. С твердым намерением наконец-то почитать. На полу возле кровати сиротливо лежал «Айвенго». От вида книги меня перекосило, как от зубной боли. Вот ничего не имел против замечательного творения Вальтера Скотта. Но сейчас у меня не было ни малейшего желания его читать.

Я подхватил томик и твердо решил его заменить на что-то другое. На что угодно, лишь бы без леди Ровены. Благо в гостиной книг предостаточно.

«Айвенго» отправился на свое законное место. Я пробежался глазами по разномастным переплетам и застыл. Вот! То, что надо. На этой полке было собрано все, что я когда-то обожал. Часть из этих вещей я перечитывал и позже, во взрослом возрасте, о некоторых напрочь забыл до сегодняшнего дня.

Рука сама открыла дверцу шкафа. Пальцы вздрагивая пробежались по корешкам. Понедельник начинается в субботу. Это, пожалуй, не сегодня. Сборник Крапивина... Эту книгу я даже достал. Открыл оглавление. Надо же, «Мальчик со шпагой»! Сколько теплых чувств рождает одно только название. Жаль, но сейчас это совсем не то, чего просит душа.

Книга вернулась на место, а я продолжил экскурсию в прошлое. Анатолий Алексин. «Третий в пятом ряду». Сомнений не осталось. Сегодня со мной ушла именно эта книга. Я улегся поверх покрывала на кровать и погрузился в щемящую историю Вани Белова.

Мои вернулись ближе к четырем. Я как раз отложил книгу и просто лежал, уставившись в облупленный потолок.

Мать с порога крикнула:

— Олег, ты не спишь?

— Не сплю.

Я поднялся и вышел. Батя как раз заносил на кухню сумки. Ирка расстегивала сандалии. Мама остановилась у зеркала и поправляла прическу.

— Сейчас быстренько сделаю омлет, — сказала она, не отвлекаясь от своего отражения, — перекусим и пойдем все вместе.

Ирка скинула обувь, разогнулась и скривила лицо:

— Омлет? Беееее...

— А что ты хочешь?

У матери сегодня было благодушное настроение, испортить его не могли никакие капризы.

Сестра тут же оживилась:

— Макароны с сахаром!

— Хорошо, — согласилась мама, — тебе сделаю макароны.

Она обернулась ко мне:

— А ты чего будешь?

— Все!

Я улыбнулся. Мама ответила тем же.

— У меня чудесный сын, — сказала она, — а если он не еще и поможет взбить яйца...

— Не вопрос!

Сегодня я был способен на любой подвиг. В моей голове внезапно родилась отличная идея. Меня вдруг осенило. Не нужно ждать часа икс, надо просто взять и сделать так, чтобы он никогда не наступил. Для этого достаточно затащить все семейство на чертовы «Гонки в шаре» сегодня! На день раньше. Для этого надо не выпускать Ирку из вида. Для этого много чего надо. Но мне это вполне по силам.

— Тогда иди на кухню. — сказала мама, юркнула в гостиную, в последний момент остановилась на пороге. — Я сейчас переоденусь и тоже приду.

И притворила дверь.

Тысячу лет не ел макароны с сахаром. Почему их только перестали готовить? Это же так вкусно!

Вареные макарошки стояли откинутыми в дуршлаг. Закипал чайник. В духовке пытел омлет. На сковороде скворчала карамель — сахар со сливочным маслом.

— Олег, — мама высыпала в нее макароны, пару раз перевернула и протянула мне ложку, — мешай как следует. А я пока накрою на стол.

Потом мы, не особо рассиживаясь, поели и расползлись по комнатам наряжаться.

Сколько мужчинам надо времени на сборы? Куда меньше, чем дамам. Уже через пять минут мы с батей были абсолютно готовы. Одинаковые, практически, как близнецы. Отличались только цветом рубашек. Да фотоаппаратом, что висел у отца на шее. Женская половина собиралась куда дольше. Но в конце концов была готова и она.

Часы показывали пять. На улице начинала спадать жара. В городе было на удивление многолюдно. Отец с азартом выбирал интересные места, живописно нас расставлял и

щелкал «Зенитом». Пару раз нашелся добровольец, согласный снять нас всех вместе. Мать тут же подгрестила батю под руку. Я встал рядом с ней. Отец притянул к себе и обнял за плечи Ирку. Что ж, теперь память точно останется.

Я бесконечно улыбался, вставал то слева, то справа, а сам выжидал удобный момент. Я твердо решил изменить сценарий судьбы. Пустить ее в другом направлении. Как только столь гениальная мысль не пришла мне раньше? Хотя... В этот раз я почти все делал не так, как тогда. Вдруг и это тоже поможет?

Наконец удобный момент настал. На обочине дороги, рядом с магазином показалась афишная тумба. Это было то, что надо!

Я остановился возле нее, тормознул разогнавшееся семейство и сказал:

— У меня для вас предложение.

— Какое? — тут же заинтересовалась мама.

Я выдержал небольшую паузу, ткнул пальцем в афишу и выдал:

— Давайте сходим на гонки в шаре. Там должно быть интересно.

И замер. Если сейчас все получится, если мое предложение примут, то изменится точка отсчета тех страшных событий, что еще не случились. Со страниц вечности в завтрашнем дне исчезнет тот самый момент, когда я потерял Ирку. Все будет совершенно иначе. Кто знает, вдруг именно это окажется панацеей? Лекарством от всех моих проблем?

Ирка тут же запрыгала от восторга и затараторила:

— Пойдем, пойдем, конечно, пойдем, ура!

Отец бросил на маму быстрый взгляд и осторожно сказал:

— Я тоже не против.

Мне сразу полегчало. Если в прошлый раз мы пришли сюда в субботу, а в этот на день раньше, это значит что? «А значит это, — ответил я сам себе, — что Ирка не сможет здесь завтра исчезнуть. Того завтра просто не будет. Не повторится оно. А другого я костыми лягу, но не допущу!»

Мама обошла тумбу по кругу и остановилось совсем у другой афиши.

— Ой, — сказала она, — а я на Пугачеву хочу. Говорят, чудесный фильм!

— Какой? — Батя даже расстроился. На Пугачеву ему совершенно явно не хотелось.

Мать расплылась в мечтательной улыбке.

— Женщина, которая поет. Мы как раз успеем на семичасовой.

Ирка тут же надула губы.

— Папочка, — заявила она, — а я не хочу в кино, я хочу на гонки!

— Олег, — мать глянула на меня с надеждой, — сходишь с Иришкой?

Я скрипнул зубами. Отчасти все повторялось. В другой день, в другое время, при иных обстоятельствах. Мне снова грозило остаться с Иринкой. Только в прошлый раз я бесился от разочарования, я был готов ее прибыть, послать ко всем чертям. Тогда мне сломали все планы, сунув под крыло эту мелюзгу. Я до сих пор помнил, что сказала Вика, увидев рядом со мной сестру. И от ее слов, от ее выражения лица мне тогда было невыразимо тошно.

— Фу, — процедила она, презрительно морща нос, — я думала, ты настоящий парень. А ты всего лишь нянька для этой сопли!

Нянька! Тогда, сорок лет назад это казалось настоящим оскорблением. Тогда, у меня не было противоядия от подобных слов. Тогда я увидел брезгливую гримасу на лице обожаемой девчонки. Тогда я разозлился. Не на Вику. Нет. На Ирку. Тогда я ей сказал:

— Как ты надоела мне. Я ненавижу тебя. Ты только и умеешь, что мешаться. Иди сзади.

И чтобы я тебя не видел.

Я просто наорал на нее. Я даже не заметил, когда она исчезла. Судьба совершенно недвусмысленно выполнила мое желание — больше я Ирку не увидел. Живой не увидел... Маленькое распластанное тельце, найденное в развалинах совсем не в счет.

Сколько раз позже я вспоминал это «Тогда», не перечить.

К счастью, в «сейчас» никаких планов, связанных с Викой, у меня не было. А слово «Нянька» меня больше не тревожило. Но я все равно попытался изменить, сломать эту ситуацию.

— А давайте, мы все вместе сходим сегодня на гонки, а завтра в кино?

Женской половиной мое предложение принято не было. Отец по обыкновению воздержался. Я мысленно плюнул и сказал:

— Хорошо, схожу.

В конце концов, на часах у вечности пока пятница. А все плохое должно случиться завтра, в субботу. И еще, Ирку я не собирался отпускать от себя ни при каких обстоятельствах. Нет уж, хватит, один раз я уже сделал такую глупость. Больше ее не повторю.

Батя протянул мне два рубля.

— Где встречаемся? — спросил я.

— Если хотите, идите домой, — сказала мама, — или подождите нас во дворе.

На том и порешили.

Родители ушли. До представления оставалась еще куча времени.

Я убрал в карман, полученные от бати деньги, крепко сжал Иринку ладошку и спросил:

— У нас с тобой целый час. Куда пойдём?

Ирка вытянулась на цыпочках, пытаюсь стать выше, приблизиться ко мне. Я наклонился ей навстречу.

— Хочу в кафе-мороженое, — громким шепотом сказала она.

Моя душа ушла в пятки. «Кафе-мороженое — именно туда я обещал сводить Вику перед гонками в тот раз. Судьба возвращалась на протоптанную колею. Все, так или иначе, повторялось. И бегать от судьбы было глупо. Надо было просто ее изменить. Пройти через все это заново и не дать Иринке умереть.

Да будет так.

— Идем, — сказал я, — мне давно хотелось туда сходить.

— Ура! — Восхитилась Ирка и тут же встревожилась: — А на билеты нам хватит?

— Хватит.

В этом я был уверен. Я точно знал, что билеты на гонки стоили тридцать копеек. Когда-то я их уже покупал. Правда, представления так и не увидел. Ни в тот раз, ни позже.

Ирка обрадовалась, вырвала руку, запрыгала на месте. Она была счастлива. Ей было хорошо. Лето, море, рядом любимый брат, впереди интересное приключение. Она уже представляла, как в школе осенью будет рассказывать подружкам обо всем, что с ней произошло на каникулах. И как те станут ей завидовать.

Ирка была обычной мечтательной девочкой. И я решил сделать этот вечер для нее самым лучшим.

Кафе-мороженое занимало первый этаж в одном из домиков старой постройки в самом центре этого курортного городка. Было оно таким же милым, уютным и домашним, как и все вокруг. От него веяло ностальгией и памятью о прошлом.

Мы перешли пустое шоссе и остановились у сияющих светом окон. Иркина ладонь все так же лежала в моей руке. Сквозь окна было видно, что кафе полно народа, что там совсем нет мест. Я вздохнул и покосился на сестру. Ее глаза сияли от восторга. Такая мелочь, как полный зал посетителей, ее не волновала. Ну что ж, в крайнем случае немного подождем. Время у нас есть.

Мы обошли здание и оказались возле входа, увенчанного сверху козырьком. Я пропустил Ирку вперед, а сам зашел следом.

Зал был разделен на две зоны. Слева большая стеклянная витрина с ячейками развесного мороженого, пирожными и прочими вкусностями. За ней стояла симпатичная женщина. Удивительно опрятная и приветливая.

Справа круглые столики, где сидели посетители. Мне хватило беглого взгляда, чтобы понять, мест действительно нет.

— Что желаем, молодые люди? — спросила продавщица.

— Я сейчас...

Ирка вырвала свою ладошку и унеслась выбирать. Мне же было по сути все равно. Что выберет она, то буду есть и я. Какая разница? Продавщица проводила Ирку взглядом, улыбнулась, потом обернулась ко мне:

— Только мест нет, — сказала она, — придется подождать.

— Подождем, — спокойно ответил я, — у нас еще есть время.

Я отвернулся от витрины, окинул еще раз взглядом зал и вдруг увидел Вику...

Глава 20. Гонки в шаре

Она была не одна. Рядом примостился парень немногим старше меня. Высокий, белобрысый, белокожий, точно не местный. Меня поразили обожающий взгляд, восхищенные глаза, вид клинического идиота, узревшего живую богиню. Я невольно усмехнулся. Вика нашла себе новую жертву. Парень еще не догадывался, как попал.

Ужасно захотелось крикнуть: «Беги, дурень! Ничем хорошим эта любовь не закончится! Для тебя, по крайней мере...»

Кричать, понятное дело, не стал, просто отвернулся. Какая мне разница, что за игрушку нашла себе Вика. Не он первый, не он последний. Когда-нибудь и она нарвется. Я подошел к Ирке и спросил:

— Ну что, выбрала?

Она приложила палец к витрине напротив шоколадного мороженого:

— Это, с абрикосовым джемом.

Я кивнул и подошел к прилавку.

— Нам два шоколадных с абрикосом.

— А пить? — спросила продавщица. — Сок? Чай? Кофе?

— Сок, — вмешалась сестра, — виноградный.

— А мне кофе.

— Рубль двадцать семь, — быстро посчитала женщина и добавила, — там столик освобождается. Отправил бы девочку, пусть место займет. А я пока все приготовлю.

Я обернулся. И очередной раз поразился. Вставала Вика. Вставала как королева. Как суперстар. Откуда у обычной девчонки такая потрясающая способность любое ерундовое действие превратить в настоящее шоу? Оставалось только восхищаться ее талантом. На расстоянии. Как можно дальше.

Ира сама побежала занимать стол. Я вынул рубль, выгреб из кармана бранные останки мелочи, принялся отсчитывать нужную сумму. Отвлекся от зала, а Вику попросту выкинул из головы. Она сейчас занята, и слава Богу.

Только она про меня не забыла. Не смогла просто так пройти мимо. Вика встала рядом со мной незаметно, неслышно, постучала пальцем по плечу. Я оглянулся.

— Фу, Олег, — процедила она, презрительно морща нос, и кивнула на Ирку, — я думала, ты парень. А ты всего лишь нянька для этой сопли!

Фантастика! Все снова повторялась. Слово в слово. Как такое может быть? Нет, это срочно надо исправить. Я ссыпал всю мелочь на прилавок, обернулся к Вике и с чувством, с оттягом, принялся аплодировать.

Она растерялась.

— Bravo, — сказал я, — бис! Вы чудесно сыграли свою роль, леди Ровена. Жаль, что роли, где надо изображать любовь, вам не удаются вовсе. Трудно играть влюбленность, если любишь только себя? Не так ли, Вика!

И тут Вика впервые вышла из себя. Покрылась красными пятнами, подурнела, яростно раздула ноздри, выкрикнула:

— Не так...

Она не договорила, от щедрот души залепила мне пощечину и зарыдала. Картинно, горько, с придыханием. Новый кавалер тут же обнял ее за плечи, что-то зашептал на ухо, потом обернулся ко мне и отчеканил:

— Сволочь ты, Олег.

Я лишь пожал плечами, отвернулся от них и опять принялся пересчитывать монетки, двигая их пальцем по белой поверхности прилавка. Продавщица смотрела на меня с сочувствием. От ее молчаливого одобрения мне стало легче.

Ирка выглядела притихшей. И не только она. Все кафе, после выходки Вики затихло, утратило праздничность. На меня бросали взгляды. Кто-то украдкой, кто-то открыто с откровенным любопытством. Мне было все равно. Я смог преодолеть и этот рубеж. И Ирка вот она, рядом. Не обиделась, не сбежала. И все идет по плану. По моему плану!

Я поставил на стол поднос и сказал:

— Лопай, сладена.

Она счастливо улыбнулась, взяла ложечку. Жизнь показалась прекрасной. Вика исчезла в прошлом. Стала нереальным сном. Эту победу мне удалось одержать

В кафе мы немного задержались. Ирка слопала свое мороженое, выпила сок и спросила:

— Олег, а можно мне бутерброд?

Я вспомнил, что ела перед уходом одни макароны с сахаром и сейчас, конечно, уже проголодалась. Ответил:

— Можно. С колбасой или сыром?

— С колбаской, — выпалила она и добавила свое вечное, — ура!

На остатки мелочи я купил два бутерброда, чай для Ирки и кофе себе. Глянул на часы, висевшие над входом — половина восьмого. За столиком сказал:

— Ир, давай быстрее, нам выходить пора. Еще билеты покупать надо.

Она кивнула, взяла себе один бутерброд, второй пододвинула мне. Я вспомнил, что сестренка всегда была такой, все делила строго пополам. Никогда не пыталась взять себе больше и другим себя обделить не позволяла.

На выходе из кафе она снова сунула мне свою ладошку. А, когда мы чуть отошли от двери, спросила:

— Олег, а почему эта девчонка тебя ударила?

Я машинально ответил:

— Дура потому что...

Ирка поразмыслила и кивнула. Но не смогла не уточнить:

— А мальчишка почему так плохо про тебя сказал?

Вот же дотошная. И как ей это объяснить? Я попробовал быть честным.

— Потому что Вика плакала.

И, естественно, нарвался на новый вопрос.

— А почему она плакала?

Я остановился, Иркину руку не выпустил, просто посмотрел на нее. Взгляд у сестренки был серьезный. Ей действительно нужно было знать ответ на этот вопрос.

— Знаешь, кто такие эгоисты? — спросил я.

Ирка сделала умные глаза, кивнула и тут же ответила:

— Нет, а кто?

— Люди, которые любят только себя. На других им плевать. Они хотят, чтобы все их желания исполнялись.

Ирка нахмурилась.

— Я никогда не буду такой, — сказала она убежденно. — А какое желание ты не исполнил?

Какое... Перед глазами у меня встала сцена, произошедшая сорок лет назад. Каким же торжеством тогда сияли глаза Вики. Как она упивалась своей властью над глупым мальчишкой.

— Олег!

Я словно очнулся.

— Ты сам не знаешь какое? — В голосе у сестренки было удивление.

— Знаю. — Сказал я. — Она хотела, чтобы я бросил тебя и пошел за ней.

Ее пальчики крепко-крепко сжали мою ладонь. Ирка засопела в раздумьях. И наконец, задала самый важный вопрос:

— А ты меня не бросишь?

Тут мне даже не нужно было размышлять над ответом.

— Никогда, — сейчас я был абсолютно честен.

Про себя же подумал: «Я уже бросил тебя один раз. То, что из этого вышло, мне не понравилось».

До площади было рукой подать. Там возле фонтана за день успели возвести большой купол, установили вокруг него ограждение. Растянули разноцветные флажки, нанизанные на веревку. Рядом поставили раскрашенную во все цвета радуги будку — билетную кассу. Возле нее висело объявление:

Детский билет — 30 копеек;

Взрослый билет — 45 копеек.

Для детей до шести лет — вход бесплатный.

В самом низу была приписка — дети до шести лет без взрослых не допускаются. А едва не рассмеялся. Вот бы сюда сейчас защитников детей из моего прошлого. Вот бы они возмутились. Я прямо-таки слышал истерические вопли: «Как можно детям без родителей в такое опасное место!»

Удивительно, но здесь это не казалось ни странным, ни преступным. Такое было сплошь да рядом. Первоклассники сами ездили в школу на автобусе. И это не пугало и не возмущало никого.

По обе стороны от кассы красовались огромные афиши. Сразу стало ясно, что мотоциклов в шаре будет не один, а целых три. И на одном из них выступит девушка, судя по плакату совсем молоденькая и очень симпатичная.

Рупор над входом надрывался веселой музыкой. На улице начинало темнеть. Зажглись фонари. С желающими было не густо. Свободных мест оставалось много. Билетов сколько душе угодно. Я так и не понял почему — то ли все отправились смотреть кино, то ли отложили поход на представление на завтра. Очереди не было вовсе.

Возле самой кассы Ирка вдруг сказала:

— А она красивая, эта Вика. Ты правда не жалеешь, что не пошел с ней, а остался со мной?

Этот вопрос стал для меня полной неожиданностью. От девятилетней девчонки я его не ожидал.

— Нет, — ответил я, — не жалею. И не пожалею никогда.

Ирка осталась довольна услышанным.

— Это хорошо, — сказала она.

Мы подошли к окошку и без проблем получили два билета. Ирке дали детский, мне — взрослый. Спорить с этим никто не стал. Я даже примерно не представлял, до какого возраста положен детский билет, а переспрашивать не захотел.

Было без пятнадцати восемь. Возле входа потихоньку собирался народ. Мы остановились там же, я снова сгреб Иркину ладошку. Отчего-то стало страшно. Мне все время казалось, что я упущу ее, отвернусь, отвлекусь, потеряю и больше никогда не увижу. Это было похоже на паранойю, чем жутко меня злило.

Ирке же было любопытно. Она все время рвалась куда-то сбежать, что-то посмотреть. Одна, сама, как взрослая. В какой-то момент я не выдержал и попросил:

— Ир, давай договоримся, не убегай от меня. Если что-то захочешь увидеть, лучше скажи мне, я схожу с тобой.

Она возмутилась:

— Вот еще, я не маленькая! Я и сама могу!

И вырвала свою ладонь. Я взял ее за плечи, крепко, наверняка, повернул к себе, постарался говорить, как можно убедительнее:

— Ира, не злись. Постарайся понять, я отвечаю за тебя перед родителями. Ты удерешь, а у меня потом будут неприятности. Меня будут ругать. Неужели, ты этого хочешь? Неужели так должны поступать настоящие сестры?

Глазки у нее стали строгими, она задумалась и спросила:

— А тогда я стану как Вика? Стану этой... — Она попыталась выговорить: — Эгно...

Я не сдержался и улыбнулся. А потом подсказал:

— Эгоисткой.

— Стану? — Снова спросила она.

— Выходит так... Станешь.

Ирка понурилась.

— Я не хочу быть, как Вика. Я не хочу, чтобы тебя ругали. — Она высвободила плечи и снова вернула мне свою ладошку. — Я поняла.

Двери открыли без пяти восемь. Внутри царил полумрак. Сидячих мест не было. Публика заходила и выстраивалась по периметру, вокруг невысокого, по пояс ограждения. Взрослые ставили детей вперед. Никто не спорил, не шумел не толкался. Места хватало всем.

За ограждением, в самом центре на высокой металлической конструкции возвышался большой сетчатый шар. Помнится, я где-то читал, что шар этот чаще всего делали высотой семь метров. Я прикинул на глазок — примерно так, но голову на отсечение бы не дал.

С другой стороны купола, напротив входа для публики, от шара к самому пологу был установлен... Я не сразу смог подобрать название для этой конструкции. Больше всего она походила на металлический корабельный трап. Что ж, пусть так и будет. На точность я не претендовал. Ирка его тоже заметила и тут же зашептала:

— Олечка, что это?

— Трап, — сказал я, — здесь мотоциклы будут заезжать в шар. Там есть дверка.

— Хочу посмотреть.

Она потащила меня за руку вперед и остановилась почти у самого съезда. Я был не против. Мне тоже стало интересно. Скоро свет в зале погас. Под сводом шатра вспыхнули прожекторы. Только я смотрел совсем в другую сторону. В куполе возле трапа откинули полог. В шаре открыли одну секцию, освобождая проход внутрь.

Заиграла музыка. Совсем другая — торжественная, напряженная. Громко били барабаны. Потом ударили литавры. Под этот звук на помост с рыком влетел первый мотоцикл, проехал внутрь шара и там остановился. Следом появился второй. Последней была девушка. Шлем у нее висел на руле, поэтому я смог разглядеть ее лицо.

Что сказать? Как в известной присказке — молодая была совсем не молода. Даже яркий театральный грим не мог скрыть истинный возраст циркачки. Ей было хорошо за тридцать. Даже ближе к сорока. Тем большее уважение вызывала ее смелость.

Когда все трое оказались в шаре, открытую секцию вернули на место. Из музыки исчезли духовые, остались одни барабаны. Под их мерную дробь мотоциклы сорвались с места и устроили настоящую фантасмагорию.

Ирка совершенно трогательно прижалась ко мне. Я обнял ее за плечи. Ей было интересно и страшно одновременно. Когда циркачи проезжали по стенке шара прямо напротив наших лиц или вылетали на потолок она вздрагивала и повторяла: «Ой, мамочки!»

Я замирал вместе с ней. Зрелище того стоило. Стало жаль, что я не увидел его раньше.

Время пролетело незаметно. Шоу длилось сорок минут. Мне показалось, что прошло не больше десяти. Когда спортсмены остановились внизу, покинули своих железных коней и сняли шлемы, публика разразилась аплодисментами. Ирка завела свое любимое ура. Я ее по-братски поддержал.

Потом мотоциклы снова выезжали мимо нас за шатер. И я увидел, как по лицу женщины, по щеке, по гриму стекает струйка пота. Что лоб ее блестит от испарины. Что грудь ее тяжело вздымается. Сразу подумалось: «Сколько сил, сколько нервов, какой концентрации требует это коротенькое выступление?» Я бы точно так никогда не смог.

На улице, когда шатер остался за спиной, Ирка вдруг прошептала:

— Олег, я в туалет хочу.

Я пошутил:

— Похоже, Ир, чай был лишним?

— Пойдем быстрее, — не поддержала шутки она.

— Пойдем. До дома совсем недалеко. Город маленький.

Мы почти побежали. Мысль предложить ей посетить с инспекцией кустики я откинул сразу. Оставить ее одну без присмотра было выше моих сил.

До дома долетели почти незаметно. Родителей во дворе не было. Зато в наших окнах горел свет — в гостиной и на кухне.

— Родители уже дома, — сказал я.

Ирка молча кивнула, вырвала у меня руку и понеслась к пристройке. Я бросился за ней. Дверь захлопнулась у меня перед самым носом. Остановился, привалился к косяку. До конца дня оставалось совсем чуть-чуть. Сейчас я сдам сестру родителям. А завтра просто не позволю ей уходить со двора. Будем гулять с ней прямо тут. У подъезда. Под присмотром Юльки. Даже в туалет ее буду водить под конвоем.

Кстати, что-то она там застряла! Я прислушался. За дверью было тихо. Как в гробу, всплыло совершенно не к месту сравнение. И тут же волна ужаса накрыла меня. Я снова оставил Ирку одну, опять выпустил из вида. Опять! Придурок! Идиот!!! Страх стал таким сильным, почти осязаемым, что я едва не ворвался в внутрь, наплевав на все правила приличия. К счастью, тут Ирка вышла сама.

Я сгреб ее в объятия, оторвал от земли, закружил и чмокнул в макушку. Она сначала замерла, потом принялась вырваться. И я отпустил ее.

— Олечка, ты чего? — спросила она подозрительно.

А я представил свое лицо — счастливую без причины физиономию — и слегка смутился.

— Прости, Ир, — сказал я, — просто я очень тебя люблю.

Для нее это стало откровением.

— Я тоже тебя люблю, — подтвердила она и тут же пояснила, — ты же мой брат.

Потом задумалась и выпалила с детской прямоотой:

— Только здесь ты стал какой-то странный, не такой, как дома.

Я снова прижал ее к себе. Я был так счастлив, что этот день, эта прогулка подходят к концу. Что Ирка вот она — живая и здоровая. Что она со мной, и ничего с ней случилось.

— Странный, это не страшно, Ириш, — сказал я, — это пройдет. Давай домой, а то отец с матерью уже заждались.

Батя тихонько сидел в гостиной. Даже телевизор у него работал почти бесшумно. Мать гремела на кухне посудой. Атмосфера в доме была напряженной. Только Ирка ничего не поняла. Она нырнула в нашу бывшую комнату и принялась выбирать пластинку. У нее был счастливый день.

Я разулся, зашел к отцу и присел рядом с ним на диван.

Шепотом поинтересовался:

— Что случилось?

Тот отмахнулся.

— Лучше не спрашивай!

Вместо него отозвалась мать:

— Представляешь, Олег, кино мы так и не посмотрели! Лучше бы с вами пошли. Хорошо, хоть деньги за билеты вернули.

— Как не посмотрели? — удивился я.

Отец поморщился.

— У них там с самого начала что-то не заладилось. Минут сорок крутили «Фитиль». Потом вроде включили фильм...

Мать появилась в дверях. В руках у нее было полотенце, которым она яростно надраивала тарелку. Казалось, вот-вот протрет дыру.

— Даже половину посмотреть не удалось! — Возмущенно выпалила она. — Где они такую пленку раздобыли?

В сердцах взмахнула тарелкой и едва не расколотила ее о косяк. А потом ушла.

— В общем, — резюмировал отец, — деньги вернули. А мы отправились домой.

Он принялся. С кухни доносились соблазнительные ароматы. Лицо у бати сразу смягчилось.

— Зато ужин приготовила, — заговорщически прошептал он.

— Ира, Олег! — Прокричала мать, словно услышала его слова. — Быстро мыть руки! Сейчас будем есть.

Глава 21. Крутой поворот

Ближе к ночи мать отрубила телевизор и погнала Ирку спать. Та была категорически против, норовила по пятому разу рассказать, все что видела, старательно опуская встречу с Викой и настороженно косясь на меня. За что я был ей благодарен.

— Лучше бы мы с вами пошли, — наконец не выдержала мама. — Мы с отцом только вечер себе испортили этим кино. И что нас туда потянуло?

Батя изумленно поднял бровь и не преминул съязвить:

— Нас? Ну-ну... Я так-то туда не особо рвался...

Этого было вполне достаточно. Мать сразу растеряла все благодушие, психанула, не

дала ему договорить, выперла нас из гостиной и закрыла дверь, крикнув вдогонку:

— Шли бы и вы спать тоже. А то снова за полночь засидитесь.

Батя притворил за собой дверь и, бурча под нос про бабскую блажь, удалился на кухню. Я же улегся у себя на кровать. Меня еще ждал недочитанный Алексин.

Снилось мне что-то невнятное. Кто-то куда-то бежал, кто-то кого-то ловил. Мелькали неясные тени. По полу невесть откуда ручьями разливалась кровь. Из глубины сна, из темноты летели ошметки плоти, падали мне под ноги, плавилась, пузырились и исчезали без следа. Страшно не было. Я стоял посреди всего этого абсолютно равнодушный и думал совсем по-стариковски: «Куда катится мир?»

На этой мажорной ноте и проснулся. Не открывая глаз, услышал, как что-то гулко бахнуло сначала в гостиной, потом коридоре. Уловил звук шагов. Какой-то писк. И очнулся окончательно.

Я открыл глаза. Мельком бросил взгляд на окно. Там было темно. Где-то за листвой тускло светили фонари. Значит, не больше четырех утра. В пятом уже начинало светать. Рядом смачно храпел батя. Его никакие шумы не беспокоили.

Тут же вспомнился сон. В голове взорвалось паническое: «Неужели кто-то смог открыть дверь?» Неужели эта тварь вырвалась наружу? Сердце тут же бешено забилося. Я резко повернулся на живот, свесился вниз и принялся шарить по полу, пытаясь найти фонарик. Не вышло. Вместо этого пихнул его пальцами и загнал глубоко под кровать.

— Да что ж за невезение! — вырвалось у меня в сердцах

Я бухнул кулаком по полу, а после просто вскочил с кровати, рванул к дверям, там наощупь нашел клавишу выключателя и запалил свет, клацнув по ней ладонью. Батя тут же перестал храпеть, отвернулся к стене, закопался в подушку, попытался натянуть на голову простыню, проворчал:

— Олег, с ума сошел? Свет-то зачем? Выключи сейчас же!

Тратить время на ответ я не стал, пулей вылетел в коридор, туда, где слышались звуки борьбы, где раздавалось шумное сопение и тихий голос матери с мольбой твердил:

— Ира, Ирочка, успокойся! Ты что, доченька? Что ты?

В зыбком свете посреди коридора едва виднелся светлый силуэт. Он шевелился и постоянно менял очертания. Понять, кто там, где и как было совершенно невозможно. Да я и не особо пытался. Просто проскочил мимо, к выключателю, и снова клацнул по клавише. Свет моментально залил пространство.

Сразу стало ясно, что посреди коридора пытается устоять растрепанная мать. А в объятиях у нее бьется Ирка. Отчаянно, зло, яростно, молча. Глаза у Ирки были закрыты. Чуть поодаль валялось что узкое, длинное, блестящее.

Я подбежал к ним, попытался перехватить сестру. Меня тут же лягнули ногой, едва не заехав в пах. Я отскочил. Босой пяткой прилетело матери по колену. Она ойкнула и разжала руки. Иринка выскользнула ужом и скрылась в гостиной.

Мы не сговариваясь бросились следом. В комнате царила абсолютная тишина. На диване, раскидавшись и укрыв простыней одни лишь ноги, безмятежно спала сестра. Ничто не напоминало недавнюю потасовку. Если бы я не видел своими глазами, ни за что бы не поверил, как только что этот спящий ангел подобно фурии пытался попасть по мне ногой.

Сзади нас кто-то обнял за плечи...

Мать сдавленно вскрикнула, я вздрогнул и шарахнулся вперед.

— И что вы все такие нервные? — Раздался недоумевающий голос бати. — Что случилось-то? Чего везде свет запалили?

Совет держали на кухне. Батя приоткрыл окно и со вкусом дымил в щель. Мама, к моему удивлению, даже не пыталась с ним спорить.

— Представляете, — пожаловалась она и предъявила нам руку, — Ирочка меня укусила!

На ребре ее ладони виднелся четкий отпечаток зубов, кое-где выступили капельки крови. Я невесело усмехнулся и протянул на всеобщее обозрение свой палец.

— Не тебя первую. Меня тоже кусала. В тот раз, у зеркала, помните?

У основания пальца расплывался слегка пожелтевший синяк. Возле косточки просматривались две поджившие ранки. Родители уставились на мою руку. Я испытал от этого странное удовлетворение и не удержался от укола:

— Только вы мне не верили.

Мать попыталась возмутиться, но батя ее остановил:

— Теперь верим.

Потом спросил:

— Что Иринка сегодня делала?

— Опять рвалась в комнату. — Слова матери сопровождались тягостным вздохом. — Никак не пойму зачем? Медом ей там что ли намазано? Осторожно сползла с дивана, даже через меня перелазить не стала, перемахнула через боковую спинку. Достала из моей сумочки маникюрный набор и опять его распотрошила...

Батя задумчиво поскреб затылок. Я с тоской глянул на дверь. В отличие от них, для меня не было тайной, кто зовет туда Ирку. А еще я подумал, что вовремя забил гвозди. И о том, что надо бы утром попросить у дяди Толи еще хотя бы парочку. Усилить эффект, для пущей надежности. Потом вдруг вспомнил о блестящей штуке, лежащей на полу и испугался — не ровен час, пока мы здесь болтаем, Ирка вновь попытается вскрыть дверь!

С табурета меня словно подбросило. Я ринулся в коридор, увидел там наличие маникюрной запчасты и полное отсутствие Ирки. Поднял несостоявшуюся отмычку с пола и вернулся назад. На кухне меня слегка отпустило. Страх ушел так же легко, как и появился. А я подумал, что потихоньку привыкаю к постоянному стрессу. Человек — скотина крепкая, он вообще ко всему может адаптироваться.

Отец уже тушил окурок в банке из-под бычков в томате, пристроенной по пепельницу. Мать, не отрываясь, следила за его рукой.

— А где Иришка сейчас? — до бати наконец-то дошло, что все говорят о его любимой дочуре, но ее самой рядом не видно.

Мама усмехнулась:

— Только появился Олег, сбежала в спальню и улеглась в кровать, как ни в чем не бывало. Спит. Но не удивлюсь, если сейчас выйдет и будет задавать вопросы.

Ее предсказание тут же сбылось.

— Мам, у нас опять что-то случилось? — Раздался от дверей голос Ирки. Вопрос сопровождался смачным зевком.

Мы обернулись. Все повторялось вновь. Сестра стояла на самой границе света и сонно терла глаза.

Мать судорожно сглотнула и тут же улыбнулась тепло и ласково:

— Нет доченька, ничего не случилось. Все хорошо. Просто у папы разболелся живот, и я дала ему таблеточку.

Отец от такого заявления аж поперхнулся. Но быстро пришел в себя.

— Все хорошо, Ириш, не волнуйся, у меня уже все прошло.

— А-а-а-а, — она снова зевнула. — Я тогда спать.

Ирка, шлепая босыми ногами, исчезла в комнате. Мы дружно поглядели ей в след, дождались, когда она уляжется, когда стихнут звуки.

— Хорошую я квартиру нашел. — Невпопад похвалил себя батя. — Какое счастье, что здесь нет балкона! Там могла бы вообще убиться.

Я молча хмыкнул. По поводу хорошей квартиры легкл бы мог с ним поспорить. Вот только вряд ли меня кто поймет, вряд ли кто сможет поверить...

Мать припечатала отца ехидным:

— Лучше бы тут был туалет. Тогда бы да, цены твоей квартире не было!

Отец небрежно повел плечом. Отсутствие сортира проблемой он не считал. Сейчас у него была забота поважнее. Он задумчиво глянул в коридор и предложил:

— Может, забаррикадировать вашу дверь снаружи? Ну, чтобы больше точно не сбежала?

— Не выйдет. — Я покачал головой. — Я тоже думал об этом. Там дверь открывается в комнату.

— Ладно, — мама встала и решительно направилась в спальню, — я сейчас ее чем-нибудь задвину изнутри. Если Иришка будет двигать, по крайней мере, услышу и поднимусь.

Утро не задалось. Ночные слова матери неожиданно оказались пророческими. Судьба словно насмеялась надо мной. Словно говорила: «Ну что, счел себя самым умным? Решил, что всех обманул? Решил, что изменил ход событий и все? Нет, мой дорогой, не все. Вот тебе новый поворот! Получи!»

Я проснулся рано и понял, что в комнате один. Отцовская постель была пуста. Кажется, что тут такого? Мало ли зачем человек мог встать рано утром? Вполне можно отвернуться и спокойно спать дальше. Но меня обуяла беспричинная тревога, и я не смог с ней совладать.

Батя нашелся на кухне. Он сидел на табурете, согнувшись в три погибели, обхватив руками живот. Бледный до прозелени. На лбу его блестела испарина. В воздухе витал омерзительный кислый запах. И я прекрасно его знал — отца рвало. С губ моих само сорвалось:

— Пап, что с тобой?

Он повернул ко мне лицо и вымученно улыбнулся. Потом, словно нехотя, сказал:

— Да вот сынок, мама наша напророчила. Живот у меня что-то разболелся. Мне бы ее таблеточка сейчас ох как не помешала.

Он еще пытался шутить. Мне же было совсем не до шуток.

— Где болит? — Спросил я.

Неизвестно почему, но мой вопрос его не удивил. Батя задумался.

— Даже и не знаю, что сказать. Сначала здесь.

Он морщась разогнулся и указал чуть выше пупка.

— Но здесь не сильно и не долго. Потом вот здесь.

Ладонь отца переместилась вправо и вниз.

— А еще в ногу отдает. — Он снова согнулся, вздохнул и попытался улыбнуться. — Ерунда какая-то! Разве так бывает? Ты не волнуйся, Олежек, ничего страшного, посижу немножко, само пройдет.

Я прикрыл глаза, пытаюсь собраться с мыслями. Подумал: «Ох, папа, так обычно и бывает. И само это точно не пройдет. Я бы мог тебе много на эту тему рассказать. Только откуда об этом знать обычному школьнику? Об этом знал взрослый Олег Ковалев». Отца же спросил:

— Сколько раз рвало?

Он посмотрел на меня, как на ясновидящего. Смутился и признался:

— Один.

Я глубоко вдохнул и сказал:

— Боюсь, пап, само не пройдет. Очень похоже на аппендицит.

Он небрежно отмахнулся:

— Откуда тебе знать? С чего бы вдруг у меня взяться аппендициту?

Пришлось на скорую руку сочинять:

— Нам на биологии рассказывали весной. При аппендиците все, как ты и говоришь.

— Да?

Батя расстроился, но все еще не хотел верить.

— Да. — Подтвердил я. — В больницу тебе надо, пап. Пойду я мать будить.

— Не надо маму, — он попытался меня остановить, начал подниматься, но тут же плюхнулся обратно на табурет и почти простонал: — Больно...

Это было совсем хреново. Отец у нас всегда отличался завидным терпением. Если уж ему больно ТАК, значит дело — труба. И я не стал его слушать, направился в гостиную.

Мать словно ждала чего-то подобного. Она поверила сразу, прониклась в момент, не стала меня лишней раз расспрашивать, не стала гадать, пройдет само или нет. Побежала на кухню, увидела отца, всплеснула руками и запричитала на ходу:

— Саша, как же так?

Я же быстро напялил штаны и майку, не спрашивая разрешения, выудил из кошелька двушку, заглянул на кухню и сказал:

— Я скорую вызывать. Отца надо в больницу.

Уже на лестнице вдруг вспомнил, что двушка совсем нужна. Все службы и 01, и 02, и 03, можно вызвать бесплатно. Но это было без разницы. Смутно помнилось, что телефонная будка есть где-то возле ларька с мороженым.

Память моя мельком зафиксировала этот факт еще тогда, три дня назад, когда я выяснял отношения с Викой. Сейчас казалось, что это было безумно давно, в какой-то прошлой жизни. В какой-то другой реальности.

Я бежал по улице, не думая о том, что вид у меня бомж-стайл, что кто-то может это увидеть. Мне было на все наплевать. Жизнь четко расставила свои приоритеты. Вчера я спас жизнь Ирки, взамен судьба грозилась забрать у меня отца. И это было неправильно. Это

было жестоко.

Будка оказалась на месте. Что совсем удивительно, она работала. Я снял трубку, машинально подергал пальцами рычажок, услышал гудок и набрал 03.

Ответили почти сразу. Я не стал выслушивать штатное приветствие, почти прокричал:

— Срочно приезжайте! Острая боль в животе. Рвота. Ковалев Александр Николаевич. Адрес...

Меня внимательно выслушали и уточнили:

— Возраст пациента?

Я подвис, попробовал вспомнить, в итоге ляпнул примерно:

— Сорок три.

— Кто вызывает? — последовал новый вопрос.

— Сын.

— Ждите...

В трубке пошли гудки. Я пару минут еще простоял на месте, тупо глядя на трубку, слушая прерывистый звук. В голове крутилась мысль: «Так не должно быть! За Иркину жизнь, я обещал отдать свою. Причем тут отец?»

Судьба, Господь, высший разум... Назовите это, как хотите, только небеса остались глухи к моим мольбам.

Я бухнул трубку на рычаг и побежал обратно.

Отцу было совсем плохо. Мать стояла рядом с ним, белей мела, что-то шептала, гладила ладонью по волосам. Меня встретила молящим взглядом:

— Вызвал?

Я прислонился к дверному косяку, попытался отдышаться. С трудом проговорил:

— Сейчас приедут. Ты бы не стояла рядом с ним, шла бы вещи собирать.

— Ах, да, — она засуетилась, бестолково затопталась на месте, не зная за что схватиться.

Я взял ее за руку и силой отвел в гостиную.

— Одежду собирай, остальное я сам сложу.

На нее это подействовало. Не глядя на спящую Ирку, она распахнула шкаф и ринулась к вещам, где стояла большая спортивная сумка. Все содержимое ее безжалостно вывалила на пол. Я посмотрел на начало сборов, убедился, что все идет, как надо, и вернулся на кухню.

Чашка, мыло, зубная щетка, зубной порошок, расческа. Что еще нужно человеку в больнице? В голове была абсолютная пустыня. Я плюнул и здраво решил, что остальное всегда успеем принести. Завернул все в кухонное полотенце и вернулся к матери.

Она тем временем навертела целый баул. Что сунула в него, я даже не рискнул предположить. Протянул ей сверток и только спросил:

— Тапочки положила?

— Тапочки?

На меня уставились абсолютно бездумные глаза. В них плескалась паника. С придвинул сумку к себе, пошарил наощупь — чего там только не было. Все! Кроме тапочек. Решил, что вещи лишними не бывают, они бывают запасными. А мать сейчас, пожалуй, нервировать не стоит. Добавил для комплекта свой сверток. Потом взял отцовские тапки, замотал их в

газету и водрузил сверху.

В дверь постучали. Мать словно отмерла, накинула халат. Открывать она понеслась вперед меня.

Медиков было двое — врач и фельдшер. Мне они сразу понравились — спокойные, деловитые, взрослые. Отца осмотрели мельком. Как я и думал, пришли к тому же выводу.

— Подозрение на аппендицит, — сказал матери тот, которого я для себя окрестил врачом.

Мама окончательно расстроилась:

— А без больницы никак нельзя обойтись? — спросила она. — Нам скоро уезжать. Может быть...

Мужчина ее прервал.

— Можно, — сказал он, — если этот муж вам больше не нужен. Если у вас есть запасной.

— Запасной? — Шутки до мамы доходили плохо. Она нахмурилась и честно ответила: — Нету запасного.

Врач покосился на меня, потом снова обратился к ней:

— Вот видите, значит, надо лечить этого.

Он подошел к отцу и подхватил его под руку:

— Давайте, попробуем подняться. И потихонечку... потихонечку...

Батя со стоном встал. Его осторожно вывели в коридор. Там до меня дошло, что он в одних трусах. И вряд ли нужно идти в машину так.

— Мам, — сказал я, ему надо одеться и обуться.

Она промолчала. Она словно не слышала меня. Я сам отправился в спальню. Взял брюки, рубашку, начисто забыл про носки. Штаны я на батю натянул тоже сам, рубашку накинул ему на плечи. Отец постанывал и не мог разогнуться.

Мать словно проснулась, оттолкнула, оттеснила меня и надела на него ботинки. Прямо на босые ноги. Врач только хмыкнул.

— Вы едете? — Спросил он у матери.

Та не успела ответить, я опередил:

— А можно я?

Мне совсем не хотелось оставаться с Иркочкой вдвоем. Как ни крути, а сегодня была суббота. Та сама суббота.

— Нет мальчик, — ответил врач. — Сопровождать больного могут только взрослые. Например, твоя мама.

Он подтолкнул мать вперед и вышел следом за ней, ведя отца под руку. Фельдшер поднял с пола баул, собрался уходить, но задержался в дверях и сказал:

— Вы мать сегодня не ждите.

— Почему? — не понял я.

— У нас городскую хирургию закрыли на мойку. Повезем в райцентр. А это шестьдесят километров отсюда. Вряд ли она сегодня вернется.

— Погодите!

Я метнулся в гостиную, сунул в мамину сумку кошелек, кинул в авоську платье,

висевшее на спинке стула. Протянул все это фельдшеру.

— Вот, отдайте маме. А то она ничего с собой не взяла.

Тот улыбнулся.

— Хорошо, отдам.

И ушел. А я остался наедине с неизвестностью и с Ирккой. И мне стало от этого совсем жутко.

Глава 22. Утро субботы

На меня навалилась дикая усталость. Напряжение последних дней пудовыми гирями повисло на ногах. Что делать дальше, я не имел ни малейшего понятия. Снова жутко захотелось курить. Я отправился в кухню встал у окна, прислонился к прохладному стеклу лбом и выглянул наружу.

Сгорбленного отца как раз сажали в машину. Абсолютно потерянная мама стояла рядом. Фельдшер пытался вручить ей сумку, но она никак не могла взять в толк, что от нее хотят, лишь бессмысленно от него отмахивалась. Парень плюнул и поставил ее вещи в салон, у стеночки, на пол. А после закрыл двери.

Кто-то уткнулся в меня теплым боком, прижался и замер. Я обернулся, рядом встала Ирка. Заспанная, босая, с перепуганными глазищами. И тоже принялась смотреть в окно. Я обнял ее за плечи.

Когда машина тронулась, сестра спросила:

— Олежек, мама скоро вернется?

— Завтра, — ответил я, вспомнив слова медиков.

— А папа?

Папа? Кто знает, сколько дней держали в больнице в семьдесят восьмом? Я не имел ни малейшего понятия. Поэтому сказал примерно:

— Через неделю.

Ирка громко вздохнула, задрала голову, глянула мне в глаза и тут же отвернулась.

— Он заболел?

Я кивнул. Она, хоть и не смотрела на меня, поняла, спросила:

— Живот? Поэтому вы все ночью не спали?

Тут я не выдержал, зачем-то ответил, как есть:

— Нет. Ты снова пыталась открыть третью комнату и всех разбудила.

Как оказалось, зря. Я смотрел на нее в упор. Я ожидал какой угодно реакции... Действительность меня разочаровала.

— Я? — Ирка отстранилась, отскочила на шаг, ткнула в себя пальцем. Сначала в глазах у нее появилось изумление, потом обида до слез. — Ты шутишь? Зачем?

Мда... Говорила она искренне. Я вдруг осознал, что она совершенно, просто абсолютно не помнит свои ночные похождения. Она понятия не имеет, что и как управляет ею. Для нее жуткая тень попросту не существует.

— Ир...

Я попытался ее поймать, обнять, пожалеть, но она юркнула мне под руку и убежала в гостиную, звучно шлепая босыми ступнями. Пришлось идти следом.

Помнится, ночью мать обещала придвинуть к двери что-нибудь тяжелое, чтобы Иришка опять не смогла сбежать. Когда будил, когда рассказывал об отце, я этого совсем не заметил. Сейчас же поразился очевидному — вся мебель была на месте. Дверь никто не подпирал. Это казалось невозможным. Такой беспечный подход не был похож на ту маму, которую я когда-то знал.

Тут же пришло в голову, что сумку она с собой тоже забыла взять. А еще едва не уехала прямо в халате. И вообще вела она себя весьма странно. Словно...

Я судорожно сглотнул. Словно была одурманена. Словно подчинялась чьему-то приказу. И с отцом вся эта пакость приключилась, точно по заказу. И Ирка...

Я будто невзначай глянул на сестру. Она сидела на кровати, в самом углу, на подушке, и куталась в простыню. Губы ее дрожали, на ресницах блестели слезы. Вот-вот заревет. Только пока не понятно от чего. Из-за моих слов или из-за болезни отца. Ну да ладно, главное, вещи матери я отдал, а то как она без сумки, без денег обратно доедет...

А сейчас с меня хватит всех этих тайн. Пока никого нет, пока ни перед кем не нужно отчитываться, пока я за главного, отсюда надо валить. Нужно увозить Ирку. И как можно дальше. Пусть не навсегда, пусть на один день. Раз уж высшие силы оставили меня самого расхлебывать варево, то лучше переждать проклятую субботу, как можно дальше от этого места. От этой квартиры, от этого города, от этого...

И тут я замер, как громом пораженный. Черт возьми, вот дебил! Сумка! Деньги! Я же ничего не оставил себе.

Я моментально забыл про сестру, сидящую за спиной, про то, что она все видит. Ринулся к вещам, к шкафам, к чемодану. Я ринулся проверять чужие карманы. Пусто, везде пусто. Одни носовые платки. Сбегал в коридор, обыскал батин пиджак, нашел его сменные брюки, проверил и там. Ничего!

Это какое-то проклятье. Чертов фантом, хозяин этого места, будто лишает нас всех разума! Словно заставляет делать глупости. Точно крупье двигает фишки на поле вечности. А мы все послушно следуем его желаниям. Всегда, во всем. Я громко со вкусом выругался. Легче не стало.

Я сам отдал матери все — деньги, документы, даже ключи от машины! Все! Абсолютно все! Да теперь я смогу купить разве что билет на автобус. Это мой потолок! Я вернулся в гостиную. Ирка больше не пыталась лить слезы, глаза ее высохли. Она смотрела на меня с восторженным ужасом и любопытством.

— Я все маме расскажу, — нахально выпалила она.

— Рассказывай, — согласился я. Мне было все равно.

— И расскажу... — В этот раз ее слова прозвучали не так уверенно. — Олежка, что-то случилось?

Случилось, родная моя, еще как случилось. Я с тоской смотрел на журнальный столик. Там была небрежно рассыпана мелочь — двадцать три копейки. Сущие гроши. В кармане моих брюк со вчерашнего дня лежало еще сорок. Это была катастрофа. Это был полный крах! Я тяжело опустился на диван и обхватил ладонями голову. Что делать? Что же делать? Отсюда надо уходить, уводить Ирку, это ясно, как божий день.

На улице тоже оставаться нельзя. В прошлый раз все произошло именно там. Ничего сверхъестественного в этой квартире сорок лет назад я не помнил и не видел. Хотя, что я вообще видел в прошлый раз? И домой-то возвращался только ночевать. С родителями перессорился вдрызг, с самой Иркой поругался...

Сестренка отпустила простыню и придвинулась ближе. Она явно что-то хотела спросить, но не решалась. А я...

Я вдруг четко осознал, что остался только один способ хоть как-то изменить ситуацию — нужно пойти к соседям, найти дядю Толю, рассказать ему все... Попросить помощи. Я бросил взгляд на притихшую Ирку и слегка подкорректировал мысль. Почти все. О том, что шесть дней назад я жил в двадцать первом веке, знать дяде Толе совсем не обязательно. О том, что Ирке угрожает фантом... Ой, не знаю, не знаю... На меня накатило отчаяние. Захотелось заорать в голос. От злости на себя, на тень. Он безысходности и несправедливости. Я едва сдержался.

Плевать. Все расскажу! А там, будь, что будет. Захочет, поверит. В конце концов, был же тот разговор на улице! Не приснился же он мне. О чем тогда отказался поведать сосед? И тут же мелькнуло: «А вдруг, я все неправильно понял! Вдруг принял за простое беспокойство, желание удержаться от хулиганства, за что-то большее?»

Что ж, тогда меня просто не смогут понять. Я горько хмыкнул. Тогда решат, что я спятил. Тогда придется сказать, что я пошутил. Глупо, неудачно, не смешно. Просто пошутил. Что-то доказать у меня все равно не получится. Невозможно такое доказать, и объяснить невозможно. Но попытаться стоит. Вечер вот он, не за горами. Я глянул на часы. Пол-одиннадцатого. В восьмом часу уже темнеет. А что было вечером в прошлый раз? От этой мысли мороз пробрал по коже.

— Быстро одевайся, — приказал я Иринке, — мы уходим.

И сам пошел менять одежду. Если кто-то думает, что она меня послушалась, он сильно ошибается. Ирка всегда была упрямец. Она скользнула за мной следом, замерла на пороге спальни. Спросила с недоумением:

— Куда?

— Пойдем к твоей подружке в гости.

Ирка задумалась, вроде даже обрадовалась, но снова спросила:

— Зачем?

Сложный вопрос. И хуже всего было то, что я весьма приблизительно помнил, как нужно говорить с девятилетними девочками, какие аргументы на них действуют? Что может их убедить?

— Мамы нет, — начал я издали, — а у соседей тетя Нина. Попросим помочь...

— Зачем? — Ирку, похоже, заело.

Что ей сказать? А если...

— Я сам с тобой не справлюсь... Тебя надо кормить...

Прозвучало это невероятно глупо. Словно Ирка дитя малое, а я не знаю, что с ним делать. Она сама тоже это поняла, смешливо фыркнула. Глаза стали лукавыми.

— А раньше как справлялся?

Как-как, каком кверху! Ясное дело, этого я говорить не стал. Я вообще ничего сказать не успел.

Ирка, не дожидаясь моего ответа, ушла. Я выглянул следом. Она и не думала исполнять мой приказ, деловито завернула на кухню. Оттуда раздался звук крышек о кастрюли и довольный голос:

— Олег, зачем нам тетя Нина? У нас есть гречка, молоко и вчерашний рассольник. А еще колбаса, яйца, сыр и хлеб.

Ирка выглянула из-за угла в коридор. Все-таки она была слишком рассудительным и

самостоятельным ребенком для своего возраста. Я уже успел об этом забыть. Моська ее сияла от восторга. Утренний страх за отца успел забыться, погаснуть. В ее головушке бурлили гениальные идеи — одна завлекательнее другой.

— Представляешь, — захлебываясь словами протороторила она, — мы здесь остались одни, совсем как взрослые! Это здорово! — И добавила свое неизменное: — Ура! — Правда, довольно быстро подугасла. — А завтра мама вернется. Зачем куда-то идти? Если что, я сама тебя накормлю. Я знаешь сколько всего умею?

Шах и мат. Своими словами сестренка загнала меня в тупик. Она была в восторге. Мне же стало совсем не до радости. Все нутро орало и требовало убираться из этой квартиры. И до вечера, до темноты надо было этот вопрос как-то решить.

— И вообще, — сказала Ирка, — я хочу в туалет и есть. А ты со своими глупостями пристаешь!

Она упрямо вздернула носик, завернула в гостиную и захлопнула за собой дверь.

«Пусть так, — подумал я, — пусть в пристройку. Лишь бы выйти отсюда. Кто помешает мне позвонить соседям по пути. Благо мы живем в одном подъезде».

Я тоже переоделся. Ссыпал всю мелочь в карман. Пока Ирка не видела, проверил заколоченную дверь — гвозди на месте, замок по-прежнему заперт. Мельком глянул в зеркало, там тоже все было спокойно. Я машинально прихлопнул нагрудный карман рубашки. Мешочек лежал там. Ирка пулей вылетела из гостиной и встала у дверей. На ней было домашнее платье и шлепки. Уходить надолго она не собиралась.

Вниз неслись почти бегом. В отличие от меня, ей раковина была недоступна. На улице Ирка вообще стартанула, обогнала меня корпусов на десять и юркнула в пристройку. Я остановился у самой двери. Мне спешить было некуда. Я ждал и осматривался вокруг. Пусто. Потрясающе пусто. Все отдыхают, все сейчас на пляже.

Выглянула она из пристройки минут через пять, увидела меня и скривилась:

— Олег, я не маленькая уже! Ты так и будешь меня сторожить.

«Буду!» — ответил я про себя. Вслух же сказал:

— Нет, ты что? Я просто решил подождать, чтобы одному не идти...

Она поверила. Ей было приятно, что я ее жду.

В подъезде Ирка уже почти успела проскочить один пролет вверх, когда я позвонил в соседскую дверь. Она остановилась, спустилась на пару ступеней и оперлась о перила. В глазах ее был неизменный вопрос: «Зачем?»

Я сделал вид, что не понимаю этого взгляда. За дверью было тихо. Я снова нажал кнопку звонка. И снова без результата.

— Никого нет? — Спросила Ирка.

Сразу стало понятно, что это ее скорее радует. Я же окончательно расстроился.

— Похоже на то.

Она спустилась до конца, взяла меня за руку, попросила:

— Пойдем завтракать?

Я кивнул.

— А потом на море?

Я снова кивнул. Какая к чертям собачьим разница? Хоть на море, хоть куда. Лишь бы

подальше от этой квартиры. А к соседям можно позвонить и позже. Не навсегда же они пропали?

Ирка понеслась вверх, не выпуская моей ладони. И мне пришлось прибавить шаг.

Дома особо мудрить не стали. Погрели в ковшике молоко, залили гречку и с аппетитом поели. Часы показывали половину двенадцатого. Самый солнцепек. Я подумал, что мать бы сейчас устроила скандал. И тут же решил, плевать, скоро сентябрь, солнце уже не то. В конце концов немного погуляем, подождем.

Ирка, деловито, словно внезапно, в одно мгновение выросла и повзрослела, собрала с собой полотенца, купальник. Притащила мои плавки. Уложила все в сумку. Я вымыл посуду и сделал с собой четыре бутерброда с сыром. Взял складной стакан, чтобы на пляже было во что налить воды из питьевого фонтанчика. Водрузил на Ирку панаму. Махнул расческой себе по волосам.

Квартиру покидал с огромным облегчением. Запер тщательно, на два оборота. Ключ сунул под коврик — вдруг мама вернется? Хотя, больше всего на свете, хотелось его просто выбросить. В ближайшие кусты. В море. Куда угодно, лишь бы не видеть больше никогда.

Внизу вновь нажал на кнопку звонка. Ирка притопнула ногой, возмущенно фыркнула и унеслась на улицу. Я на миг прислушался — за дверью было тихо. Звонить еще раз не стал, просто, бросился следом.

Сестренка, как ни в чем не бывало, ждала меня во дворе, сидя на лавке за доминошным столом, болтая в воздухе тощими ногами в сандалиях. Вид у нее был обиженный. Она меня заметила, спрыгнула на асфальт и молча пошла впереди, всем своим видом показывая, что я не прав.

— Ир! — Я в один шаг ее догнал. — Не дуйся. Пойдем лучше мороженое купим. Полдень, купаться пока рано.

Мороженое подобно волшебному заклинанию все изменило. Ирка заулыбалась, забыла про обиду, про возмущение, сунула мне свою ладонь и выпалила скороговоркой:

— Только, чур, мне эскимо!

— Идет! — Согласился я.

Очереди, к огромному моему удивлению, не было. Эскимо не было тоже. Честно говоря, не было почти ничего. Слегка расстроенная Ирка получила вафельный стаканчик. Я взял себе фруктовое, такое же, как и в прошлый раз.

Мы перешли дорогу, просочились через скверик между домов, я вспомнил, как в прошлый раз здесь меня вела Вика, за домами свернул налево и вывел сестренку на пустырь.

Тут стало совсем жарко. Солнце, словно на зло, палило нещадно. Словно и не конец лета. Спрятаться было некуда. Ни кустов, ни деревьев, ни тени. Я глянул на Ирку, порадовался, что на ней панамы. Пожалел, что не надел отцовскую кепку. Но, теперь-то, что толку? Не возвращаться же обратно.

Чуть впереди, по правую руку, виднелись деревья, и я направился туда. Ирка не возражала. Она с азартом приканчивала мороженое. Под деревьями, в рассеянной тени обнаружилось два толстых бревна, очищенных от коры, засиженных до блеска. Зразу стало понятно, что мы не первые прятались здесь от солнцепека. Трава была вытоптана на нет.

Вокруг рассыпью валялись окурки, фантики.

Ирка без просьб и уговоров плюхнулась на бревно. Я уселся рядом. Сначала молча орудовал палочкой в мороженом, потом поднял глаза и остолбенел. Отсюда открывался прекрасный вид на развалины. Те самые развалины, где в прошлый раз...

Я вздрогнул и выронил стаканчик из рук. Тот упал, подпрыгнул на утопанной земле, перевернулся и плюхнулся Ирке прямо на ногу. По сандалиии растеклась сладкая розовая жижица.

Я это видел и не видел одновременно. Мной полностью завладела мысль: «Как? Как я мог забыть, что это находится здесь? Зачем я сюда привел Иру? Неужели тень завладела и мной тоже? Неужели она управляет моим разумом, а я сам не отдаю себе в этом отчета? Неужели я делаю то, что хочет она?»

Стало жутко. До мороза по коже. словно жаркий день внезапно сменился лютым арктическим холодом.

— Олег! — Ирка подскочила с бревна, затрясла ногой. — Ну ты чего?

Стаканчик отлетел с сторону, в траву. Розовые капли жемчужинами повисли на пыльной зелени.

И тут сестренка тоже увидела развалины. Забыла про ногу, про грязную обувь, глянула с интересом, ткнула пальцем:

— Олег, — голос ее исполнился любопытством, — а там что?

Глава 23. Бунт

— Не знаю, — ответил я чересчур поспешно и отвернулся.

Она привстала на мысочки, вытянулась, вгляделась и предложила:

— Пойдем, посмотрим? А?

Ну вот, началось. Я поморщился и, стараясь чтобы мой голос звучал, как можно равнодушнее, ответил:

— Ириш, чего там делать в такую жару? Лучше на пляж пошли. Там у кого-нибудь спросим. Местные должны знать.

Она с сожалением вернулась на бревно, ковырнула пальцем кольцо сучка и проворчала:

— Вот почему тебе ничего не интересно? Скучный ты...

Я мог бы ей ответить, что лучше быть скучным, но живым... Но просто пожал плечами.

— Пойдем! — Она опять подорвалась.

У меня сжалось сердце. И я решил, что в крайнем случае утащу Ирку отсюда силой. Пусть орет, пусть вырывается, пусть делает, что хочет. Мне уже все равно. Я с ней справлюсь.

Но оказалось, что я ее неправильно понял. Ирка наставила на меня палец и договорила:

— Но ты мне поможешь строить замок!

Я так обрадовался, что легкомысленно пообещал:

— Да хоть два!

Который раз я был на этом пляже? Третий? Четвертый? В голове все события странным образом перемешались, перепутались. Я толком не мог вспомнить всего, что было со мной за эти шесть дней, бесконечно долгие, полные страха и ожидания.

И снова народа почти не было. Чуть в стороне отдыхала семья с мальчиком лет четырех.

В воду они не лезли. Нами не интересовались. Ирка бросила сумку на песок, выудила оттуда купальник и юркнула в кабинку переодеваться.

Я прямо тут обмотался полотенцем, стянул брюки, семейники, надел плавки. Расстелил свое полотенце, одежду сложил поверх. Зачерпнул ступней горячий песок, разгреб до влажного слоя, разровнял, немного постоял, ощущая подошвами прохладу. Потом спустился к самой кромке воды и не сразу понял, что изменилось.

В зеленоватой толще повсюду мелькали бело-голубые прозрачные купола. Огромные, до полуметра. Живые. Опасные. Никогда не думал, что такие здесь могут быть.

Я встал на мокрый песок, туда, куда добежали волны. Но так, чтобы морские странницы не могли до меня достать. Принялся за ними наблюдать. Похоже, купание сегодня накрылось. Подтверждая мои слова, со своего места закричала соседка:

— В воду входить не стоит! Ночью медуз прибило. Стрекают!

Я обернулся.

— Откуда такие громадные могли приплыть?

Соседка пожалала плечами.

— Из Черного, наверное. Их иногда приносит через Керченский пролив. Редко. Последний раз лет двадцать назад. Я плохо помню, маленькая совсем была.

Из кабинки выбралась Ирка, услышала наш разговор.

— Мы не купаемся? — спросила она расстроено.

— Мы замок строим, — ответил ей я, — ты же сама хотела.

— Хотела.

Она вздохнула и потопала к берегу, чертя ступнями на песке две борозды, оставляя за собой «лыжню».

Женщине стало ее жаль:

— Не расстраивайся, девочка, скоро они уплывут. Долго здесь не задержатся.

Эти «скоро» и «долго» повергли меня в уныние. Кто знает, будут ли они у нас?

Ирка подошла к самой границе прибоя, взгляделась. Медузы были совсем рядом, но в толще воды стояла муть. Их было плохо видно. Девчонка, стараясь не ступать в волны вытянулась, слегка склонилась вперед, но тут же потеряла равновесие, взмахнула руками и чуть не плюхнулась пузом в море.

— Ириш, — я едва успел ее поймать, — не надо. От медуз ожоги бывают. Знаешь, как потом болят?

— Они красивые, — проговорила она тихонько.

— Красивые, — согласился я, — и опасные. Мухоморы вон тоже красивые. И что?

Ирка расстроено повздыхала и принялась черпать воду ладонями, лить на песок, готовить площадку. Я достал из сумки складной стаканчик и принялся ей помогать.

В голове крутилось: «Что делать? Что же делать?» Эта мысль меня убивала. Отчего-то вспомнилось, как мы сидели здесь, совсем недалеко с дядей Толей. Как я узнал про Калачевку, про церковь. Как познакомился с бабой Дусей. А может быть?

Это была идея. Это был шанс. Это могло бы стать выходом. Что если поехать туда? Попроситься к бабе Дусе с ночевкой на одну ночь? Или пойти к отцу Серафиму? Не выгонят же они нас! Кто-нибудь да поможет.

Решение было таким простым, что я неожиданно расслабился и почти успокоился. Пусть Ирка достроит свой замок, а потом я ее уговорю. Соблазню котом, коровой, домашним молоком, чертом лысым, чем угодно... Лишь бы уехать из этого проклятого

городка.

Время летело незаметно. О развалинах мы больше не говорили. Иркин замок обзавелся главной башней-донжоном. Сестренка пробежалась по берегу набрала осколки ракушек, мелкую гальку, нашла несколько кусочков окатанного стекла и сейчас выкладывала по периметру башни площадку. К_н_и_г_о_е_д_._н_е_т

Я построил вокруг четыре башенки поменьше, соединил их между собой крепостной стеной. Со стороны моря к стене приделал смотровую площадку, больше похожую на балкон. И усмехнулся: «Какая же принцесса без балкона?» А Ирка сейчас воображала себя принцессой.

Потом ей захотелось маяк... И снова пришлось носить воду.

Время пролетело незаметно. Соседи уже ушли. Замок подсох на солнце и принялся осыпаться тоненькими струйками. Ирка отковыряла с площадки стеклышки, опустила в сумку, решила забрать с собой. Я не стал возражать. Настроение у нее было благодушное, расслабленное. Самое время действовать.

— Ир, — начал я осторожно, — а хочешь, съездим в гости?

Она вытаращилась на меня удивленно. Пока еще молча. Это обнадеживало. И я продолжил:

— Я здесь познакомился с одной бабушкой. Она живет в деревне, совсем недалеко. У нее кот большой и корова. Звала нас в гости. Поедем?

Ирка склонила голову на бок и снова стала похожа на мать.

— Не поеду, — отрезала она.

Я растерялся.

— Почему?

В ответ прилетело:

— Зачем?

Снова «зачем»! Черт бы ее побрал с этим вопросом! Вот что на него ответить?

— Там здорово, — сказал я и принялся перечислять, сочиняя на ходу, — там речка, колодец, там...

— А если мама приедет? — Ирка не отводила от меня глаз.

— Причем здесь мама?

Ирка глянула на меня, как на несмышленища. Я и чувствовал себя полным идиотом.

— Ты что? Совсем? — Загорелый палец наглядно покрутил возле виска. — Она приедет, а нас нет. Она же испугается!

С этим сложно было спорить. Но аргумент у меня нашелся:

— Так мы же вернемся. Мы ненадолго. Съездим и обратно.

Ирка даже не раздумывала:

— Не поеду!

Я не выдержал:

— Ну, почему?

Она улыbnулась. Улыбка эта мне совершенно не понравилась. Маленькие девочки ТАК улыбаться не умеют.

— Не хочу! — сказала она почти по слогам. — И вообще, я хочу домой! Я есть хочу!

Я достал из сумки бутерброды и подсунул ей.

— На, ешь!

Ирка сморщилась, отпихнула мою руку. Кусок сыра свалился с хлеба и шлепнулся на песок. Она отпустила его ладонью и повторила с вызовом:

— Не хочу!

Потом встала, отряхнулась от песка и напялила платье прямо поверх сухого купальника.

— Я хочу домой! Это понятно?

«Хочу», «Не хочу», вот заладила! Я поднялся и тоже оделся. Потом, пока Ирка не успела ничего сообразить схватил ее за руку и потащил в сторону порта, приговаривая на ходу:

— Почему ты такая упрямая? Мама оставила меня за старшего. Велела смотреть за тобой. Почему ты не слушаешься?

— Потому что ты дурак! — выпалила она. — Потому что я хочу домой!

Дальше я спорить не стал. Ирка упиралась, как коза. И мне приходилось ее едва ли не волочь. Это было сложно. Тогда я обхватил ее за пояс, закинул на плечо и понес, радуясь про себя, что рядом никого нет.

Ирка не сдалась. Сначала она принялась молча колотить меня кулачками по спине. А, когда это не помогло, завизжала. Громко, отчаянно, с чувством. Где только в этом тельце раньше скрывалась такая мощь? Меня оглушило, и я поставил ее на ноги, только перехватил руку, чтобы не вздумала сбежать.

Визжать она не перестала. Наоборот, только поддала мощи.

Из-за спины донеслось:

— Эй, парень, ты что такое задумал! А ну, оставь девочку в покое!

Я выпустил Иркину руку. Она отпрянула и показала мне язык. А потом выкрикнула:

— Совсем спятил?

Я обернулся. К нам бежало трое мужчин. Были они уже совсем рядом. Откуда только взялись? Пришлось спешно оправдываться:

— Это моя сестра. Я ее с пляжа пытаюсь увести. Ир, подтверди!

Ирка молчала. В глазах ее мелькнуло злорадство. Мелькнуло и угасло. Но этот миг успел меня напугать.

— Не поеду! — проговорила она одними губами, без звука.

Ко мне уже подскочили. Хотя я и не пытался сбежать, схватили с двух сторон за руки, скрутили. Настроены они были серьезно. Я представил себе, как бы сам вел себя в подобной ситуации... И окончательно скис. Если сейчас Ирка не заговорит, то меня отведут в милицию, а она пойдет домой одна. Благо ключ лежит под ковриком.

Ирка молчала. Смотрела на меня исподлобья и ждала.

— Девочка, — не выдержал один из мужчин, — ты его знаешь? Этот твой брат?

Она молчала...

— Ир! — я буквально взмолился. — Ты чего молчишь?

— А ты чего меня тащил? — Внезапно ответила она.

Мужики переглянулись. Их хватка слегка ослабла.

— Так он тебе брат?

Ирка кивнула.

Меня отпустили. Хлопнули по плечу, сказали наставительно:

— Вот что, брат. Ты бы хоть попытался найти с девочкой общий язык. А то так в милицию, не ровен час, загремишь. Она у тебя вон какая продуманная.

— Попытаюсь, — пообещал я.

На душе стало совсем тоскливо. Я четко осознал, что из квартиры Ирка добровольно не уйдет. Последняя надежда оставалась на дядю Толю. Если он, конечно, сегодня вернется. Если нет, придется встречать весь этот ужас лицом к лицу и бороться цыганскими методами. Другого способа я попросту не знал.

Как там сказала Лачи? У меня все получится, если не струшу и не отступлю? Так вот, я не отступлю, даже если струшу. Обратной дороги у меня нет. И третьей попытки мне не дадут.

Половину дороги Ирка шла первая и молчала. Я тоже не спешил с ней вести беседы. Я теперь вообще не был уверен, Ирка ли это. Точнее не так. Я не был уверен, кто говорит со мной: моя сестренка или то, что управляет ее разумом извне. Я все никак не мог выбросить из головы торжествующий блеск в таких родных и любимых глазах.

Не хотелось верить и в то, что бороться придется не только с чужеродным злом, но и с собственной сестрой. Хотя, по всему выходило, что будет именно так.

Потом Ирка вдруг словно оттаяла, словно то, что что отравляло ее разум, исчезло. Она придвинулась ко мне, сунула ладошку и робко предложила:

— Давай мириться?

От нее больше не исходило угрозы. Сразу стало легче дышать. Нечто ушло, отступило. Пока...

— Давай, — согласился я.

— Мирись-мирись-мирись... — завела она.

Я хотел верить в ее искренность, но у меня получалось плохо. Больше я не мог ей доверять. Все ее слова казались мне ложью, продиктованной мороком.

Ирка закончила мирилку, прижалась ко мне и доверительно прошептала:

— Я кушать хочу. Пойдем домой?

Я вспомнил, что в сумке сиротливо болтаются три оставшихся бутерброда, но предложить ей не рискнул. Пусть будет так. Домой так домой. Пусть тварь думает, что все идет по ее плану. А там мы еще посмотрим, кто кого.

Окна у соседей были закрыты. Я привстал на цыпочки, заглянул. Со двора внутри квартиры не было видно никого. В подъезде я все равно не сдержался и, не обращая внимания на Иркины возмущенные взгляды, нажал кнопку звонка. Тишина. Опять тишина. Мог бы и не стараться. Ни дяди Толи, ни его семейства дома не было.

Наш ключ все так же лежал под ковриком. Моя последняя надежда канула в небытие. Мать не вернулась. Ирка подняла ключ и протянула мне.

— Открывай сама, — сказал я, — как взрослая.

Она обрадовалась, словно ей предложили нечто несусветное. Запрыгала на месте, правда, быстро утихомирилась, вставила ключ в замок, повернула, первая зашла внутрь. Дверь я запер на два оборота. Ключ в замке оставлять не стал. Вынул и украдкой опустил в карман брюк. Почему? Да кто его знает. Так мне отчего-то было спокойнее. Я словно оставлял за собой путь к спасению.

Ирка сбросила сандалии, вприпрыжку пронеслась по коридору, стукнула пальцами по зеркалу и юркнула в нашу спальню. Скоро послышался звук крутящейся пластинки. А потом раздалась музыка. Снова «Бременские».

Я зашел следом, начал переодеваться. Ирка лежала на кровати, на животе, подперев кулаком подбородок, и болтала в воздухе согнутыми ногами. Ей все нравилось. На подушке перед ней был разложен мамин журнал. То ли «Крестьянка», то ли «Работница». Где только взяла? Впрочем, какая разница.

— Суп будешь? — спросил я, натягивая треники.

Ирка наморщила нос, повернулась ко мне.

— Суп? Фе-е-е-е... А что еще есть?

Я даже не удивился. Предложил:

— Могу пожарить яичницу с колбасой.

— Давай! — она перелистнула страницу и уточнила: — А ты умеешь?

Я кивнул. Эх Ирка, если бы ты знала сколько всего я умею. Ты бы очень удивилась.

Сковорода нашлась в духовке. Чугунная, тяжеленная. Как говорила бабуля, такой сподручно грабителей встречать. Раз, в лоб и наповал. Убойная штука. Я ею драться не собирался. Налил масло, разжег огонь.

Потом настругал ломтиками колбасу и кинул жариться. По кухне поплыл вкуснейший аромат. В животе заурчало. И я вдруг понял, что тоже голоден. Странно, почему? Вроде недавно ели. Я бросил взгляд на часы. Ого! Почти пять! Ничего себе загулялись! Тогда не удивительно. Надо быстрее отправлять на сковороду яйца.

В кухню просочилась Ирка, встала на пороге, посмотрела, как раскалываются в моих руках скорлупки, сделала жалобные глаза.

— Чего тебе? — спросил я настороженно.

Она переступила с ноги на ногу.

— Олежек, я в туалет хочу, а дверь заперта.

Хотелось сказать: «И правильно! Нечего шататься одной!» Хотеть не значит сделать. И я произнес:

— Ириш, мне нужно еще пять минут. Потерпи. Потом я тебя провожу.

Она взбеленилась:

— Спятил? Ты что теперь везде будешь со мной ходить? Я маме пожалуюсь!

Не знаю, что она себе думала, но глупая угроза на меня не подействовала.

— Жалуйся кому хочешь, — сказал я, — еще посмотришь, что скажет тебе мать.

Ирка фыркнула и пулей вылетела из кухни. А я порадовался, что предусмотрительно спрятал ключ.

Яичницу сделал от души — на шесть яиц. Так, чтобы хватило наверняка. Пока она доходила, нарезал хлеба, помыл помидоры, поставил тарелки. Выключил газ. Глянул на часы. Прошло всего шесть минут. Надо вывести Ирку, а то ору потом не оберешься.

Бременские музыканты пели заграничную колыбельную. Я пошел в спальню и остановился на пороге. Ирки не было.

— Ир! Иришка! Ты где?

Сердце заколотилось в груди. Мой вопрос остался без ответа. От этого сделалось еще

хуже.

— Ир, ты в прятки что ли решила поиграть? Вылезай! Не смешно. Обедать пора.

Тишина. Я подошел к проигрывателю и выключил пластинку. Казалось, если не будет музыки, я смогу услышать сестру. Дыхание. Шорох. Любой звук. Я замер и прислушался. Бесплезно. Тогда быстро нагнулся и глянул под кровати. Пусто, конечно, пусто, не дура же она прятаться здесь, на виду.

— Ну, Ирка, — сказал я уже совсем недобро, — не выйдешь, найду сам и поставлю в угол. Вместо обеда.

Чуть подождал. Не вышла.

Я пробежался по всей квартире. Заглядывал за шторы, проверил шкаф. Подергал ручку закрытой двери. Осмотрел окна. Ирки нигде не было. В голове моей царил полный хаос. Куда она делась? Не испарилась же? И тут меня осенило. Рванул в коридор, дернул входную дверь на себя. Так сильно, что, не встретив сопротивления, едва не завалился назад. Дверь послушно открылась.

Глава 24. Портрет

Не заперто. Что за чертовщина? Я выглянул в подъезд. В сердце еще тлела надежда, что Ирка прячется где-то поодаль, что затаилась, что ждет, когда я начну извиняться.

И хрен с ним, я не гордый, от меня не убудет.

— Ир! — крикнул я. — Ира!

И эхо разнесло мой голос во все стороны, прокатило по лестничным пролетам, донесло до потолка, ударило в окна.

— Ир, ну хватит! Я больше не буду, честно!

Если эхо считать откликом, то я получил отклик. Только от Ирки ответа не было. Во мне всколыхнулось раздражение — где только эта срань взяла ключ? Я же его спрятал. Неужели стащила? Сердце опасно заныло. Не дай Бог! Там рядом лежало и цыганское противоядие — заговоренный пепел! Вдруг и его взяла?

Дверь я оставил, как была, нараспашку. Бросился обратно в спальню, сдернул со стула брюки, проверил карманы. Ключ оказался на месте. На месте! Как такое может быть? Я точно знаю, что запираю замок! Неужели мелкая зараза нашла где-то запасной? Прощупал рубашку — мешочек лежал в кармане. Слегка полегчало.

Но тут же снова стало хреново. А Ирка-то где? Куда она сбежала? Я трясся над ней весь этот чертов день. Не сводил глаз. Как полный придурок караулил под дверью сортира. И что? Помогло? Да ни хрена! Все повторялось снова. Сбежала. Пропала. Где? Где мне ее теперь искать? А до заката оставалось чуть больше двух часов.

А ринулся в подъезд и понесся проверять пристройку. Лестничные пролеты пролетал в два прыжка. Как только не упал, не разбился, не свернул себе шею? Не знаю. На улице был через десяток секунд. Если когда-нибудь рекорд на скорость бега по лестнице и будет занесен в книгу Гиннеса, то я точно его побью.

Не задерживаясь на пороге сортира с буквой «Ж», одним ударом распахнул дверь и вломился внутрь. Почти вломился. Как в подушку безопасности уткнулся в весьма корпулентную даму. Практически прилетел в ее объятия. Притормозил, попытался отдышаться, не в силах вымолвить ни слова. Сердце в груди заходило истерическим стуком. Звук его набатом отдавался в голове.

Меня совсем неделикатно отпихнули, окинули неприязненным взглядом, насупились.

— Это еще что за безобразие? — Голос у дамы оказался довольно низкий, грудной. Удивительно приятный. — Куда это вы, молодой человек, собрались? Или вам мама забыла объяснить с какой стороны мужская половина? Так я сейчас объясню за нее!

Дама уткнула руки в боки. А мне оставалось лишь радоваться, что орать не начала. Я извиняясь прижал к груди ладони и выпалил:

— Прошу прощения, вы девочку там не видели? Девять лет. Худенькая, довольно высокая, светленькая.

Женщина оглянулась, бросила в недра помещения вдумчивый взгляд и вновь посмотрела на меня.

— Нет тут никакой девочки, — сказала она. — А что слу...

Дослушивать я не стал. Рванул обратно к подъезду. На миг остановился под соседской дверью. Нажал на звонок раз, два, три... Все бесполезно. Там было глухо. Влетел наверх, опять проверил квартиру, все еще надеясь на чудо. Зря. Последняя надежда моментально угасла. Дом был по-прежнему пуст.

Ну, что ж. Я знал, где нужно искать Ирку. Быстро сменил одежду. Достал из кармана кiset, сжал в кулаке, на секунду замер, словно пытался обрести уверенность в своих силах, вернул в карман. Запер дверь.

В движениях моих появилась механическая точность. Наверное, такое всегда бывает, когда человеком овладевает чувство обреченности. Когда приходит осознание, что фатум кроит его судьбу по своему умыслу, сверяясь лишь с книгой судеб, не спрашивая ни у кого совета. На весах вечности сейчас были жизнь Ирки и моя собственная жизнь. Чаши замерли в робком равновесии. По крайней мере, мне очень хотелось в это верить. В стеклянных колбах времени вниз падали последние песчинки. И я, как наяву, слышал их шорох.

К развалинам бежал, бездумно переставляя ноги, как робот, как механизм, по строго заданному маршруту. Не замечал ничего, что творится вокруг, что проносится мимо, что остается за бортом реальности. Мои глаза рыскали по лицам, высматривали Ирку. Все остальное сливалось в сплошную бесцветную ленту. Все остальное не имело никакого значения.

Сколько занял мой путь? Пятнадцать минут? Двадцать? Кто знает? Скорее полчаса. У маленькой рощицы и бревна, где мы сидели днем, я притормозил. Отсюда развалины были, как на ладони. Метров двести по прямой. Жаль, что эти места не знали прямых троп. А пробираться сквозь заросли травы высотой по пояс, когда не видно земли, когда непонятно, куда ступить, занятие не самое умное. К тому же долгое и утомительное.

Я побежал по петляющей тропе. На этот раз разум не отключился. Глаза примечали всякую мелочь, каждую ерунду. Только это ничего мне не дало. У первого же обломка бетона я остановился и перешел на шаг. Сердце трепетало, как заячий хвост. Черт, как же я сейчас боялся. Быть может, есть на свете супергерои, которые не страшатся ничего. Может быть... Чего только не встречается на просторах вселенной. Но лично я таких не встречал. И сам, увы, был не из их числа.

Мне было страшно, мне было жутко. Я буквально заставлял себя делать каждый новый шаг. Если бы только смог, я бы бросился отсюда прочь, что есть мочи, сломя голову... В русском языке придумали столько метких определений для бегства. Любое из них можно было смело применять ко мне. Только я не сбежал.

Я обследовал каждый метр, каждый шаг этой чертовой руины. Я не смог даже примерно догадаться, что здесь было раньше. И Ирки тоже не нашел. Зато отыскал то место, где она

лежала в прошлый раз, хоть и видел его только на фотографии. Его было невозможно пропустить.

Целый кусок плиты, неровный, большой, как обеденный стол, опирался на обломки поменьше. Приподнят он был примерно на высоту в полметра. От остального бетонного крошева его отделяли заросли чертополоха, усеянные пурпурными помпонами цветов.

Издали весь этот «мегалит» напоминал гротескный алтарь. На нем самом и везде поблизости было пусто. Возле чертополоха стояла пустая пивная бутылка. Давнишняя, основательно запыленная. Валялись грязные окурки.

Для успокоения совести я закричал:

— Ир! Ира! Ты где?

На этот раз даже эхо проигнорировало мой вопрос. Я поддал бутылку ногой, проследил взглядом, как она нырнула в колючие заросли, от злости сплюнул, пересек развалины полностью, вышел с другой стороны и оказался на небольшой возвышенности.

Там, внизу, совсем недалеко, сияло желтыми бликами море.

Солнце висело почти у самого горизонта. Еще чуть-чуть и край его заползет в темные воды. Скоро станет темно. Скоро последняя песчинка времени канет в вечность.

Я присел на корточки и спрыгнул вниз на песок. Трусцой пробежал по берегу, по самому его краешку, стараясь ступать на пожухлые островки травы, и метров через триста оказался у знакомой тропы. Сегодня мы с Ирккой по ней уже шли. Тогда я еще надеялся, что мне удастся удержать ее возле себя. Сейчас моя надежда растаяла. Во мне осталось лишь бессмысленное упрямство.

До дома я дойти не успел. Что-то большое, теплое ткнулось мне в бок, счастливо взвизгнуло, теранулось по ноге, забежало вперед. Довольное «Гав» вывело меня из состояния прострации.

На тропе стоял пес и, как заводной, вилял хвостом.

— Юлька! — Вырвалось из моей груди. — Ты? Как я рад тебя видеть!

Я опустился перед ним на корточки, раскрыл объятия и прижал к себе нахально улыбающуюся морду.

— А мне ты не рад? — Раздалось совсем рядом.

Откуда-то сбоку к тропе шел сосед.

— Рад! — Прошептал я и замолк, не в силах вымолвить больше не слова. В горле стоял удушливый ком.

Дядя Толя сначала ничего не заметил.

— Ты чего один гуляешь? — Спросил он.

Я выпустил из объятий Юльку, распрямился, отер ладони о штаны и признался:

— Ирка пропала...

— Как пропала? — Не понял он. — А родители где?

— Отца утром увезли на скорой в больницу, в район. Мать уехала с ним. Сегодня вряд ли вернется.

Сосед сразу посмурнел.

— Серьезное что-то?

Я кивнул.

— Аппендицит, похоже.

— Ты не волнуйся, — сказал он серьезно, не пытаясь сюсюкать со мной, как с младенцем, — у нас хорошие врачи. Поднимут.

За отца я и не волновался. Совсем. У меня были другие причины для переживаний. И я повторил:

— Ирка пропала.

— Как пропала, где? — Моя фраза словно только что до него дошла.

— Из дома сбежала, пока я готовил есть.

— Давно?

Я неуверенно огляделся по сторонам и спросил:

— А сколько сейчас?

Дядя Толя бросил взгляд на часы.

— Почти семь.

— Тогда чуть меньше двух часов назад.

— К нам заходил? — Сосед мигом стал серьезным. — Может, она с моей Иринкой играет?

Я покачал головой.

— Заходил. У вас дома никого не было. Дверь не открыли.

— Погоди. — Он нахмурился. — Во сколько, говоришь, это было?

— В пять, в самом начале шестого.

— Ерунда... — Сосед приподнял одну бровь. — Ты уверен? Не путаешь? Моя Иришка точно была дома. Мы с ней вернулись около пяти. Она пошла домой, а мы с Цезарем в гараж, а потом гулять.

— Гав! — Подтвердил Юлька и тут же добавил для внушительности: — Гав-Гав.

— Не путаю, — сказал я твердо. Хотя уже окончательно перестал что-либо понимать.

Дядя Толя задумался и вдруг усмехнулся:

— А ты с сестрой перед этим случайно не ругался?

Не знаю, можно ли назвать, то, что случилось за день, словом «ругался», но я решил не вдаваться в подробности. Ответил кратко:

— Было дело.

Он обрадовался, хмыкнул.

— Тогда все ясно, вот увидишь, сидят они у нас. Обе. Как пить дать, сидят голубушки. А дверь тебе из вредности не открывают. Небось, твоя моей пожаловалась, вот и решили тебя проучить! Пошли, проверим.

Я ухватился за его предложение, как утопающий хватается за соломинку. Ринулся вперед, в город.

Моя нервозность, мое нетерпение оказались заразными. Вся дорогу до дома мы практически бежали. Молча. Напряженно. Серьезный Юлька несся рядом, порывивая на ходу неизвестно на кого. И дядя Толя не пытался его одернуть.

К подъезду подлетели ноздря в ноздю. В последний момент пес юркнул между нами и проскочил вперед. Он сел возле своей квартиры и звонко гавкнул. Я пропустил соседа вперед. Тот похлопал себя по карманам, ключей не нашел, досадливо сплюнул и позвонил.

Дверь открылась не сразу. Сначала раздалось подозрительное:

— Кто там?

Сосед отозвался:

— Ира, открывай, это мы.

Звонко щелкнул замок. Дверь распахнулась. На пороге стояла рыжая Ирка в домашней маечке и махровых шортах. На меня она глянула мельком, а потом старательно стала делать вид, что не замечает. И отец ее это сразу понял.

— Та-а-ак, — многозначительно протянул он и спросил: — а его Иришка где?

— Какая Иришка? — Девчонка сделала удивленные глаза.

Дядя Толя поманил меня в квартиру, прикрыл дверь, взял дочь за плечо и завел в комнату. Я остался стоять на пороге.

— Ты мне дурочку не ломай, — строго сказал он уже внутри. — Где сестра Олега?

Вид у Ирки стал дерзким и немного испуганным:

— Не знаю! — Выкрикнула она и посмотрела на меня с вызовом.

Так и захотелось за нее добавить: «Что? Съел?»

— Ирина Анатольевна, — сосед уселся перед ней на корточки, ухватил за обе руки, повернул к себе, — это уже не шутки. Ты видела Иру? Отвечай честно!

Она закусила губу, а потом выпалила:

— Не скажу!

Сосед не сдержался и хохотнул:

— Уже теплее. А почему не скажешь?

Иринка насупилась. Но все равно ответила:

— Я обещала! И вообще, — она высвободила одну руку и указала на меня пальцем, — чего он, ее обижает? Кто ему разрешил? Па-а-адумаешь, старший!

— Ир, Ирочка. — дядя Толя погладил ее по щекам, по волосам. — Доченька. Это неважно. Скажи лучше, где Ира?

Девочка вдруг сдулась и пробурчала:

— Где-где, домой пошла. Как только этот ушел.

Кто такой «Этот» было ясно без пояснений.

— Спасибо, — сказал я соседу. — Я пойду.

Хотел сразу бежать, но он меня остановил:

— Олег, погоди, мы с Цезарем с тобой. Вдруг помощь нужна? Девчонки они такие... — Он тепло улыбнулся. — Обидчивые.

Потом обернулся к дочери, приказал:

— Ира, дверь запри. Я скоро вернусь.

И вышел из квартиры. Юлька выскочил следом.

Что сегодня за день такой? Мне только и приходилось, что бегать. На это раз по лестнице на второй этаж. Следом не отставая, неся сосед. Юлька замыкал процессию. У двери я остановился как вкопанный. Даже в подъезде было слышно, что в квартире громко работает телевизор.

Владимир басов пел знакомую с детства песню волка:

«Травка, цветы-незабудки,
Мама печёт пирожки:
— Кушай, мой мальчик,
Пока твои зубки,
Пока твои зубки,
Зубки, зубки, зубки...
Не превратились в клыки!»

Дядя Толя прислушался и снова улыбнулся.

— Вот видишь, — сказал он, — дома она. Сидит и ждет, когда ты прибежишь извиняться. «Красную шапочку» смотрит. Ты зря волновался.

Зря? Как бы не так! Мне от его слов легче не стало. Наоборот. Пусть Ирка была дома Пусть она нашлась. Все бы ничего, но она где-то раздобыла ключи. И кто знает, вдруг в этой связке есть ключ от третьей комнаты?

Я трясущимися руками принялся выуживать из кармана свой ключ. Потом так же долго пытался попасть в замочную скважину. Пальцы мои ходили ходуном, металл звякал по металлу. И этот звон я был не в силах унять.

Сосед стоял за спиной. Молчаливый. Сочувствующий.

— Прибью, — бросил я сгоряча. — Как найду, так сам и прибью.

— Ну-ну, — дядя Толя постучал меня по плечу, — не горячись. Девчонки, что с них возьмешь?

Наконец ключ повернулся, замок щелкнул, дверь тихонько отъехала внутрь. Я ринулся через порог, не глядя по сторонам вбежал в гостиную и замер. Там было пусто. Работал телевизор. На разобранном диване поверх смятой простыни лежал мамин журнал. Тот самый, что Ирка читала днем. Горел свет. Вот только самой Ирки не было.

— Олег! — Окликнул сосед из коридора. И я вдруг понял, что голос его звенит от напряжения. — Что это? Посмотри!

Я через силу заставил сдвинуться с места, пойти на звук. Сосед стоял возле дверей, спиной ко мне. По его положению, по напряженной позе стало ясно, что дело неладно. Юлька припал к его ноге, прижал уши. Пес скалился и рычал. Не грозно, нет, скорее испуганно, непонимающе. Я впервые видел его таким.

Рука сама потянулась к карману, дернула, вырвала с мясом пуговицу, вытянула на свет божий цыганский кисет.

Больше всего в этот миг я боялся, что опоздал, что пепел, наговоренный цыганкой, окажется бессилён. Что там, за соседом, за псом лежит хладное тело. Что Ирки, живой Ирки, веселой доброй Ирки, моей единственной сестренки больше нет.

Я рукой отодвинул остолбеневшего соседа, с трудом протиснулся между ним и стеной, застыл, замер рядом. На полу, в центре коридора сверкающей лужицей лежали зеркальные осколки. На стене висела пустая рама. Я, как во сне, отметил, что обои за зеркалом куда светлее и ярче, чем вокруг. А значит, зеркало висело здесь чертову уйму лет.

Потом поднял глаза и увидел дверь в третью комнату. Она была открыта нараспашку. На порожке лежали два целеньких не погнутых гвоздя. Словно они сами, по доброй воле покинули деревянное полотно и прилегли отдохнуть.

Дыхание мое сбилось, остановилось. Я оттянул рукой ворот, пытаюсь пустить кислород в горло. Пытаюсь хватить хоть один глоток воздуха. Почувствовал, как по виску ползет

холодная капля пота. Сделал вперед еще один шаг и заглянул в спальню, так, на всякий случай. Ирки, вполне ожидаемо, не было и там.

Тогда я перепрыгнул через груды битого стекла, стараясь перелететь ее как можно дальше, боясь даже слегка коснуться проклятых осколков. Застыл почти у самого порога.

— Что там? — Раздался из-за спины горячий шепот. — Олег, что?

Дар речи покинул меня. Я стоял и тупо пялился перед собой.

На стене, напротив двери висел большой черно-белый портрет. Правый нижний угол фотографии был перетянут черной траурной лентой. С портрета на меня смотрела Ирка.

Глава 25. Развалины

В комнате царили сумерки. Света, того, что падал из окна, и того, что лился из коридора, было мало. Но его все еще хватало, чтобы разглядеть лицо девочки. И это было Иркино лицо. Ее глаза, брови, губы, нос. Две тощие светлые косички с пышными бантами.

Девочка с фотографии смотрела исподлобья и совсем не улыбалась. Ирку я такой не помнил. Хотел было это сказать, но из горла вырвался только невнятный сип. Ноги вдруг стали ватными, отказались держать, и я обессиленно опустился на стул, стоявший у самой двери.

Дядя Толя появился в дверном проеме, встал на порожек, тяжело облокотился о косяк. Тоже сперва постоял молча, потом произнес:

— Я никогда ее не видел, только слышал о ней. Много слышал.

Эти слова привели меня в чувство. Я обернулся, подался в его сторону, воскликнул с удивлением:

— Кого не видел? Ирку?

Он поморщился.

— Нет, Катю Евграфову, Катеньку. Но ты прав, сходство фантастическое. Я не знал...

Я перебил его:

— Так это не Ира?

Он покачал головой.

— Конечно нет. Откуда здесь взяться ее портрету?

Мне стало гораздо легче. Я судорожно вдохнул, приподнялся, пошарил по стене, нащупал выключатель, нажал. Свет не загорелся. Я пощелкал клавишей туда-сюда, только все без толку.

Лампочки что ли перегорели? Взгляд мой метнулся в центр комнаты на потолок. Люстры не было. Из облупившейся побеленной поверхности торчал черный крюк.

Тогда я встал, молча сходил в комнату, взял фонарь, вернулся и осветил фотографию как следует, в упор. Наваждение сразу развеялось. Девочка на портрете действительно была очень похожа на Иру, но, к счастью, не она.

— Десять уже, как погибла. Ровно десять. Как раз в августе. — Сказал дядя Толя. — Мы тогда в этом доме еще не жили.

Я слушал его не перебивая. А он рассказывал, все, о чем знал. Жаль, знаний его было немного.

— Говорят, из-за Катиной смерти ходило много слухов. — Он сжал губы, шумно выдохнул. — Плохих слухов. В основном подозревали отца. Даже следствие было, но обвинения так никто и не выдвинул.

Сосед замолчал и тоже глянул в центр комнаты на черный крюк.

— А через день после похорон ее отец повесился прямо здесь.

— Здесь, — повторил я словно эхо.

Сразу стало понятно, почему в комнате нет люстры.

— Они вдвоем жили? — спросил я.

— Нет, мать с младшим сыном уехали куда-то. После. С тех пор квартира пустует. Ее только отдыхающим сдают. Пытались обменять, но никто не пошел сюда жить. Слухами, знаешь ли, земля полнится. Все только и говорят, что квартира дурная.

Дурная квартира, черт вас дери. Я не знал, что делать, то ли смеяться, то ли плакать. Как? Как только отец умудрился ее снять?

Я прошел вглубь комнаты, открыл шкаф, посмотрел на полки, забитые девчачьими игрушками и одежкой. На плечики со школьным платьицем. На тщательно отутюженный белоснежный фартук. На разноцветные банты. На большого плюшевого медведя с оторванным ухом...

Мне стало безумно жаль и маленькую Катерину, погибшую десять лет назад. И даже ее отца, если, вдруг, он ни в чем не виноват. У нас так запросто могут обвинить человека в чем угодно. Даже в том, чего он никогда не делал. Я знаю это по себе...

Взгляд мой пробежал по комнате. На этот раз, в ярком свете фонарика все выглядело слегка иначе. Обшарпанный паркет, отставшие от стен обои. Уныние, забвение... И я заметил на полу под столом газетный лист. Ноги сами понесли туда. Сосед прошел следом.

Я нагнулся и поднял находку. Газета называлась «Н-ский комсомолец», что вполне ожидаемо. Она была покрыта слоем белесой пыли.

Страхивать пыль я не стал. Просто положил лист на стол, на плюшевую скатерть, мельком глянул на передовицу, не нашел ничего интересного, перевернул страницу и застыл, как громом пораженный — со старой бумаги на меня смотрели знакомые развалины. Над фотографией выделялся скромный заголовок: «Несчастный случай со школьницей из Н-ска».

Я оторопел. Спросил:

— Дядя Толя, а девочка что, погибла здесь? — И указал на фото.

Сосед подошел ближе, поднял газету, сказал:

— Да, как раз на развалинах старой амбулатории нашли. Знаешь, там есть такая плита как...

Я не дал ему договорить, перебил:

— ... как алтарь. Знаю.

Он подумал и кивнул.

— Можно сказать и так. Но я хотел сравнить со столом.

Газету он вернул на место. Только закрывать не стал.

Мы стояли рядом, плечо к плечу, просто молчали и смотрели на заметку, словно надеялись отыскать там что-то важное. На душе было так пакостно, что говорить не хотелось в принципе.

— Олег, — сосед наконец прервал молчание, — а Ира-то где?

Ира? Ира!!! Наваждение спало... Я уставился в окно. Сколько мы провели в этой комнате? Час? Два? Вечность? На улице успело стемнеть.

Наверное, я произнес это вслух. Сосед вздрогнул, приподнял рукав и растерянно глянул на запястье, усмехнулся.

— Не бойся, не так долго. На часах двадцать минут восьмого, — сказал он. И

повторил. — Так где же Ира?

Я постучал пальцем по фотографии развалин и практически просипел:

— Здесь. Она здесь. Он заманил ее сюда.

Это прозвучало так убедительно, что меня не стали переспрашивать, не стали выяснять, откуда такая уверенность. Не стали уточнять, кто заманил и почему. Дядя Толя просто побледнел и прошептал:

— Тогда бежим, чего встал? Вдруг еще успеем?

Юлька словно чувствовал нашу тревогу. Бежал впереди, припав носом к земле. Что пытался унюхать, не знаю. Только свернул он не в сторону ларька с мороженым, а на тропу, ведущую к пляжу. Дядя Толя рванул за ним. Я следом.

Этим путем я сегодня уже возвращался из развалин. Поэтому испытал острейшее чувство дежавю. И все. И ничего более. Страх куда-то исчез. Осталось тупое безразличие уставшего от бесконечного ожидания человека. Мне было уже практически все равно.

Море появилось неожиданно. Лицо обдал порыв ветра. В ноздри ударил острый запах йода и соли. Обожаемый мною запах. Только застывшие чувства всколыхнуть не смог даже он.

Совсем низко, практически над водой висела луна. По беспокойной глади пробежала серебристая дорожка, воткнулась в берег и закончилась почти у самых наших ног. От отраженного лунного сияния было светло.

С разбегу я едва не влетел в нее. Едва успел затормозить, взмахнул руками, удерживая равновесие, и тут же получил полные кеды теплой, как парное молоко, воды.

— Налево! — Коротко бросил сосед и повернул сам.

Я послушно свернул за ним. Хлюпая обувкой в такт шагам.

Юлька больше не пытался найти след. Он коротко, отрывисто порывкивал. Бежал возле ноги хозяина, послушный беззвучному приказу. В какой-то момент мне показалось, что псу страшно. Что страх мой перетек к нему, оставив после себя звенящую пустоту, вакуум.

До обрыва, с которого я прыгал вниз на пляж, мы не добрались. Чуть раньше сосед взял еще левее, пересек пляж, взобрался по травянистому откосу, пробежал по прямой через пустырь, порыскал глазами, разыскивая тропу. Остановился. Там, вдалеке от воды, было куда темнее.

— Олег, — прикрикнул он через десяток бесконечно долгих ударов сердца, — а фонарик где? Ты его дома не забыл?

— Дома? Нет! — Я сунул руку в карман брюк, достал фонарь. — Он здесь.

— Давай сюда.

Он требовательно протянул руку. И я подал ему серебристую рукоятку.

Очень скоро темноту южной ночи развеял искусственный свет. Тропа сразу нашлась. Чуть в стороне, чуть выше, чуть правее. Этих «чуть» была целая куча. И счастье, что теперь они нам не мешали.

Скоро показались развалины. Темное пятно на темном фоне. Луч фонарика до них едва

добивал, оставляя воображению возможность дорисовать неясным теням четкие контуры. Мое воображение спасовало. С такого ракурса это место я еще не видел. И как оно выглядит не знал.

Сосед остановился, вытянул руку с фонарем перед собой.

— Старая амбулатория, — сказал он. — Когда-то здесь газ взорвался. Давно. Почти сразу после войны. Восстанавливать никто не стал. Разбирать тоже. Забросили, и всех делов.

По его голосу, по излишне-подробному объяснению, стало понятно, что он нервничает. Вместе с ним нервничал и Юлька. Собаки вообще прекрасно считывают настроение хозяина.

Пес встал с соседом рядом, прижал уши, припал к земле, оскалился и зарычал совсем как тогда, в коридоре, возле разбитого зеркала. Дядя Толя наклонился и положил ему на холку ладонь. Юлька немного притих.

Я на миг задержался рядом и шагнул вперед. Только попросил:

— Посветите мне, а то не видно ни черта. Темень...

Он поднял фонарик выше. Я вытащил из кармана кисет, стянул с него шнурок, зажал в кулаке. Теперь дело было только за мной. Что там говорила цыганка? Я криво усмехнулся. Ее слова останутся со мной на всю жизнь. Я не смогу их забыть, даже если очень этого захочу. Вперед!

Бежать здесь не было никакой возможности. Только если вдруг появилось бы идиотское желание переломать себе ноги или свернуть шею. Тогда да — милости просим. Приходите. И бегом, бегом. А так... Я переступал через обломки бетона, разгребал подошвой каменное крошево, выбирая место, где можно поустойчивее поставить ногу.

Днем через развалины я прошел без особых проблем, сейчас же, в неверном свете фонарика, понять, что находится под ногами, было сложно. Дядя Толя не стал отсиживаться в безопасности, пошел следом, освещая мне дорогу. И теперь впереди, скользя с камня на камень, плыла моя тень.

Заросли чертополоха я узнал не сразу. Сначала мне показалось, что это очередной кусок стены, устоявший вопреки всем катаклизмам, не поддавшийся разрушительной силе природы, победивший само время. Но едва приблизился на пару шагов, понял — вот оно, то самое место.

Здесь сосед меня догнал, положил на плечо руку, зашептал:

— Что дальше?

Почему он решил, что я знаю?

— Нам туда, — я ткнул пальцем во тьму, начинающуюся сразу за живой стеной.

Мои слова и жест неожиданно послужили приказом для беспокойного Юльки. Пес отчаянно зарычал и ринулся вперед. Взмыл в воздух, перелетел над пурпурными цветами, канул во тьму.

— Цезарь!

Голос соседа прогремел как выстрел, прорезал тишину, вонзился в сердце. Оно испуганно забилось. С той стороны раздался пронзительный вой, от которого волосы встали дыбом, и сердце тут же остановилось вовсе. Вой моментально перешел в скулеж. Жалобный, полный боли, отчаяния...

Потом... Что было потом? Мы ринулись за псом. Плечом к плечу, рука к руке. Пронзили заросли и оказались на ТОЙ стороне. Свет фонарика наткнулся на тьму и почти погас. Это было страшно. Это было необъяснимо. То, что удалось разглядеть, ужасало.

Здесь царило нечто. Неживое, равнодушное, жадное... Это нечто хлебало чужую жизнь. Полной ложкой, через край.

На плите лежала недвижимая Ирка. Лежала на спине, раскинув в стороны руки, головой ко мне. Мой взгляд отчего-то выхватил ее босые ступни, обутые в стоптанные сандалии, ее исцарапанные лодыжки. Этих царапин я не помнил. Днем их точно не было. Ирка не шевелилась.

Чуть дальше, у подножия алтаря, на земле, трепыхалось темное пятно. Именно оттуда раздавался вынимающий душу скулеж. Именно там я увидел знакомую тень.

Фантом восседал на Юльке верхом. И гладил, гладил его призрачными ладонями по бокам, по голове. Любовно проводил по глазам. Каждое прикосновение черных рук заставляло пса заходиться визгом. Заставляло его кричать, молить о помощи.

— Юлька! — Заорал сосед и бросился на выручку другу.

Глава 26. Пепел

Тут я сделал то, что должен быть сделать — я просто подставил ему подножку, заставил упасть, свалиться ничком в каменное крошево, в сухую траву. В голове моей воцарилось холодное спокойствие. Пришло осознание того, что вот он — тот миг, за который я заплатил жизнью там, в далеком будущем. В том будущем, которое теперь уже не наступит. Никогда и ни за что.

Я запустил пальцы в кiset, расправил горловину. Все лишние мысли улетучились. Исчезли сомнения.

— Просто рассыпь, — сказала мне тогда Лачи. — Рассыпь, когда придет время. Ты сам поймешь когда.

Ну, что ж, время пришло. Я вытащил из кисета щепоть пепла, медленно выпустил его из пальцев на плиту, ведя рукой вдоль Ирки. Словно посолил. Сосед тихо ахнул из-за спины. А я достал еще щепоть. Частички соли, сгоревших волос, денег падали вниз неспешно, точно вовсе не имели веса, кружились в воздухе, серебрились как снежинки. Когда они коснулись бетонной поверхности, попали на Ирку, призрак взвыл.

Я только что думал, что Юлька плачет нестерпимо громко. Я ошибался. От воя фантома заложило уши. Меня словно накрыло взрывной волной, контузило, оглушило на долгий миг. Призрак вскочил, оставил пса, так и недопив его до дна. Взмыл над землей и ринулся на нас.

Вторая щепоть полетела ему навстречу. Пронзила призрачную плоть. Наделала в ней прорех. Прошла насквозь. Осыпала Юльку. И тогда я перехватил кiset за дно и с силой взмахнул рукой, щедро осыпая все вокруг магическим инеем.

Пепел взмыл вверх, рассеялся серебристым облаком, накрыл пеленой все вокруг — меня, Ирку, камень, Юльку и тень. Фантом еще успел дотянуться до меня напоследок, схватить за плечо, пронзить мою плоть мертвыми пальцами. Приблизился почти вплотную. Я внезапно увидел в черном мареве мужское лицо. Злое. Усталое. Разочарованное. А потом тень исчезла. Мир ожил. Взорвался пением цикад.

Левая рука висела плетью. Я практически не чувствовал ее. И наплевать. Потом. Все потом. Сейчас было важно другое.

Я бросился к Иринке, склонился над ней, нашел на шее пульс. Не зря же меня столько

лет учили? Не зря же я столько лет отдал... Хотя, какая теперь разница.

Пульс прощупывался хорошо. Ровный, спокойный, нормального наполнения. С девочкой все было в порядке. Она просто спала. И меня сразу отпустило. Все напряжение, в котором я жил эти бесконечно долгие шесть с половиной дней улетучилось без следа. Из меня словно выдернули стержень, вытащили самую жизненную основу. Ноги отказались держать тело вертикально, и я мешком осел на землю рядом с плитой.

Уже там, сидя на каменной крошке, я заметил, что порошок, полученный от цыганки, слабо сияет ровным чуть-голубоватым светом. Ирка была обсыпана им целиком, оттого казалась зачарованной принцессой, Алисой в стране чудес.

Я провел ладонью по ее лицу, стряхивая с кожи пыль. Скулящий Юлька ползком-ползком подобрался к нам вплотную, склонился, приняхался, потянул в себя воздух и вдруг звонко чихнул. Потом отпрянул в сторону, ожил, повеселел и принялся чесаться. Звучно, со вкусом.

Дядя Толя от этого звука словно отмер.

— Что с ней? Жива?

— Жива, спит.

Он задумчиво кивнул, потом подошел, наклонился, поднял с камней пустой кисет, повертел его в пальцах, спросил:

— А это что? Ты где это взял?

Я усмехнулся. Сказал чистую правду:

— Купил.

Он перехватил мешочек двумя пальцами за дно и стряхнул. Оттуда взвилось новое облачко серебристой пыли. Юлька опять чихнул, посмотрел на хозяина с укоризной, отошел еще дальше, остановился там, где мерцающего пепла не было, и стал демонстративно отряхиваться.

— Купил, — задумчиво повторил дядя Толя, — хм. А где? Не в магазине же?

В голосе его звучало откровенное недоумение. Я поспешил ответить:

— Нет, конечно. Не в магазине. У цыган.

Упоминание цыган произвело поистине магический эффект. И сосед немного успокоился. Тогда пришла моя очередь задавать вопросы.

Я указал на то место, где совсем недавно видел черный силуэт.

— Это был Катин отец?

Мужчина поморщился, замялся, ответил безо всякого желания. Он словно стыдился своих слов.

— Он, гаденьш. Жил тварью, и смерть ничего не исправила.

Между лопатками пробежал холодок. Когда я просил у Господа дать шанс мне все исправить, даже не представлял, с чем придется столкнуться. Не думал, что моей соперницей станет сама тьма. Зато возник еще один вопрос.

— Вы его знали?

Сосед вздохнул.

— Знал. Работали мы вместе. Правда, никогда не были особо дружны. Он старше гораздо.

Я поднялся, опираясь на одну руку. Попытался пошевелить второй и поморщился. Плечо пронзило болью. Под кожей словно разлили кипяток. Я скосил глаза, оглядел рубашку. Крови не было, дыр не было, и то хлеб. А с остальным я как-нибудь управлюсь.

Сосед это заметил.

— Давай уходить отсюда, — сказал он. — На, возьми фонарь. А я понесу Иринку. Все равно тебе с одной рукой ее не утащить.

Я не стал спорить.

Сосед склонился над плитой, поддел сестренку под спину, под коленки, поднял, прижал к себе, перехватил, как младенца. Потом тихонько свистнул.

— Юлька, уходим!

Пес тут же присмирел, встал рядом. Ирка не проснулась. Она прижалась щекой к соседской рубашке, улыбнулась во сне.

— Идем? — Сосед вопросительно глянул на меня.

А я задал последний вопрос, который отчего-то казался мне важным.

— Почему вы мне раньше ничего не сказали? Почему не объяснили? Тогда, когда я лез в окно?

Он криво улыбнулся. Только вины в его улыбке я не почувствовал.

— А ты бы поверил?

Что я должен был ему ответить? Конечно, поверил бы! Правда, это вряд ли бы мне чем помогло.

Напоследок я обернулся и губы мои прошептали:

— Спасибо, Лачи!

Если бы я смог, я бы высек эти слова на той самой плите, где фантом уложил мою сестру. Только это уже не имело смысла.

Глава 27. Возвращение

В подъезде, при свете лампочки, я наконец-то разглядел соседа. Подножка и полет лицом в щебенку бесследно для него не прошли. Лицо у него было исцарапано. Под глазом наливался синяк. Подумалось, что рукам тоже должно было достаться. За Иркиной спиной я этого не видел.

Мне стало не по себе. Пусть я и понимал, что иного пути не было. Столкнись сосед с фантомом, еще неизвестно, чем бы это закончилось для него. И все равно, подножка оставалась подножкой, не самый честный способ воздействия. Не самый лучший аргумент.

Сам дядя Толя вел себя, как ни в чем не бывало. Претензий не высказывал.

Юлька с крыльца рванул к хозяйской двери, уселся, завертел хвостом, подметая плитку, заскулил. На этот раз нетерпеливо и радостно.

— погоди, — сказал ему сосед, — нам Ирочку надо донести до дома и Олегу помочь.

Пес громко повздыхал, глянул укоризненно на нас, понял, что вздохи не помогут и побежал наверх. Дверь оказалась не заперта. Уходя мы совсем не подумали о замке. Я пошарил по карманам, заглянул под коврик. Ключа нигде не было. Толкнул дверь — в коридоре горел свет. Было тихо и пусто. Мама так и не вернулась.

Ирку уложили на родительский диван. Я стянул с нее сандалии, смочил большое полотенце, осторожно обтер открытую кожу от пепла и соли, промокнул глубокие царапины на ногах. После укрыл сестренку простыней до подбородка.

Дядя Толя тихо пережидал на кухне. Юлька улегся возле входной двери и задремал. От столкновения с тенью обессилил даже он.

Свет Ирке я выключать не стал. Она тихонько спала. Лицо у нее было спокойным, расслабленным, трогательным, как у всех крепко спящих детей. Снилось ей что-то хорошее.

Ирка счастливо улыбалась. Мне до жути захотелось погладить ее по голове, но я не рискнул. Лучше пусть спит. Ей надо набираться сил.

На кухне я вынул из холодильника треугольник с молоком и протянул соседу.

— К глазу приложите. К синяку.

Тот хмыкнул.

— А толку-то? Не поздновато?

Но пакет к лицу прижал.

Я же, склонившись над раковиной, принялся умываться одной рукой. От пепла, от соли чесалась кожа. Хотелось смыть с себя все вместе с воспоминаниями, вместе с пережитым ужасом. Как говорила бабуля? Водица-водица, утекай без следа, уноси с собой печали-хворобы...

Пусть утекает. Я плеснул от души и основательно переборщил. Почувствовал, как вода течет с подбородка за ворот, увидел, как по голубой ткани растекаются темно-серые разводы, как рубашка превращается в грязную тряпку. Это вам не сок от орехов на брюхе! За это мать точно по головке не погладит. Последняя мысль показалась неожиданно смешной. И я, не сдержавшись прыснул. Сосед подхватил. Скоро мы хохотали, стараясь не шуметь, зажимая рты ладонями. До слез, до колик. И вместе со смехом уходило напряжение. На душе становилось легко и свободно.

Я скинул испорченную рубашку на табурет, стянул штаны, остался в одних трусах. Потом склонился над раковиной, плеснул на себя снова, залез под холодную струю с головой, растер шею, прошелся по плечу и взвыл от боли. Тело словно пронзили раскаленным прутом.

Шипя сквозь зубы и ругая себя за неосторожность, я сдернул с крючка полотенце, накинул на волосы, промокнул, как мог, попятился назад и опустился на табурет. Потом повернулся к свету и попытался рассмотреть плечо. Хм... Под кожей разлилась иссиня-черная клякса, похожая на осьминога. Тушка его возлегала над ключицей, уходила на спину, к лопатке, щупальца затейливо оплетали верх руки. Сосед от окна изумленно присвистнул.

— Все так страшно? — спросил я, пытаюсь согнуть локоть, сжать-разжать кулак.

Бесполезно. Пальцы были словно ватные. По мышцам слабо бегали мурашки. Любое усилие взрывалось в ладони, пролетало вверх к локтю жгучей болью и застревало в районе ключицы.

— Даже не знаю. — Сосед покачал головой. — Сходи к зеркалу и сам посмотри. Могу сказать одно — такого я никогда не видел.

Я дернулся было в коридор, но вспомнил, что это зеркало разбито, а другое только в гостиной, в шифоньере. А там спит Иринка. Уселся обратно, подумал, что посмотрю, потом, утром.

— Ты чего? — Не понял сосед.

Я пояснил:

— Смотреться негде. Разве, к вам сходить?

Он вытаращил глаза:

— Ты что, не заметил?

Чего не заметил? Спрашивать я не стал, но по моему виду и так было все понятно. Дядя Толя поднялся.

— Пошли, — сказал он, тебя ждет сюрприз.

Сюрприз. Ха! Мягко сказано. Натуральный сюрпризище. Осколков на полу не было. Рядом тоже. Их не было вообще. Зеркало, как и раньше, висело на стене. Целехонькое. Старое, усталое, обшарпанное, с порченной временем амальгамой. Мутное стекло. Темные пятна возле рамы. Мертвое. Это ощущалось сразу. Смотреться в него было не страшно, просто неприятно. В нем не осталось жизни. Даже отражения у него получались унылыми, точно полинявшими.

Я отошел на шаг, распрямился, глянул в упор, не страшась никакой напасти. Хорош, нечего сказать, когда только успел? Я даже не мог вспомнить, когда получил столько мелких порезов-царапин. Вроде, не падал, не бросался в заросли лицом. И, на тебе... Нос ободран, на щеке синяк. Вновь сочится разбитая губа. Одним словом, красавчик. А еще плечо...

На плече был отнюдь не синяк. Казалось, какой-то безумец закачал под кожу черное упругое желе, распределил его равномерно, подобно эполету. Оплел щупальцами-косичками бицепс, спустил их почти до локтя.

Я осторожно коснулся «осьминога» подушечками пальцев. Чуть выпуклый, плотный, горячий. Вздыхнул, поморщился, словно откусил лимон. Уже сейчас было видно, если не случится чуда, это все придется резать, чистить. Потом долго и мучительно заживлять. Удивлюсь, если обойдется без пересадки кожи.

Тут же себя успокоил — если это плата за счастливую жизнь, мою и Ирки, пусть будет так, я не против.

— Как тебе?

Дядя Толя устало привалился к стене, смотрел на меня с сочувствием.

— Заживет, наверное... — Мой ответ прозвучал не слишком оптимистично.

Я сходил в комнату, достал из вещей старенькую рубашку, попросил:

— Помогите надеть. А то Иришка проснется, увидит. Не хочу пугать.

Он понимающе кивнул, осторожно просунул в рубашку мою онемевшую кисть. Помог натянуть второй рукав. Дальше я сам застегнул пуговицы почти до горлышка.

— Мы пойдем? — Спросил дядя Толя.

— Конечно, спасибо. — Я протянул ему ладонь для пожатия, дождался ответа. — Идите. Вас Ирочка уже заждалась. Волнуется уже.

Он так тепло улыбнулся, глянул на Юльку, подмигнул.

— Ничего, она у нас привычная. Не переживай. Я часто на работе задерживаюсь.

Вышел в подъезд, притормозил на пороге.

— Олег, ты бы запер дверь.

Я развел руками.

— И рад бы, да нечем.

— Это не беда, — сосед протянул ключ и, не дожидаясь моего вопроса, пояснил: — У Иринки в кармашке был. Выпал, когда я ее поднимал.

Дверь я запер. Послушал, как удаляются по лестнице шаги. Прикрыл гостиную. Потом бросил взгляд на зеркало, на распахнутую дверь, достал с антресолей молоток, добыл в вещах пару носков. Заглянул напоследок в комнату, ставшую хранилищем горя и боли.

Портрет Катеньки Евграфовой смотрел на меня Иркиными глазами. Страшное сходство, слишком сильное, чтобы быть простым совпадением. Нужно будет узнать у отца, как он нашел эту квартиру?

На столе все так же лежала газета. И тут меня посетила гениальная мысль. Я вернулся за фонариком. И уже освещая комнату перед собой, прошел внутрь к столу. Заголовок, так, фото, дальше...

Шестнадцатого августа днем на развалинах старой амбулатории был обнаружено тело девочки...

Дальше я читать стал. Усмехнулся. Я мог пыжиться сколько угодно, пытаюсь избежать сегодняшней истории. Все равно у меня ничего бы не вышло. Зачем фантому нужен был сегодняшний день? Почему было важно именно это число? Что толку гадать. Спросить все равно уже было некого.

Сегодня на календаре было пятнадцатое августа. Десять лет со смерти той первой девочки. Юбилей. Я выключил фонарик и вышел прочь. Последний раз посмотрел на скорбный портрет. Прошептал: «Ну что ж, Катюша, если вдруг твой отец был виновен в твоей смерти, спи спокойно. Я за тебя отомстил. Если нет, не держи зла». Ничего сверхъестественного в ответ не случилось. Только пальцы левой руки невольно сжались в кулак. Почти. Хороший знак, черт возьми.

Онемение постепенно уходило прочь, уступало место жгучей непрерывной боли. Я пошевелил кистью. Пальцы по чуть-чуть, по капельке обретали чувствительность. Держали плохо, но уже начали гнуться. Хотелось прилечь, прижать несчастную руку к себе, укутать чем-нибудь теплым. Но сначала надо было кое-что завершить.

Гвозди так и лежали на порожке. Я отложил их в сторонку, прикрыл дверь, опустился на колени, придавил полотно своим весом, потом наживил гвоздь в старое отверстие. Попытался натянуть на молоток носки, чтобы хоть как-то заглушить звук. Это оказалось самым сложным. После, едва придерживая гвоздь левой рукой, тюкнул по шляпке молотком. Легко, не в полную силу. Ткань защитила от удара металлом по металлу, смягчила звук. Я в два движения загнал гвоздь на место. Следом за ним и второй.

Я не хотел, чтобы Иришка заходила сюда снова. А еще надеялся, что утром она ничего не вспомнит. Ничего из того, что случилось этим вечером. Я провел по шляпкам гвоздей пальцами — все нормально. Поднялся, опираясь на молоток. Убрал носки, спрятал орудие труда на антресоли. Кажется, все.

На кухне, в аптечке нашелся анальгин. Не бог весть что, но тоже сойдет. Для верности взял сразу две таблетки, запил холодным чаем и понял, что жутко хочу есть. В сковородке на плите стояла яичница, которую так никто и не успел попробовать.

Я не стал заморачиваться с тарелкой, кинул на стол разделочную доску, сверху водрузил сковороду и принялся жадно есть, промакивая растекшийся желток хлебом. М-м-м-м, благодать. Сам не заметил, как прикончил половину. Только потом поставил чайник, привалился к стене и стал ждать.

На часах было без пяти десять. Спать не хотелось. Не хотелось ничего. В душе царила пустота — огромная черная дыра, в которой не осталось места даже для усталости. Я пытался представить, какой будет моя жизнь после всего этого. Завтра, через месяц, через

год. И не смог ничего.

Почему-то вспомнились слова цыганки: «Не жалея ни о чем. Правая рука всю жизнь меняется. Кто знает, что будет дальше?»

Я посмотрел на ладонь. Вздохнул. Все эти гадания — брехня. Ничего не изменилось. Я победил тень. Иринка жива. И что? Вторая линия как была совсем коротенькой, так и осталась. Не подросла ни капельки. И что по-вашему? Я завтра должен умереть? Чушь...

Настроение сразу ушло в минус. Я сжал руку в кулак. К чертям все эти суеверия. Достали они меня. Пить чай расхотелось абсолютно.

Раздался противный свисток. Я встал, выключил газ. Сказал сам себе: «Иди-ка ты спать, Олег. Утро вечера мудренее».

Ирка вольготно раскинулась посередине дивана. Простыню с себя она скинула, спихнула на пол. Ей было хорошо, спокойно. Спать я решил устроиться тут же. Тихонечко, на самом краю. Чтобы быть рядом, чтобы ненароком не упустить. И понимал, что это уже бессмысленно. Что нет никакой угрозы. И не мог себя пересилить. Страх за сестру никуда не делся, остался во мне занозой. Навсегда. Навечно.

Люстру в коридоре выключать не стал. Боялся, вдруг Иришка проснется, вдруг напугается темноты. Дверь оставил открытой на половину, чтобы свет не был в глаза, а лишь создавал в комнате приятный полумрак.

Стоило лечь, как Ирка завопилась, прижалась спиной, прошептала:

— Уже все? Дядя больше не вернется?

Сердце екнуло, сжалось. Я укрыл ее простыней, поцеловал в макушку.

— Какой дядя, родная?

— Страшный, — она всхлипнула, не открывая глаз, не просыпаясь толком. — Хозяин, который в зеркале жил. Злой.

В горле встал ком. Десяток ударов сердца пришлось потратить на то, чтобы голос звучал ровно. Чтобы просто суметь выговорить:

— Не было никакого дяди, Ириш, тебе все приснилось. Это сон.

Она поверила, снова завопилась, отодвинулась к стене, свернулась калачиком, уткнулась лбом в ковер. Я вздохнул с облегчением. Зря. Только закрыл глаза, стараясь отвлечься от боли в плече, как явственно расслышал ее шепот:

— Врешь ты все...

Вру. Что поделать? Я усмехнулся.

— Спи. Завтра поговорим.

Скоро дыхание ее выровнялось. Я еще долго лежал, пытаюсь удобнее пристроить руку. Как уснул, не помню. Сон всегда приходит без спроса...

Эпилог

Организм орал: «Еще рано! Оставьте меня в покое!» Ужасно хотелось спать. Вместо этого меня настойчиво трясли. Женский голос повторял:

— Олег, вставай! Вставай, тебе говорят. Да сколько ж можно?

Я попытался отбрыкаться, впрочем, не слишком успешно. Тогда попросту перекатился на другой бок и буркнул.

— Ты кто? Отстань!

— Кто?

Голос возмутился так искренне, что стало ясно — для возмущения он имеет вполне законные основания.

— Я, между прочим, твоя жена! А ты кого ожидал здесь увидеть?

Жена? Я даже проснулся. Какая к чертям собачьим жена? Мне две недели как исполнилось шестнадцать!

От удивления я открыл глаза. Надо мной склонилось лицо Лельки. То ли сердитое, то ли встревоженное, так сразу и не разберешь.

— Леля? — не поверил я. — А ты что тут делаешь?

Она надула губы.

— Ковалев, я тебя не понимаю. Вроде не пил вчера? — В меня вперился подозрительный взгляд. — Или пил? А ну, дыхни!

От неожиданности я исполнил приказание. Дыхнул. Она принюхалась, задумалась. Пожала плечами. Изрекла:

— Перегаром, вроде, не пахнет.

Потом глянула на меня серьезно, укоризненно.

— Ты чего мне голову морочишь? Вставай! Ирина там тебя заждалась уже. Или хочешь, чтобы я ей позвонила и сказала, что ты не придешь?

— Лель, — сказал я примирительно, — не кипятись. Я просто еще не проснулся. Спросонья чего только не померещится?

— То-то же!

Она сразу растаяла. Наклонилась. Чмокнула меня в щеку.

— Вставай. Не хорошо заставлять людей ждать.

— Не хорошо, — согласился я.

Она ушла. Я проводил глазами ее фигурку, понимающе хмыкнул. В этой реальности Лелька слегка раздобрела. Оно и понятно, статус замужней дамы позволял расслабиться. По правде сказать, округлости ее ничуть не портили. Она была все так же хороша собой.

Я повернулся на спину, закинул руки за голову. И так, что мы имеем? Ирка, судя по всему спасена. Отец жив и не держит на меня зла. Мать... Я потер пальцами кончик носа. С матерью все выяснится, и очень скоро. Это плюс. А что в минусе?

Я покосился на двери, на свою руку с обручальным кольцом. Покрутил тонкий ободок на пальце. Та-а-ак, со свободой можно смело проститься, как и с холостяцкой жизнью. Не слишком большая плата. В крайнем случае можно и развестись. Не в рабство же я себя продал? Это мелочь, сущая ерунда.

А вот второй минус был куда неприятнее. Я совершенно, просто абсолютно не знал, что же случилось здесь за последние сорок лет. Мда... И как теперь с этим быть? И вообще, интересно, который нынче год? Не у Лельки же спрашивать?

Ладно. Я уселся на кровати, нашел ногами тапки. С этим потом разберусь. Пошарил глазами по комнате, разыскивая мобильник. С первой попытки не нашел.

— Олег! — Лелька снова подала голос. — Ну тебе что, помочь? Сам подняться не можешь?

Вот язва! Какой была, такой осталась. Что тогда, что сейчас.

— Встаю! — Крикнул я.

И на этот раз действительно встал.

В ванной сразу бросился к зеркалу. Хотелось понять, каким я стал, сколько мне лет? Куда меня, черт возьми, на этот раз зашвырнуло?

Из зеркала смотрело мое лицо. То самое, о котором я за последнюю неделю успел слегка позабыть. Лицо немолодого, но вполне импозантного дядьки. Не обрюзгшего, не заплывшего жиром. Лицо вполне себе приличного мужика. Отличие с привычным обликом было одно — этот Олег успел обзавестись аккуратной бородкой. В прошлой жизни меня такая блажь не посещала.

Зеркало было небольшим. Я отодвинулся на шаг, пытаюсь рассмотреть себя хотя бы по пояс, и ахнул. На левом плече, как генеральский эполет растекся огромный, грубый, синевато-белый рубец.

— Черт подери! Как же это? — Слова вырвались у меня невольно. Я не успел их удержать.

Тронул рукой шрам, прошелся по нему пальцами. Наверное, возглас получился излишне громким, эмоциональным. В дверях появилась испуганная Лелька, мельком глянула на меня, возмутилась:

— Ковалев, это что, шутка такая?

Я на всякий случай покачал головой.

Она раздула ноздри, набрала воздуха... Я подумал, что невольно нарвался на нотацию. Но нет. Лелька вдруг включила заднюю, вышла из ванной, закрыв за собой дверь. Стали слышны ее слова:

— Совсем спятил мужик. Сам же рассказывал, как в детстве на юге ошпарился кипятком...

Я вновь провел по шраму рукой. Ухмыльнулся. Ожег, значит. Что ж, хорошее объяснение, правдоподобное. Интересно, а Ирка помнит, что тогда случилось?

Сразу стало грустно. Сразу стало кисло. Хреново начинать жизнь, ничего не зная о том, что было раньше. Нет слов, как хреново. Все равно, что смотреть с конца интересный фильм. В душе поселилось ощущение, что кто-то могущественный мимоходом украл у меня половину судьбы.

Интересно, а как... Я впился взглядом в правую ладонь. Линия там была одна. Довольно длинная. Но до запястья ей было далеко. Возникло запоздалое сожаление — почему я не спросил у цыганки, как по длине линии жизни определить, когда наступит твой срок? Умеют же они это как-то делать. Точно знают, что умеют.

Это был риторический вопрос. Сейчас задать его было некому. А повторять его себе я мог хоть до бесконечности. Только результат на выходе получился бы нулевой. Значит, не стоит и думать об этом. Что было, то прошло.

Я умылся на скорую руку. Насухо вытерся. Покосился на дверь, ведущую в коридор. Мне еще предстояло привыкнуть к мысли, что Лелька моя жена. Что она полноправная хозяйка в этом доме. Чушь какая-то. Ковалев? Как тебя только угораздило?

Тут же появилась другая мысль: «Слава Богу, не Вика!» С Лелькой я управиться смогу. Как ни крути, а баба она неплохая.

— Олег! — Лелька почти кипела. — Честное слово, сейчас в лоб половником получишь! Иди есть. Там Ира тебе уже целую петицию написала. Они у отца в квартире битый час тебя ждут. Скоро машина приедет.

Я накинул полотенце на крючок, подмигнул своему отражению и пошел знакомиться с

семейной жизнью.

Сигарет в доме не наблюдалось. Этот новый Олег был излишне озабочен своим здоровьем. Вел правильный образ жизни. Зато на кухонном столе лежал телефон. Большой, в черном чехле. Явно мужской.

Я уселся на стул и сразу полез посмотреть дату. Мобильник меня не подвел, послушно поведал, что нынче на дворе 2019 год, август месяц, самая серединка. В этой реальности тоже прошла ровно неделя с тех пор, когда я пообещал за спасение Ирки свою жизнь.

Лелька поставила передо мной пшеничную кашу рыжими кусочками тыквы. От блюда чудесно пахло медом.

— Ешь, — сказала она, — а я сейчас кофе сварю.

Я взялся за ложку. Такая жизнь меня пока вполне устраивала. К кофе мне подсунули бутерброды с бужениной и маринованным огурчиком.

Сама Лелька не ела. Она просто сидела рядом, поставив локти на столешницу, уперев подбородок в ладони, и смотрела на меня. Я жевал мясо и думал, что раньше за ней такой привычки не наблюдалось. Впрочем, ничего против не имел.

После завтрака мне выдали одежду: джинсы, поло, кроссовки. Я собрался уже уходить, но Лелька меня перехватила, сказала с укоризной:

— Да что с тобой сегодня такое? Словно сам не свой.

Всунула в руки ключи и документы от машины.

— На, пешком что ли собрался идти?

Я сделал вид, что все идет по плану и слинял в наружу. Черт, чувствовал я себя ужасно неловко. И тут меня осенило. Осознание произошедшего накрыло холодной волной. А сколько еще таких ситуаций впереди?

В другой город что ли переехать? Начать жизнь с чистого листа? Пусть даже с Лелькой. Я же ни черта не знаю о себе. Кто я теперь? Кем работаю? Кто у меня друзья? Чем живу? А дети? Вдруг у меня есть дети? Я же сейчас, если встречу на улице, просто пройду мимо. Я же ведать о них ничего не ведаю. Мать вашу растак! Даже не знаю, на какой машине сейчас мне ехать и куда.

Я с тоской посмотрел на кнопку родной квартиры и нажал на звонок. Лелька почти сразу открыла. Спросила:

— Забыл чего?

Я попытался ухватиться за соломинку. Лелька-то в курсе, что, где и как.

— Может вместе поедем?

Лелька непритворно вздохнула.

— Олежек, не могу, я тут тесто на пироги поставила. Я к вам позже подъеду, уже на новую квартиру.

— Ну хорошо...

Кого я обманывал? Что в этом хорошего? У лифта украдкой достал ПТС. Так, цвет, номер, марка... Ага, весьма недурно. Кто бы еще сказал, где стоит?

Во дворе на первый взгляд ничего похожего не нашлось. И где искать? Вдруг ничего не поменялось, вдруг здесь все, как в прошлый раз, вдруг повезет хоть в этом? Помнится, тут совсем недалеко была стоянка. В прошлый жизни я часто ею пользовался. Вполне мог поставить туда.

Я спустился по ступеням крыльца и пошел прочь. Других идей все равно не было. Шел и думал: «Какой идиот сказал, что попаданцам живется легко? Только в книге бывает так, что раз — и все знания на блюдечке с голубой каемочкой. Настоящая жизнь не такая добрая. В ней все куда сложнее».

Я так задумался, что не сразу услышал, как звонит телефон. На экране было знакомое имя — Иринка. Мне стало страшно. Что ответить? Как с ней говорить? Я никогда не знал Ирку взрослой. Я нажал на зеленую трубочку.

— Олег? — Голос был сердитым, незнакомым. Да он и не мог быть знакомым. — Ты где? Ты куда пропал?

— Привет, Ириш.

Ирка не оттаяла:

— Тебя когда ждать?

И что тут ответить? Я понятия не имел, когда доберусь до них. Пришлось соврать:

— Скоро. Я тут...

Дальше все повторилось, как в дурном кино. Визг тормозов. Противный звук сигнала. Удар. Боли не было. Я просто не успел, не смог ее осознать. Еще был чей-то испуганный голос:

— Кто-нибудь вызовите скорую, здесь мужчину машиной сбило.

Под головой асфальт. Над головой небо. Синее-синее, бездонное. Холодное и равнодушное. Возле уха в трубке кричала Ирка:

— Олег! Олег! Что у тебя случилось? Ответь же! Не молчи!

Я попытался прошептать:

— Все нормально, Ириш, все нормально...

Но звука не вышло. В голове еще успело мелькнуть: «Все, Ковалев, допрыгался». И свет погас.

В отделении было тихо. Деловито сновали сестры. У стеклянной стены стояли двое в белых халатах — мужчина и женщина.

— Ты чего на работу пришла? Сегодня же не твоя смена? — Мужчина смотрел на женщину удивленно.

Она не заметила этого взгляда, ничего не ответила. Ей было не до того. Ладони ее лежали на холодном стекле. Там, за стеклом, в ярко освещенной палате, недвижимо лежал человек. Голова забинтована. Лицо спокойно. Глаза закрыты.

— Шансы есть? — спросила она.

Врач виновато развел руками.

— Даже не знаю, что тебе сказать, Ирина Санна.

— Скажи, как есть, — потребовала она. — Мне нужна правда. Меня можешь не обманывать. Я все равно до всего докопаюсь сама.

Она оторвалась от стекла и посмотрела на своего собеседника требовательно, в упор.

Мужчина вздохнул и опустил глаза.

— Шансы есть всегда, — произнес он, — Ты же знаешь. Каких только чудес не встречается. Но я не Господь-Бог. Не мне решать, кому жить, а кому...

Он поднял голову и глянул на собеседницу с состраданием.

— Он тебе кто?

Женщина оперлась о стекло лбом и снова устремила взгляд туда, где под простыней лежало недвижимое тело. Мерный писк отсчитывал пульс. По монитору бежала ломаная линия.

— Брат, — сказала она.

— Брат? — Врач удивился. — погоди, перед операцией он постоянно бредил. Все рвался спасти какую-то Ирочку. Ты же у нас Ирина Александровна? Не тебя, случайно?

— Меня.

Она улыбнулась с нежностью и грустью, не отрывая от стекла глаз.

— Когда-то, сорок лет назад, он спас меня. Хоть сам потом и не признавался в этом. Не любил об этом говорить. Но я-то знаю...

Она помолчала и обернулась к врачу. Взгляд у нее стал молящим.

— Я найду к нему?

— Ира, зачем? — Попытался отговорить ее мужчина. — Он сейчас никого не слышит. Он не узнает, что ты здесь была...

Ирина перехватила его руки.

— Мне нужно, Игорь. Слышишь, мне нужно. — Она судорожно сглотнула, словно ком в горле мешал выговаривать слова. — Если он сейчас...

Женщина замолкла, прикрыла глаза. На ресницах блеснули слезы. Но она взяла себя в руки.

— Если его вдруг не станет, я не прошу себе, что не увиделась с ним в последний раз.

Что она хотела здесь увидеть? Что хотела сказать? Кто знает? С чужой смертью и болью ей приходилось сталкиваться часто — почти каждый день. К ним она успела привыкнуть. Психологи называли такое явление модным словом — профдеформация.

Своя беда оказалась куда страшнее. Она была почти неподъемной. Слезы рвались наружу, их было сложно удержать. Ирина медленно подошла к кровати. Подхватила бессильную ладонь брата двумя руками, сжала, посмотрела в родное лицо, склонилась и горячо зашептала:

— Олег, это я. Ты меня слышишь? Это я, твоя Ирка.

С ресниц все-таки сорвалась непрошенная слеза и покатилась по щеке. Женщина не стесняясь хлюпнула носом, а потом договорила:

— Спасибо, у тебя все получилось. Ты не бросил меня, как и обещал.

Закрытые веки мужчины дрогнули, но глаза не открылись. Пальцы его на миг сжались и тут же обмякли вновь. Навсегда. По монитору, где только что огонек отбивал удары сердца побежала прямая линия.

Провидение приняло плату...

Больше книг на сайте - Knigoed.net